АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

КАЗАНЬ 1965

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

КАЗАНЬ 1965

Редактор кандидат исторических наук
А. М. Залялов

М. Г. ШАМСЕЕВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ РАЦИОНАЛИЗАТОРОВ И ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАТАРИИ ЗА ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

(1959—1963 гг.)

Переход от социализма к коммунизму требует решения ряда важнейших экономических задач, главной из которых является создание материально-технической базы коммунизма. Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, указывает, что решение этой задачи возможно лишь при максимальном ускорении технического прогресса, широком внедрении достижений науки и передового опыта в производство, всемерном повышении производительности труда. Важнейшим источником непрерывного ускорения технического прогресса служит творческий труд советского рабочего класса и инженерно-технических работников. Ярким показателем развертывания активности и инициативы народных масс является движение рационализаторов и изобретателей. В СССР творчество масс стало могучим двигателем технического прогресса.

Вопросам развития рационализаторского и изобретательского движения, участия в нем широких масс трудящихся посвящен ряд работ [1]. Однако полного отражения в исследовательской литературе эта форма борьбы советского народа за технический прогресс в период развернутого строительства коммунизма еще не получила. Особенно слабо освещено новаторское движение среди работников нефтедобывающей промышленнос-

---

[1] А. Ф. Гармашев. Изобретательство в СССР. М., Госполитиздат, 1957; «Изобретательство и рационализация в СССР». М., Профиздат, 1962; В. С. Познанский. О развитии массового рабочего изобретательства и рационализации в СССР. «Вопросы истории», 1960, № 3; «Партийные организации Поволжья в борьбе за технический прогресс». Сборник статей. Казань, изд-во КГУ, 1963; С. Н. Мостовой. Деятельность партийных организаций по коммунистическому воспитанию рабочих в борьбе за технический прогресс. В кн.: Некоторые вопросы организационно-партийной работы в современных условиях. М., изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961.

ти [1], в том числе и в Татарской АССР [2]. Имеющиеся небольшие брошюры о рационализаторах и изобретателях нефтяной промышленности Татарии страдают крайностями: это или очерки о них, или же чисто технические описания того или иного рационализаторского предложения [3].

В данной статье сделана попытка на основе изучения документов партийного архива Татарского обкома КПСС, материалов текущих архивов и прессы осветить движение рационализаторов и изобретателей нефтедобывающей промышленности Татарии на современном этапе коммунистического строительства, показать их вклад в общую борьбу за технический прогресс.

*
* *

Коммунистическая партия постоянно уделяла и уделяет большое внимание техническому прогрессу. Большую роль в мобилизации усилий трудящихся на борьбу за техническое совершенствование производства сыграл XXI съезд КПСС.

«Решающим условием успешного выполнения семилетнего плана и создания материально-технической базы коммунизма, — говорится в резолюции съезда, — является широкое внедрение новой техники, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, специализация и кооперирование во всех отраслях народного хозяйства» [4].

Июньский (1959 г.) Пленум ЦК КПСС вновь подчеркнул важность технического прогресса в период развернутого строительства коммунизма. В принятом Пленумом обращении «Героическим трудом воздвигнем величественное здание коммунизма» содержится горячий призыв Коммунистической партии ко всем трудящимся внести свой вклад в дело ускорения технического прогресса: «Пусть каждый рабочий, инженер, ученый, колхозник, агроном, учитель, врач, изучив решения Пленума, подумает, как применить их в своей практической работе. Пусть каждый трудовой коллектив выработает план освоения и внедрения достижений науки, техники, автоматики, лучшего использования производственных резервов и площадей, чтобы быстрее взять свои рубежи семилетки» [5].

---

[1] Н. Р. Бахрамов. Борьба Коммунистической партии Азербайджана за технический прогресс в нефтяной промышленности. Баку, Азербайджанское государственное издательство, 1962.

[2] М. Шихова. Основные направления технического прогресса в нефтедобывающей промышленности Татарии. Казань, 1959.

[3] И. Зарипов. Рационализаторских дел мастера. Казань, Таткнигоиздат, 1962; М. Иванов. Драгоценные зерна. Статьи и очерки. Казань, Таткнигоиздат, 1960; А. Мухаметзянов. Застрельщики нового, передового. Казань, Таткнигоиздат, 1963, и др.

[4] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. IV. М., Госполитиздат, 1960, стр. 390

[5] Там же, стр. 569.

Трудящиеся нашей страны горячо откликнулись на призыв Коммунистической партии. Вместе со всем советским народом активно включились в борьбу за осуществление грандиозных задач коммунистического строительства и нефтяники Татарии.

Большие и ответственные задачи поставлены партией и правительством перед нефтяниками республики в текущей семилетке. В реализации этих задач большая роль отводится творческой активности рабочих и инженерно-технических работников нефтяной промышленности, дальнейшему развертыванию движения рационализаторов и изобретателей. За последние годы новаторы-нефтяники внесли сотни ценных предложений, улучшивших технологию производства и позволивших повысить темпы буровых работ, увеличить добычу нефти и газа. Так, только за период между XX и XXII съездами КПСС количество внесенных ими предложений увеличилось примерно в три раза [1].

Подъем творческой активности масс проявляется в ряде патриотических начинаний. Так, в честь июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС на предприятиях Управления нефтяной промышленности Татарского совета народного хозяйства (УНП ТСНХ) [2] с 1 мая по 1 июня был проведен месячник по рационализации и изобретательству. Хорошо прошел месячник в тресте «Татбурнефть». За период месячника поступило 335 рационализаторских предложений, из них 163 было внедрено в производство. Рабочими и служащими треста были приняты индивидуальные обязательства в честь Пленума по созданию фонда имени семилетки за счет внедрения рационализаторских предложений [3]. Из наиболее ценных предложений, внесенных за это время работниками треста «Татбурнефть», необходимо выделить следующие: агрегат для откачки воды, разработанный и внедренный творческой бригадой в составе Д. Н. Фомина, М. А. Чайникова, Ф. Н. Майорова, Н. В. Карпухина. Годовая экономия от внедрения этого предложения составила 5,9 тыс. руб. Другая бригада в составе М. Н. Григорьева, Е. А. Чеблакова, П. В. Сергеева, В. П. Гриценко, Грабилова разработала приспособление для ступенчатой заливки скважин цементом, что позволяет сэкономить в среднем на одну скважину 14,8 тонн ценного строительного материала. Условная годовая экономия составила 8,6 тыс. руб. [4].

---

[1] Подсчитано автором по материалам отчетов о рационализации и изобретательстве Управления нефтяной промышленности Татарского совета народного хозяйства (УНП ТСНХ) за 1956 и 1961 гг.

[2] С 1963 г. Управление нефтяной промышленности Татарского совнархоза в связи с ликвидацией последнего и образованием Средне-Волжского совнархоза было переименовано в объединение «Татнефть».

[3] Материалы объединения «Татнефть». Отчет о рационализации и изобретательстве по тресту «Татбурнефть» за 1959 г., л. 5.

[4] Там же.

Хороших результатов добились также нефтепромысловые управления (НПУ) «Азнакаевнефть», «Алькеевнефть», «Бавлынефть», Миннибаевский газобензиновый завод. На этих предприятиях в 1959 г. каждый пятый работающий являлся рационализатором [1]. По итогам работы первых трех кварталов 1959 г. управлению «Азнакаевнефть» было присуждено переходящее Красное Знамя Совета Министров РСФСР [2].

Борьбу за технический прогресс на решающих участках производства возглавили здесь коммунисты. Они выступили инициаторами всех добрых начинаний. Как известно, нефть Татарии содержит в своем составе парафин, который во время эксплуатации скважин откладывается на стенках труб. Приходится периодически очищать их. Это делалось обычно не реже одного раза в смену. Тратилось много сил и средств. Коммунисты промысла № 2 — начальник геологического отдела Ш. Киреев, мастер первой бригады Н. Дурасов, старший оператор А. Суербаев после тщательного исследования работы скважин предложили изменить режим действия депарафинизационных установок. В результате на некоторых скважинах стали спускать скребок один раз в сутки, а на многих — через трое-четверо суток. Это позволило бригадам переключиться на односменную работу. Обслуживающий персонал сократился почти на одну треть. Высвободившихся рабочих направили на другие, ранее отставшие участки. И что особенно важно — на семичасовой рабочий день промысловики нефтяного управления перешли без дополнительного увеличения численности добытчиков [3].

В авангарде борьбы за технический прогресс идут коммунисты и других промыслов и контор бурения Татарии. Для молодой нефтедобывающей промышленности республики характерны высокие темпы технического прогресса.

Важную роль в развитии движения рационализаторов и изобретателей сыграли решения декабрьского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС о расширении прав профессиональных союзов, создание Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР, организация в 1958 г. Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Главная задача общества состоит в том, чтобы «мобилизовать творческую инициативу новаторов производства, рационализаторов и

---

[1] Материалы объединения «Татнефть». Отчет о рационализации и изобретательстве по Управлению нефтяной промышленности Татсовнархоза за 1959 г., л. 1.

[2] Материалы объединения «Татнефть». Отчет о рационализации и изобретательстве по НПУ «Азнакаевнефть» за 1959 г., л. 1.

[3] А. Мухаметзянов. Застрельщики нового, передового. Казань, Таткнигоиздат, 1963, стр. 5.

изобретателей на ускорение технического прогресса во всех отраслях хозяйства» [1].

Принятый Советским правительством новый порядок вознаграждения изобретателей и рационализаторов явился стимулирующим фактором дальнейшего подъема технического творчества в стране.

Заслуживает внимания положительный опыт работы советов ВОИР в ряде нефтедобывающих предприятий Татарской республики. Как пример можно привести деятельность совета ВОИР треста «Татбурнефть». Работа проводится по плану. Совет систематически заслушивает на своих заседаниях сообщения о работе первичных организаций ВОИР. Здесь созданы группы активистов, выпускаются бюллетени технической информации с описанием лучших рационализаторских предложений и изобретений. Оборудован уголок рационализатора, проводятся конференции рационализаторов. С 1 марта 1959 г. все предприятия треста начали оформлять поступившие предложения и вести документацию по более удобной и упрощенной форме, принятой на казанском заводе «Теплоконтроль». Внедрение новой формы ведения документации ускорило процесс рассмотрения и внедрения поступивших предложений, способствовало выполнению взятых обязательств.

В подъеме рационализаторского движения значительную роль сыграли партийные организации республики. Вопросы технического прогресса и участия в нем широких масс трудящихся стоят в центре внимания областной, городских, районных и первичных партийных организаций. В последние годы Коммунистическая партия осуществила решительный поворот к конкретному руководству народным хозяйством и, в частности, нефтяной промышленностью. Вопросы технического прогресса стали чаще и квалифицированнее обсуждаться на партийных конференциях, на бюро и пленумах Татарского обкома, горкомов, райкомов партии, на собраниях партийно-хозяйственного актива, в первичных парторганизациях нефтяной промышленности республики. На всех предприятиях нефтяной промышленности Татарии рабочими, служащими, инженерно-техническими работниками и представителями науки под руководством партийных организаций были разработаны организационно-технические мероприятия по внедрению новой техники, комплексной механизации и автоматизации и ведется настойчивая борьба за их выполнение. Решающие участки партийной, профсоюзной, комсомольской и хозяйственной работы в нефтяной промышленности укреплены политически зрелыми и квалифицированными кадрами. Большое место в работе партийных организаций занимает контроль за внедрением новой

[1] Материалы I съезда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. М., 1959, стр. 6.

техники. Для этого на всех предприятиях нефтяной промышленности республики при парторганизациях созданы комиссии партийного контроля, содействующие внедрению новой техники, комплексной механизации и атоматизации, снижению себестоимости продукции, повышению культуры производства. Эти комиссии способствуют росту творческой инициативы, привлечению широких масс к активному общественному контролю, дальнейшему укреплению дисциплины и повышению ответственности руководителей предприятий за выполнение государственных планов, за внедрение и освоение новой техники.

Важное значение для развития нефтяной промышленности республики, увеличения добычи нефти и газа имели мероприятия, намеченные в 1959 году бюро ЦК КПСС по РСФСР и Советом Министров Российской Федерации. Областная партийная организация усилила внимание к вопросам технического совершенствования бурения и нефтедобычи. Татарский обком КПСС указывал на необходимость дальнейшего технического прогресса, как одного из решающих условий быстрого роста нефтяной промышленности республики. Бюро обкома КПСС обязало соответствующие партийные, профсоюзные и хозяйственные органы обеспечить широкое внедрение новых, прогрессивных методов в технике бурения и добыче нефти — бурение скважин долотами уменьшенных и малых диаметров, радиодиспетчеризацию и телеконтроль процессов добычи, применение гидравлического разрыва пластов, поддержание пластового давления методом законтурного и внутриконтурного заводнения, а также проведение других мероприятий, направленных на дальнейшее повышение скоростей бурения, снижение себестоимости метра проходки и тонны нефти, усовершенствование разработки нефтяных месторождений [1].

Коммунисты активно включились в борьбу за выполнение этого решения. Парторганизации нефтепромысловых управлений «Азнакаевнефть» и «Алькеевнефть», стремясь подтянуть отстающие участки, бригады и цехи до уровня передовых, организовали школы по изучению опыта работы лучших коллективов — бригад Героев Социалистического Труда Курбана Агаповича Валиева, Михаила Петровича Гриня, Александра Григорьевича Тимченко, а также бригад Дамира Нурисламова, Юнира Мухарметова, Барея Багуманова и других. Их трудовые навыки перенимают нефтяники не только Татарии, но и других районов страны.

Большие резервы повышения производительности труда кроются в умении правильно организовать работу. Так, по предложению А. Г. Тимченко при конторе бурения вместо двух вышкомонтажных бригад по 15 человек была создана одна,

---

[1] Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, оп. 41, д. 55, л. 7.

в количестве 20 человек. В таком составе уже к июльскому (1960 г.) Пленуму ЦК КПСС бригада сдала столько буровых, сколько за весь 1959 г. Такого еще не было ни в одном нефтяном районе страны [1].

Обмен опытом позволяет работникам трестов и нефтепромыслов повысить производительность труда и обеспечить своевременное выполнение государственных заданий.

В авангарде борьбы за большую нефть в одном ряду с коммунистами идет и комсомол Татарии. При Татарском обкоме ВЛКСМ создан республиканский штаб по оказанию шефской помощи в автоматизации и механизации нефтяного производства. На каждом участке созданы комсомольские контрольные посты, отряды и штабы «Комсомольского прожектора». Молодежь активно участвует в сокращении бездействующего фонда скважин, шефствует над особо важными мероприятиями по внедрению автоматического контроля за работой скважин и по осуществлению законтурного заводнения, над строительством предприятий химической, нефтяной и газовой промышленности, над освоением новых месторождений нефти и пр.

В 1959 г. ЦК ВЛКСМ объявил конкурс молодых рационализаторов. Молодежь нефтяных предприятий Татарии приняла в нем самое активное участие. Так, например, альметьевцы выступили с лозунгом: «Каждый пятый молодой нефтяник — рационализатор». В г. Альметьевске в конкурсе участвовало 49 предприятий. Было подано 969 предложений, от частичного внедрения которых получена условная годовая экономия в 344,5 тыс. руб. Значительно увеличились ряды членов ВОИР. За время конкурса в Общество вступило 1131 чел., из них 549 комсомольцев. Успешно прошел конкурс на Миннибаевском газобензиновом заводе и в г. Бугульме.

Всего за время конкурса поступило от молодежи 1427 рационализаторских предложений [2]. Среди них необходимо отметить следующие: «Передвижная эксплуатационная вышка для капитального ремонта скважин», автор И. А. Филей, прораб строительно-монтажной конторы НПУ «Бугульманефть»; «Поинтервальный гидравлический разрыв пластов в нефтяных и нагнетательных скважинах», автор И. С. Горохов, старший инженер производственно-технического отдела цеха капитального ремонта скважин; «Приспособление для снятия задвижки с магистрального трубопровода под давлением», автор т. Пономарев, начальник участка вышкомонтажной конторы треста «Альметьевбурнефть» [3].

---

[1] «Советская Татария», 6 марта 1960 г.; С. Г. Скрыпник, В. И. Васютин. Передовые методы вышкостроения. Казань, Таткнигоиздат, 1961, стр. 22.

[2] М. Иванов. Драгоценные зерна. Статьи и очерки. Казань, Таткнигоиздат, 1960, стр. 12.

[3] М. Иванов. Указ. работа, стр. 12.

Молодые нефтяники г. Альметьевска являются зачинателями и такой ценной инициативы, как проходка скважин «эстафетой», позволяющая ликвидировать «окна» между отдельными этапами работ по сооружению скважин, сократить сроки ввода их в строй, получить сотни тысяч рублей сверхплановой экономии [1].

Новый подъем рационализаторского движения был вызван подготовкой к июльскому (1960 г.) Пленуму ЦК КПСС. На предприятиях нефтяной промышленности республики были проведены технические конференции и совещания, на которых решались конкретные вопросы повышения производительности труда, снижения себестоимости, экономии сырья, материалов, электроэнергии и т. д. Проведенные смотры-конкурсы показали высокую активность работников нефтяной промышленности Татарии. Характерно, что по итогам полугодовых конкурсов нефтяники с 1959 г. постоянно удерживали первые места среди предприятий Татарского совнархоза. Так, в первом полугодии 1960 г. первая премия Татсовнархоза и Татарского областного совета профессиональных союзов (Татоблсовпрофа) была присуждена коллективу треста «Альметьевбурнефть» [2]. За работу во втором полугодии 1960 г. первая премия заслуженно была присуждена молодому коллективу НПУ «Алькеевнефть», где уже каждый четвертый работающий являлся рационализатором. В НПУ «Алькеевнефть» количество внедренных предложений по сравнению с 1959 г. увеличилось на 72,2%, а сумма экономии от внедренных рационализаторских предложений возросла более чем в 2 раза [3]. Цехи и конторы бурения треста «Альметьевбурнефть» от внедрения рационализаторских предложений получили в 1960 г. экономию в 622 тыс. руб., что в 2,3 раза превысило результаты, полученные в 1959 г. [4]. За всю историю развития нефтяной промышленности Татарии такая высокая экономическая эффективность от внедрения рационализаторских предложений была достигнута впервые.

7 апреля 1961 г. в Лениногорске состоялось совещание рационализаторов объединения «Татнефть», которое подвело итоги борьбы рационализаторов и изобретателей за технический прогресс. Совещание отметило, что рационализаторы и изобретатели сыграли большую роль в развитии нефтяной промышленности Татарии. Только за два года семилетки было внедрено в производство более 10 тысяч рационализаторских предло-

---

[1] «Коммунист Татарии», 1963, № 1, стр. 57.

[2] «Татарская нефть», 1961, № 5, стр. 36.

[3] Подсчитано автором по материалам годовых отчетов о рационализации и изобретательстве НПУ «Алькеевнефть» за 1959 и 1960 гг. Материалы объединения «Татнефть».

[4] Материалы объединения «Татнефть». Отчет о рационализации и изобретательстве по Управлению нефтяной промышленности Татарского совнархоза за 1960 г., л. 233; «Татарская нефть», 1961, № 5, стр. 36.

жений, от реализации которых получена экономия в сумме 1,7 млн. руб. [1].

На совещании высокой оценки заслужила деятельность новаторов треста «Татбурнефть», которые внесли ряд ценнейших предложений, обеспечивающих высокую производительность труда, особенно в вышкостроении. С конца 1959 — начала 1960 гг. в Татарии было начато внедрение облегченных буровых установок типа БУ-75. Но схема размещения элементов установки страдала рядом недостатков, вследствие чего создавалось неудобство в монтаже, увеличивались сроки строительства буровых, затруднялась эксплуатация.

Группа специалистов треста «Татбурнефть» (В. И. Мищевич, М. М. Троицкий, С. Г. Скрыпник) совместно с новаторами вышкостроения провела большую работу по модернизации буровых установок, что дало возможность вышкомонтажной бригаде Героя Социалистического Труда А. Г. Тимченко демонтировать, перевезти и вновь смонтировать буровую на новой точке за 7 часов, затратив в 72 раза меньше времени, чем тратилось в среднем на эти работы по стране.

Однако наряду с достигнутыми успехами в работе по рационализации и изобретательству имели место и серьезные недостатки. На некоторых предприятиях нефтяной промышленности республики рост рационализации был незначителен, показатели ее низки. Так, в тресте «Татнефтегазразведка» поступивших и внедренных предложений на 100 человек работающих в 1960 г. было в 3 раза, а сумма годовой экономии в 4—5 раз меньше, чем в других трестах. Общим недостатком, тормозящим рационализаторскую работу, был низкий процент подсчета экономической эффективности по внедренным предложениям. Например, в 1960 г. в Управлении нефтяной промышленности Татсовнархоза экономия была подсчитана лишь по 23% внедренных предложений, а в НПУ «Бавлынефть» и того меньше (по 9%), тогда как по другим отраслевым управлениям этот показатель превысил 50%. В НПУ «Альметьевнефть» из-за неправильного отношения к подсчету экономии сумма авторских вознаграждений и премий за содействие внедрению была в 2—4 раза меньше, чем на других нефтяных предприятиях Татарии [2]. Недостаточность поощрения и экономического стимулирования работы новаторов в какой-то мере оказали тормозящее действие на развитие массового рационализаторского движения.

Много нового вносит в рационализаторскую работу составление личных планов рационализаторов. Однако не везде еще оно вошло в практику. Между тем опыт показал, что кварталь-

[1] Подсчитано автором по материалам годовых отчетов о рационализации и изобретательстве УНП ТСНХ за 1959 и 1960 гг. Материалы объединения «Татнефть».

[2] «Татарская нефть», 1961, № 5, стр. 37.

ные планы заданий по поступлению и внедрению предложений и по суммам экономической эффективности их помогают промыслам и цехам лучше организовать работу.

Татарский обком КПСС и Совет Министров ТАССР в своем постановлении «О мерах по улучшению внедрения в народное хозяйство изобретений и рационализаторских предложений» от 18 июня 1960 г. обязал Татсовнархоз и руководителей предприятий «разработать конкретные мероприятия по улучшению использования изобретений и рационализаторских предложений с установлением конкретных сроков внедрения их в производство». В постановлении указывалось далее, что внедрение изобретений и рацпредложений необходимо «включать, в зависимости от их важности и значения, соответственно в разделы новой техники планов развития предприятия» [1].

Учитывая важность распространения передового опыта в усилении массового рационализаторского и изобретательского движения, бюро обкома КПСС обязало партийные организации нефтяных районов, Татсовнархоз, Татоблсовпроф и другие организации «принять решительные меры к коренному улучшению дела пропаганды научно-технических и экономических знаний и передового опыта, памятуя, что борьба за технический прогресс, за повышение культурно-технического уровня рабочих является теперь главным звеном, решающим фактором в досрочном выполнении семилетнего плана» [2].

Претворяя в жизнь указания областного комитета партии и Совета Министров ТАССР, партийные организации на местах развернули борьбу за усиление роли рационализаторов и изобретателей в техническом совершенствовании производства, в выполнении принятых обязательств.

В развитии творчества широких масс нефтяников большую роль играют профсоюзные организации республики. Татоблсовпроф, обком профсоюза работников нефтяной и газовой промышленности и первичные комитеты постоянно держат в центре внимания состояние рационализаторского движения. На конференциях, пленумах, на заседаниях президиума Татоблсовпрофа, на активах обсуждаются вопросы о ходе рационализаторского и изобретательского движения в республике и намечаются конкретные мероприятия по улучшению работы с новаторами производства [3]. Татоблсовпроф совместно с Татарским совнар-

---

[1] Партархив Татарского обкома КПСС. Ф. 15, оп. 41, д. 36, л. 83.

[2] Партархив Татарского обкома КПСС. Ф. 15, оп. 41, д. 32, л. 25. Постановление бюро ОК КПСС от 26 апреля 1960 г. «О состоянии пропаганды технических знаний и передового опыта в нефтяной промышленности республики».

[3] Текущий архив Татоблсовпрофа. См. протокол № 19 (42) заседания президиума Татоблсовпрофа от 24 сентября 1959 г. «О недостатках в деле рассмотрения и внедрения изобретений и рационализаторских предложений на предприятиях Татсовнархоза», лл. 1—6; протокол № 11 (34) от 4 июня 1959 г. Постановление президиума ВЦСПС «О работе профсоюзных органи-

хозом регулярно проводил общественные смотры организации труда, уровня технического прогресса, культуры производства и техники безопасности на предприятиях, организовывал конкурсы по рационализации и изобретательству на лучшее предприятие, на лучшую творческую бригаду, на лучшего рационализатора и изобретателя.

При помощи партийных, профсоюзных и комсомольских организаций рационализаторское движение среди нефтяников приняло большой размах. Особенно наглядно это проявилось в дни подготовки к историческому XXII съезду КПСС. На всех предприятиях нефтяной промышленности Татарии были проведены собрания, на которых были обсуждены имеющиеся возможности и приняты на третий год семилетки повышенные социалистические обязательства в честь предстоящего съезда. Мощный политический и трудовой подъем сопровождался многими ценными начинаниями, новой волной соревнования за звание коллективов и ударников коммунистического труда. В борьбу за это почетное звание включились 617 лучших бригад, мастерских, цехов и 17 предприятий. [1]

Развитие соревнования за коммунистический труд и предсъездовский трудовой подъем явились мощными рычагами роста массового рационализаторского и изобретательского движения. Рационализаторы-нефтяники, подсчитав свои возможности, обязались внести в фонд семилетки в 1961 г. 2,7 млн. руб. экономии [2]. В целом по нефтяным районам республики были приняты обязательства дать за годы семилетки за счет внедрения изобретений и рационализаторских предложений 12,5 млн. руб. [3].

Инициатива народных масс рождает новые формы и методы борьбы за технический прогресс. По почину Уральского машиностроительного завода впервые в стране стали создаваться конструкторские бюро на общественных началах (ОКБ). В соответствии с распоряжением Управления нефтяной промышленности Татсовнархоза от 25 октября 1960 г. были организованы общественные конструкторские бюро и на предприятиях нефтяных районов республики. Деятельность ОКБ направлена на ока-

---

заций в связи с предстоящим Пленумом ЦК КПСС по вопросам внедрения комплексной механизации, автоматизации производства, модернизации оборудования и выполнения майского Пленума ЦК КПСС 1958 года», лл. 4—6; протокол № 6 от 11 апреля 1959 г. «О работе Татарского областного совета ВОИР», лл. 5—7; протокол № 6 (31) от 23 марта 1961 г. «О работе областного совета ВОИР по организации выполнения социалистических обязательств по созданию новаторского фонда экономии имени семилетки», лл. 4—7 и др.

[1] Материалы объединения «Татнефть». Объяснительная записка к годовому отчету за 1961 г., л. 340.

[2] Текущий архив Татоблсовпрофа. Протокол V пленума Татоблсовпрофа от 15 июня 1963 г., л. 11.

[3] М. Иванов. Указанная работа, стр. 8.

вание квалифицированной помощи рационализаторам и изобретателям, на разработку и внедрение усовершенствований, способствующих дальнейшему техническому прогрессу. Так, например, силами общественных конструкторских бюро в НПУ «Лениногорскнефть» была проведена реконструкция обезвоживающей установки для обессоливания нефти, установлена телесигнализация аварийного состояния кустовых насосных станций, сконструированы и пущены в ход временные очистные сооружения на объектах законтурного заводнения и др.; в НПУ «Альметьевнефть» за короткий промежуток времени был введен ускоренный метод исследования скважин, разработана схема частичной автоматизации и диспетчеризации электрообезвоживающей установки, сконструированы и введены в действие датчик осевого смещения вала насоса (на 12 кустовых насосных станциях) и аппарат для контроля загрязненности воды на очистных сооружениях.

В НПУ «Алькеевнефть» творческими группами и отдельными рационализаторами только в течение 1962 г. было внедрено 807 предложений с экономическим эффектом более 250 тыс. руб.

Хорошо работают общественные конструкторские бюро при тресте «Татбурнефть». Члены ОКБ Мищевич, Григорьев, Зеберг сконструировали специальную гидромешалку, применение которой дает возможность значительно сократить время перехода с воды на глинистый раствор при бурении скважин, в результате чего по одному только тресту «Татбурнефть» в 1962 г. сэкономлено 56,6 тыс. руб.[1]. Другая творческая группа этого же треста разработала новый способ обогрева буровых электрокотелками, благодаря чему можно было отказаться от строительства котельных и прокладки труб. Это дало экономию по тресту за один только 1962 г. 762 тыс. руб.[2] и повысило культуру производства.

Подобных примеров можно привести множество. Все они убедительно показывают, что общественные конструкторские бюро явились важным шагом в борьбе за технический прогресс, в ускорении разработки и внедрения предложений изобретателей и рационализаторов. Число ОКБ с каждым годом растет. Так, если в 1960 г. было создано 28 общественных конструкторских бюро и примерно 200 инициативных групп, то уже к началу 1963 г. на предприятиях объединения «Татнефть» работали 110 ОКБ и 341 творческая группа[3]. К работе в ОКБ и творческих групп привлекаются инженеры, техники, рабочие-

---

[1] Текущий архив Татарского правления научно-технического общества нефтяной и газовой промышленности (НТО НГП). Отчет о работе Татарского правления НТО НГП за 1961—1962 гг., л. 12.

[2] Там же, стр. 6.

[3] Подсчитано автором по годовым отчетам Татарского правления НТО НГП за 1960 и 1962 гг.

новаторы производства. Ими только в 1962 г. было выполнено 1165 работ, давших большой экономический эффект [1].

Деятельность общественных конструкторских бюро имеет не только экономическое, но и большое политическое и воспитательное значение. Они приобщают к инженерно-конструкторской работе, наряду с инженерами, многих рабочих. Рабочие-рационализаторы успешно овладевают элементами инженерно-технической подготовки, что является необходимым условием для стирания граней между физическим и умственным трудом.

Максимальное ускорение научно-технического прогресса,— говорится в Программе КПСС,— является важнейшей общенародной задачей. В этих целях «необходимо всемерно развивать инициативу советов народного хозяйства, предприятий, общественных организаций, ученых, инженеров, конструкторов, рабочих, колхозников в создании и применении новых технических усовершенствований». В решении этого вопроса «первостепенное значение имеют материальное и моральное стимулирование массового изобретательства и рационализаторского движения, предприятий, цехов, совхозов, колхозов, бригад и новаторов труда, осваивающих производство новой техники и умело ее использующих» [2].

XXII съезд КПСС подчеркнул необходимость усилить внимание к экономическим вопросам, вопросам рентабельности предприятий. Претворяя в жизнь решения съезда, партийные, профсоюзные, комсомольские организации и хозяйственные органы провели ряд мероприятий по совершенствованию производства, рациональной организации труда, ускорению технического прогресса. Одним из этих мероприятий является организация общественных бюро и групп экономического анализа (ОБЭА).

На предприятиях нефтяной промышленности Татарии они стали создаваться с конца 1960 г. К началу 1963 г. в объединении «Татнефть» насчитывалось 117 бюро и групп экономического анализа. Свою работу они строят исходя из нужд предприятия, планы их имеют конкретный характер, в результате чего мероприятия, осуществляемые ими, обеспечивают получение высокого экономического эффекта. Например, с целью экономии электроэнергии ОБЭА Управления нефтяной промышленности Татсовнархоза внесло предложение об установлении более экономичных электродвигателей на сборе и транспортировке нефти, позволяющее сэкономить почти 12 млн. киловатт-часов в год [3]. Членами ОБЭА треста «Татнефтегеофизика»

---

[1] Текущий архив Татарского правления НТО НГП. Отчет о работе за 1961—1962 гг., л. 12.

[2] Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 374—375.

[3] Текущий архив Татарского правления НТО НГП. Отчет о работе за 1961—1962 гг., л. 12.

только в 1962 г. разработано 35 рекомендаций, внедрение которых в производство позволило получить 260 тыс. руб. экономии [1].

Много ценных предложений разработано и внедрено ОБЭА других предприятий объединения «Татнефть». Конкурс-смотр на лучшее общественное бюро экономического анализа, проведенный в апреле-июне 1962 г., показал, что общественные бюро экономического анализа — нужная и экономически эффективная организация. Она оживляет экономическую работу, а главное, мобилизует на нее лучшие силы цехов, участков, бригад, т. е. непосредственных исполнителей тех или иных процессов производства и труда.

Большую помощь развитию изобретательства и рационализаторского движения оказывают научно-технические общества (НТО), имеющиеся в самых различных отраслях народного хозяйства. Научно-техническое общество нефтяной и газовой промышленности (НТО НГП) Татарии направляет свою работу на развитие творческой инициативы членов общества в борьбе за технический прогресс, на разработку и внедрение новой техники и технологии, механизации и автоматизации производственных процессов, на неуклонное повышение производительности труда, быстрейшее осуществление планов дальнейшего развития нефтяной и газовой промышленности.

Работа первичных организаций НТО НГП еще больше оживилась, наполнилась конкретным содержанием, когда по почину Коломенского паровозостроительного завода научным техническим обществам были переданы функции технических советов. Если раньше все важные производственно-технические вопросы решались узким кругом лиц, введенных в техсовет приказом по предприятию, то теперь обсуждение этих вопросов выносится на рассмотрение советов НТО.

Совет НТО НГП в своем составе имеют несколько различных секций, в работе которых активное участие принимает широкий круг членов общества: передовики и новаторы производства, рационализаторы и изобретатели. Это дает положительные результаты в решении важнейших задач по техническому прогрессу. Уже в 1960 г. во всех первичных организациях Татарского отделения НТО НГП техсоветы были упразднены, а их функции переданы советам НТО.

Татарское правление НТО НГП координирует и направляет деятельность первичных организаций, общественных конструкторских бюро, общественных бюро и групп экономического анализа, руководит работой творческих групп сообразно потребностям производства. Так, правление НТО НГП Татарии совместно с научными учреждениями провело научно-техническое совещание по вопросу разработки Бавлинского нефтяного ме-

[1] Текущий архив Татарского правления НТО НГП. Отчет о работе за 1961—1962 гг.

сторождения. Реализация рекомендаций этого совещания позволила провести крупный промышленный эксперимент по разработке месторождения с разреженной сеткой скважин. Много ценного внесли работники нефтедобывающих предприятий и в дальнейшее развитие и совершенствование метода законтурного и внутриконтурного заводнения. За новую систему разработки нефтяных месторождений с применением внутриконтурного заводнения, позволившего быстро и с высокой эффективностью освоить крупнейшее в стране Ромашкинское нефтяное месторождение, группа ученых и специалистов-нефтяников Татарской АССР удостоена Ленинской премии за 1962 г.

Большую роль НТО НГП играет в разработке тематических планов по рационализации и изобретательству и оказании практической помощи новаторам производства в их творческом труде. Так, правление НТО НГП Татарии в 1960 г. провело конкурс на лучшие предложения по трем темам: конструкции оборудования для двух или более пластов по одной скважине; конструкции оборудования для раздельной закачки воды в два и более пластов по одной скважине; конструкции автозакрывателя скважин. В конкурсе приняли участие инженеры, техники и рабочие. Было подано 26 предложений, 13 из которых отмечены премиями (предложения Б. Ф. Губанова и К. И. Пономарева — работников НПУ «Лениногорскнефть», Максутова, Кострюкова и Михеева — работников ТатНИИ и промыслов, Чанышева и Михеева — работников НПУ «Азнакаевнефть» — удостоены первых и вторых премий). Отличительной чертой проведенного конкурса является активное участие в нем рабочих-рационализаторов. Так, например, оператор НПУ «Альметьевнефть» Р. Х. Амирханов лично и в соавторстве внес четыре предложения, два из которых были премированы [1].

Действенным средством мобилизации творческой активности масс стали всесоюзные общественные смотры выполнения планов научно-исследовательских работ и внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство. Первый такой смотр был проведен в 1962 г. В ходе смотра нефтяниками Татарии было подано более 8,5 тыс. рационализаторских предложений, из них свыше 6,5 тыс. внедрено в производство с годовой экономией более двух миллионов руб [2].

Большую помощь в работе рационализаторам и изобретателям оказывают и такие общественные организации, как постоянно действующие производственные совещания, советы новаторов, общественные научно-исследовательские институты, общественные бюро нормирования, университеты технической

---

[1] Материалы Татарского правления НТО НГП. Отчет о работе за 1960 г., л. 15.

[2] «Коммунист Татарии», 1963, № 11, стр. 16.

культуры и прогресса и школы коммунистического труда. В этих и других новых общественных формах организации труда ведется разносторонняя эффективная работа по повышению технико-экономических показателей, по развитию технического прогресса. На ряде предприятий используется и такая форма работы — общественные бюро технической информации (ОБТИ). Заслуживает внимания работа ОБТИ НПУ «Альметьевнефть». Здесь во всех бригадах по добыче нефти, капитального и подземного ремонта скважин, на участках перекачки нефти выделены общественные технические информаторы. По инициативе ОБТИ в 1962 г. в этом управлении было организовано 11 технических конференций и совещаний и прочитано 90 лекций и докладов, организовано более 80 поездок различных специалистов и новаторов на родственные предприятия для обмена передовым опытом. Условный экономический эффект от внедрения в производство технических новшеств и передового производственного опыта, заимствованного из источников технической информации, за 1962 г. составил по НПУ «Альметьевнефть» 90 тыс. руб [1].

Значительную роль в активизации деятельности рационализаторов и изобретателей играют и такие массовые общественные организации, как группы новой техники. Так, например, на пятом промысле НПУ «Бугульманефть» такая группа постоянно занимается вопросами автоматизации и диспетчеризации скважин в бригадах. В результате проделанной работы большинство скважин переведено с трехсменного на одно- и двухсменное обслуживание.

В условиях бурного развития науки и техники отдельные изобретатели и рационализаторы иногда бывают не в состоянии решать сложные вопросы, связанные с различными отраслями знаний и требующие разносторонней подготовки. Все это вызвало к жизни такую форму организации, как комплексные творческие бригады рационализаторов и изобретателей. Деятельность этих бригад многообразна. Одни занимаются механизацией и автоматизацией трудоемких работ, решением технических задач, другие внедряют уже принятые изобретения и т. д. Но главное их преимущество состоит в коллективном методе работы. Объединяя в своем составе инженеров, техников, конструкторов, рабочих, такие бригады способны решать сложнейшие вопросы. Результатом такого творческого содружества является, к примеру, новый метод закачки изотопов в нагнетательные скважины для исследования, разработанный

[1] Текущий архив Татоблсовпрофа. Материалы республиканского совещания профсоюзных активистов, работающих на общественных началах в различных отраслях народного хозяйства Татарской АССР, 16 апреля 1963 г., л. 13.

старшим геологом цеха поддержания пластовых давлений НПУ «Азнакаевнефть» Б. Р. Саркисяном и техником по закачке радиоактивных веществ Ю. П. Аношиным. Новая методика закачки изотопов полностью ликвидирует опасность радиоактивного облучения работников, улучшает технологию, ликвидирует простои исследуемых скважин [1].

Важнейшая проблема в условиях Татарии — увеличение закачки воды в пласт — была в некоторой степени решена начальником цеха поддержания пластовых давлений НПУ «Альметьевнефть» П. И. Полюбаем и старшим инженером того же цеха Н. Ш. Бучинским. Их предложения дали экономический эффект в 55,1 тыс. руб [2].

Много труда и энергии вложили работники научных учреждений и промыслов под руководством доцента Казанского госуниверситета Н. Н. Непримерова в борьбу с отложениями парафина. Но жизнь выдвигает все новые и новые требования. Сейчас перед нефтяниками стоит задача не усиления борьбы с уже отложившимся парафином, а предотвращения возможности его отложения. В последнее время, в результате тщательных поисков и экспериментов, научные сотрудники ТатНИИ под руководством Г. В. Кострюкова разработали метод предотвращения отложений парафина путем покрытия внутренней поверхности насосно-компрессорных труб раствором бакелитового лака или путем их остеклования. Внедрение этих методов на промыслах Татарии даст экономию до 3 млн. руб. в год [3].

Можно привести еще множество примеров, показывающих все возрастающую творческую активность масс в борьбе за ускорение технического прогресса.

*

* *

В нашей стране созданы все условия для широкого проявления творческих дарований народа. С каждым годом повышается уровень общего и технического образования трудящихся — непременное условие технического прогресса. Резко увеличилось количество учащихся в вечерних школах, техникумах, высших учебных заведениях. Так, по объединению «Татнефть» в 1962—1963 учебном году всеми видами обучения общеобра-

---

[1] М. Иванов. Драгоценные зерна. Статьи и очерки. Казань. Таткнигоиздат, 1960, стр. 12.

[2] Текущий архив Татарского областного совета ВОИР. Показатели работы творческих бригад объединения «Татнефть» по рационализации и изобретательству за 1963 г., л. 2.

[3] «Коммунист Татарии», 1963, № 11, стр. 13.

зовательного характера было охвачено 3977 человек[1]. Повышение квалификации осуществляется не только через систему заочного и вечернего образования, но и через курсы повышения квалификации в Москве, в Баку, при Альметьевской школе буровых кадров, через различные кружки технической учебы, семинары, технические конференции, университеты технической культуры и другие формы распространения технических знаний.

Высокий уровень технических знаний трудящихся позволяет не только полностью использовать технику, но и совершенствовать ее. Поэтому вполне закономерно, что обычной становится фигура советского рабочего, инженера, техника, в труд которых органически входит изобретательская, новаторская деятельность. Активное участие рабочих в борьбе за технический прогресс является важным показателем сближения физического и умственного труда.

В результате мощного подъема творческой активности, инициативы изобретателей и рационализаторов, усиления борьбы за технический прогресс нефтяники Татарии добились выдающихся успехов в техническом совершенствовании производства, в повышении производительности труда. На 1 января 1963 г. количество автоматизированных и телемеханизированных скважин достигло 1 122[2]. Небезынтересно отметить, что только в 1963 г. было переведено на новую систему управления 458 скважин[3]. Автоматизирована и телемеханизирована работа кустовых насосных станций, ряда котельных установок, газокомпрессорных станций, товарных парков, установок по обезвоживанию и обессоливанию нефти и т. д. Значительная часть автоматизированных предприятий оснащена приборами местной автоматики. Автоматизация и телемеханизация явились одним из основных факторов, создавших условия для перехода на многоскважинное обслуживание. Если до механизации и автоматизации один оператор обслуживал 2—3 скважины, то в последнее время он обслуживает в среднем 8—9 скважин. Механизированы трудоемкие работы бригад подземного ремонта скважин, буровиков, вышкомонтажников.

В результате принятых мер по техническому перевооружению предприятий нефтяники Татарии успешно справляются со взятыми социалистическими обязательствами — выполнить задания семилетки за шесть лет. Если в 1959 г. проходка в 30 тыс. метров считалась рекордной и достигла ее единственная бригада М. П. Гриня, то в 1960 г. буровая бригада той же кон-

---

[1] Материалы объединения «Татнефть». Объяснительная записка к годовому отчету за 1962 г., л. 250.

[2] Материалы объединения «Татнефть». Объяснительная записка к годовому отчету за 1962 г., л. 77.

[3] «Советская Татария», 31 января 1964 г.

торы бурения А. Ч. Журавского добилась годовой проходки в 34022 метра, что явилось рекордом для нефтяных районов востока страны [1]. В 1961 г. бригада М. П. Гриня установила новый рекорд, добившись годовой проходки в 36194 метра [2]. Но и эта цифра оказалась не предельной. В 1963 г. рекорд, установленный бригадой М. П. Гриня, был перекрыт буровой бригадой мастера Дамира Нурисламова, достигшей годовой проходки на бригаду в 36871 метр [3].

Значительных успехов добились и вышкостроители. Так, если бригада А. Г. Тимченко в 1961 г. установила рекорд, смонтировав вышку на новой точке за 7 часов, то уже в декабре 1963 г. она завершила перевозку и монтаж буровой всего за 2 часа. Используя положительный опыт этой бригады, а также имеющиеся резервы, бригада Б. Х. Багуманова в 1963 г. установила новый рекорд в вышкостроении, затратив на монтаж буровой 1 час. 50 мин., при средних сроках по объединению «Татнефть» в 3,5 дня [4]; бригада И. Каримова в начале 1964 г. значительно перекрыла и этот рекорд, затратив на сооружение буровой на новой точке всего 1 час [5].

В начале 1964 г. бригада Героя Социалистического Труда А. Г. Тимченко успешно завершила семилетнее задание, а вслед за ней в начале октября 1964 г. выполнила задание семилетки и вышкомонтажная бригада Б. Х. Багуманова.

Еще раньше выполнили задание семилетки отдельные коллективы буровиков. Так, буровая бригада Героя Социалистического Труда М. П. Гриня справилась с семилетним планом в начале февраля 1964 г., сэкономив при этом 111 тыс. руб. [6], а в марте 1964 г. выполнила план и вся Азнакаевская контора бурения.

Успешно справлялись с заданиями семилетки и нефтедобытчики. В ноябре 1963 г. нефтепромыслы республики ежедневно стали давать столько жидкого топлива, сколько предусматривалось добывать в 1965 г. [7]. По уровню производительности труда объединение «Татнефть» уже в начале 1964 г. вышло на рубеж последнего года семилетки [8].

И в этом большая заслуга людей пытливого ума — рационализаторов и изобретателей. Рационализаторское и изобретательское движение выросло в могучую силу в борьбе за коммунистический труд. Об этом свидетельствует интенсивный рост

---

[1] Материалы объединения «Татнефть». Объяснительная записка к годовому отчету за 1960 г., л. 71.
[2] Там же. Объяснительная записка к годовому отчету за 1961 г., л. 74.
[3] «Советская Татария», 19 февраля 1964 г.
[4] Там же.
[5] «Советская Татария», 14 марта 1964 г.
[6] «Советская Татария», 5 февраля 1964 г.
[7] «Коммунист Татарии», 1964, № 2, стр. 58.
[8] «Советская Татария», 19 февраля 1964 г.

армии рацинализаторов и изобретателей, а также количеств поступивших от них предложений, увеличившихся в 1963 г. п сравнению с 1956 г. более, чем в 3 раза, а сумма годовой эко номии возросла примерно в 4 раза [1].

Растущая активность масс в борьбе за технический прогрес является надежной гарантией успешного претворения в жизн величественной программы строительства коммунизма.

---

[1] Подсчитано автором по материалам годовых отчетов о рационализа ции и изобретательстве Управления нефтяной промышленности ТСНХ з 1956 и 1963 гг.

Р. К. УРАЗМАНОВА

ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КОЛЛЕКТИВА НЕФТЯНИКОВ ЮГО-ВОСТОКА ТАТАРИИ

Изучение культуры и быта рабочего класса СССР является одной из важных и актуальных проблем этнографической науки. В этой области за последние годы советскими этнографами проделана значительная работа [1].

Изучая современный быт и культуру рабочих, большинство этнографов признает необходимость исследования, в первую очередь, формирования интересующего их рабочего коллектива. Пути формирования рабочих кадров, особенности их состава, специфика труда — все это находит прямое отражение и в бытовом своеобразии того или иного рабочего коллектива и является предпосылкой правильного изучения всей проблемы в целом.

В данной статье поставлена задача показать формирование рабочего коллектива нефтяников юго-востока Татарии. Она является частью работы, посвященной изучению быта рабочих-нефтяников.

Статья написана на основе материалов, собранных во время экспедиционных выездов в 1962—1964 гг. в юго-восточные районы Татарии. Опорными явились три нефтепромысловых управления (НПУ): «Бавлынефть», «Альметьевнефть», «Лениногорскнефть» [2], организованные в первые годы развития нефтедобывающей промышленности в республике. Рабочие этих НПУ заполнили анкету, составленную нами с целью выяснить некоторые вопросы формирования рабочего коллектива. Всего собрано 1200 таких анкет. Изучены годовые отчеты нефтепромысловых управлений, Альметьевской школы буровых

[1] В. Ю. Крупянская. Этнографическое изучение советского рабочего класса, ж. «Вопросы истории», 1960, № 11, стр. 40—49; Проблемы изучения современной культуры и быта рабочих СССР, ж. «Советская этнография», 1963, № 4, стр. 28—34; Л. П. Потапов. Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, ж. «Советская этнография», 1962, № 2, стр. 3—19; и др. работы.

[2] В августе 1964 г. из НПУ «Лениногорскнефть» выделено НПУ «Ирсеннефть». Все данные по «Лениногорскнефть» относятся к периоду укрупненного НПУ.

кадров. Просмотрены также документы отчетно-перевыборны конференций профсоюза рабочих нефтяной и химическ промышленности за 1950—1963 гг. Эти документы хранятся архиве Обкома союза в г. Альметьевске. Кроме того, испол зованы некоторые материалы статей М. И. Шиховой[1] и Л. Цитриной[2].

*
* *

Проявляя постоянную заботу о развитии нефтедобычи, частности об укреплении вновь развивающейся отрасли пр мышленности руководящими кадрами, Советское правительств приняло решение о направлении в нефтяные районы Татари большой группы опытных и квалифицированных специалисто В Татарскую республику были переведены целые бригады тресты, значительная группа инженерно-технических работ ников, а также квалифицированных рабочих: бурильщиков вышкомонтажников, операторов и т. д. Эти коллективы соста вили ядро, вокруг которого сформировался многотысячны отряд нефтяников республики. Они были многонациональны по своему составу: плечом к плечу здесь трудились русские азербайджанцы, украинцы, татары, туркмены и представител других братских национальностей СССР.

Кроме того, в порядке организованного набора рабочей си лы, а также по собственной инициативе, на нефтепромысл стали съезжаться рабочие из многих районов Татарии, соседне Башкирии, Оренбургской, Куйбышевской областей и други мест Поволжья и Союза. Овладев профессией нефтяников Татарии, они составили значительную часть рабочего коллек тива.

В состав коллектива нефтяников влилось также много ра бочих-татар, трудившихся ранее в различных районах стран и возвратившихся в родные края, узнав об открытии нефти Татарии.

Однако только за счет приезжих рабочих нельзя был разрешить проблему обеспечения кадрами быстро развива ющейся промышленности. С самого начала был взят курс н формирование рабочих кадров из местного населения. Огром ную организаторскую работу провели Татарская областна партийная организация и местные Советы по развертыванию нефтяной промышленности в республике. Насколько быстро

---

[1] М. Шихова. Решение проблемы обеспечения кадрами нефтяной про мышленности Татарии. «Коммунист Татарии», 1960, № 8, стр. 17—25.

[2] Л. Н. Цитрина. Разрешение проблемы обеспечения кадрами нефтя ной промышленности Татарии. Труды КХТИ, вып. 28, Казань, 1960, стр 38—55.

тянуты были местные жители в нефтедобывающую промышленность видно из следующих данных. В 1950—1951 гг. основной контингент рабочих составляли нефтяники, переведенные из других районов страны. Но уже с 1952 г. начинает возрастать удельный вес рабочих, набранных из местного населения. А в 1962 г., по данным наших анкет, рабочие из местного населения составляли 62,1%, прибывшие из городов Кавказа (Баку, Махачкалы, Орджоникидзе, Грозного) — 5,3%, с Украины — 1,4%, из Башкирии — 8,8%, из Оренбургской области и районов Поволжья — 11,6%, из других мест Союза — 10,8%.

Столь быстрое формирование рабочего коллектива из местного населения стало возможным, в какой-то степени, благодаря специфике труда нефтяников — работе на отдельных объектах: буровых, нефтяных скважинах, насосных станциях и т. д., разбросанных по всей обширной территории юго-востока Татарии. Поэтому многие колхозники могли работать на нефтепромыслах, продолжая жить в своих селах. Значительная часть рабочих (например, 17,4% работающих в НПУ «Лениногорскнефть», 14,1% работающих в НПУ «Альметьевнефть») проживает в сельской местности. Интересно отметить, что в недавно организованном НПУ «Алькеевнефть» 53,2% работающих проживают в сельской местности [1]. Там живут в основном операторы по добыче нефти и газа. Процент проживающих в сельской местности среди операторов по трем нашим опорным НПУ равен 46,2. Характерно, что в деревнях, по данным наших анкет, продолжают жить 23% нефтяников-татар, и только 0,8% русских. По социальному происхождению основная часть коллектива нефтяников Татарии — недавние выходцы из колхозной среды: так, среди татар 73% — из крестьян, 20,6% — из рабочих и 6,4% — из служащих; среди русских соответственно — 49,3%; 39,6%; 11,1%.

Формирование коллектива нефтяников главным образом из крестьянства, не знающего техники и технологии нефтяной промышленности, делало особо важными и неотложными вопросы подготовки кадров, борьбы за овладение техникой, за повышение культурно-технического уровня рабочих.

Для ускорения подготовки рабочих кадров из местного населения в 1951 г. из города Пугачева Саратовской области в гор. Альметьевск была перебазирована школа буровых кадров. Эта школа проделала большую работу в подготовке квалифицированных рабочих-нефтяников различных профессий: бурильщиков, помощников бурильщиков, верховых рабочих, дизелистов, операторов и т. д. Кроме того, многие рабочие освоили новую профессию в учебно-курсовых комбинатах при нефтепромысловых управлениях. Наряду с массовой подготовкой кадров через курсовую систему широко применялось индивиду-

[1] По отчетам НПУ на июнь 1963 г.

альное, бригадное обучение и обучение методом дублирования. В этом деле большую помощь оказали приезжие рабочие, передавая свое мастерство, навыки в работе начинающим нефтяникам.

Благодаря всем методам обучения ряды нефтяников Татарии только за период с 1950 по 1959 гг. включительно пополнились 11 281 квалифицированным рабочим [1].

Большое внимание уделялось также повышению квалификации рабочих нефтяной промышленности. Это осуществлялось на различных курсах целевого назначения по изучению отдельных производственных процессов, связанных с введением новой техники, технологии труда, на производственно-технических курсах по повышению технического уровня и производственной квалификации рабочих ведущих профессий; в школах передовых методов труда с обучением непосредственно на рабочем месте; путем обучения рабочих вторым профессиям и т. д.

Насколько интенсивно шло увеличение числа рабочих, повысивших свою квалификацию, можно проследить на примере НПУ «Бавлынефть» по нижеприведенной таблице [2].

1952		1953		1954		1957		1958		1959		1960		1961	
пл.	факт.	пл.	факт.	пл.	факт.	пл.	факт.	пл.	факт.	пл.	факт.	пл.	факт.	пл.	факт.
300	399	446	854	443	1091	345	553	310	603	315	1098	нет дан.	487	нет дан.	511

Как видим, план повышения квалификации по НПУ «Бавлынефть» ежегодно перевыполнялся. Перевыполнялся он и в других нефтепромысловых управлениях.

С внедрением новой техники в корне изменился и характер труда нефтяников, в частности операторов по добыче нефти и газа. Еще в первые годы развития нефтедобывающей промышленности в Татарии в работе нефтяников было довольно много ручного труда, в частности труд большого в то время отряда нефтяников — операторов по добыче нефти, основывался главным образом на физической силе и не очень сложных навыках в работе. В настоящее же время, с вводом на нефтепромыслах сложной техники, автоматизации и диспетчеризации производства, потребовались как общие, так и технические знания. Поэтому-то так велика тяга рабочих к занятиям прежде всего

[1] Л. Н. Цитрина. Указ. работа, стр. 52.
[2] Таблица составлена по данным годовых отчетов НПУ.

на всевозможных курсах производственно-технического характера, в школах передовых методов труда, по овладению второй профессией и т. д.

Из года в год увеличивается число рабочих, обучающихся в вечерних школах, техникумах и институтах. Например, в 1950 г. лишь 12 специалистов объединения «Татнефть» заочно учились в вузах [1]. Начиная с 1950 г., количество обучающихся в вузах и техникумах стало резко возрастать. Показателен в этом отношении рост числа обучающихся по НПУ «Лениногорскнефть» [2].

	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Институты . . .	40	55	93	131	188	193	223
Техникумы . .	42	80	52	102	178	175	203
Школы рабочей молодежи . . .	28	38	80	362	396	401	407
Всего . . .	110	173	225	595	762	769	833

Как видим, число обучающихся по этому управлению с 1957 г. увеличилось почти в 8 раз. Кроме того, в 1963 г. 9 чел. учились в аспирантуре, а 3 чел. успешно защитили диссертацию и получили звание кандидата технических наук. Только за три года — с 1962 по 1964 гг. — в этом НПУ без отрыва от производства 104 чел. закончили техникум и 44 чел. — нефтяной институт. В школах рабочей и сельской молодежи 10 и 11-й класс закончили 139 чел.

В настоящее время в нефтяных районах Татарии довольно обширна сеть нефтяных институтов и техникумов. В Альметьевске, например, работает Татарский вечерний факультет Московского института нефти, химии и газовой промышленности им. Губкина с отделениями в гг. Бугульме и Лениногорске; в Лениногорске — нефтяной техникум с дневным и вечерним отделениями, имеющий свой филиал в г. Альметьевске. Учебно-консультационный пункт этого техникума работает в рабочем поселке Азнакаево. Первый выпуск техникума состоялся в 1961 г. Его окончили тогда 68 чел. В 1962 г. было 42 выпускника, в 1963 г. — 73. С 1963 г. в Бавлах начал работу индустриальный техникум. Кроме того, бавлинцы учатся в Октябрьском вечернем нефтяном институте и техникуме.

К услугам нефтяников — широкая сеть вечерних школ рабочей молодежи. Многие, начав учебу в школах рабочей моло-

[1] Л. Н. Цитрина. Указ. работа, стр. 47.

[2] Таблица составлена по данным производственно-технического отдела НПУ.

дежи, продолжают ее в техникумах и институтах. Таким образом создается техническая интеллигенция из местного населения — жителей юго-восточных районов Татарии, в том числе и представителей коренной национальности. Так, только в нефтяном институте Альметьевска на вечернем отделении в 1964—65 уч. году училось 621 чел., а в Лениногорском нефтяном техникуме заочно и вечером обучалось 1682 чел. В их числе ряд наших информаторов. Так, Шарафутдинов Махмут, родом из бывшего Шугуровского района ТАССР, повышал знания в Альметьевском вечернем нефтяном техникуме по специальности контрольно-измерительных приборов и автоматики. На четвертом курсе вечернего нефтяного института учился парторг цеха поддержания пластового давления Абунагимов Х., инженер по эксплуатации, уроженец деревни Бигяшево, которая входит сейчас в черту г. Альметьевска. Камалетдинов Зиат (1912 г. рождения) — опытный нефтяник, ветеран татарской нефти. Свой путь нефтяника он начал в г. Грозном. В Татарию вернулся с семьей в 1951 г. Ему учиться не пришлось, зато четверо его детей из шести к концу 1963 г. окончили нефтяной техникум. Перечень примеров можно продолжить.

Повышение уровня профессиональной квалификации, рост общеобразовательной и технической подготовки рабочих являются ярким отражением закономерности развития социалистического общества. Подъем технического уровня рабочих наглядно свидетельствует о постепенном стирании существенных различий между физическим и умственным трудом.

Анализ общеобразовательного уровня нефтяников показывает, что он заметно выше во вновь организованных НПУ, в частности в «Елховнефти» и «Алькеевнефти».

Средний возраст работающих гораздо ниже опять-таки во вновь организуемых НПУ. Так, в «Алькеевнефти» половина рабочих имеет возраст до 30 лет. В НПУ же «Бавлынефть» преобладающий возраст рабочих с 31 года до 40 лет, да и работающих в возрасте свыше 40 лет здесь 23,5% — значительно больше, чем в других НПУ. Например, в НПУ «Алькеевнефть» их всего 8,9%. А общая тенденция такова: чем моложе по возрасту коллектив рабочих, тем выше общеобразовательный уровень. Напротив, в трех наших базисных НПУ общеобразовательный уровень рабочих довольно низок, заметно ниже, чем в более молодых НПУ. По данным годовых отчетов, на 1 января 1962 г. высшее образование имели 3,5% работающих, среднее техническое — 6,2%, среднее образование — 12,8%, неполное среднее — 37,3% и менее 7 классов — 40,2%, в то время как в НПУ «Елховнефть» образование менее 7 классов имеют только 22,2%, зато со средним образованием здесь 26,7% работающих.

Следует отметить, что общеобразовательный уровень нефтяников снижается за счет более низкого образовательного

уровня рабочих вспомогательных цехов, таких как автотранспортная, жилищно-коммунальная конторы, составляющие значительную часть работающих в управлениях. Там, где сложнее техника, где люди работают с приборами, полуавтоматами, автоматами, самый высокий общеобразовательный уровень. Вот данные по НПУ «Лениногорскнефть» на 1 мая 1962 г. Если в целом по НПУ среднее техническое образование имеют только 8%, а среднее общее — 11%, то в цехе контрольно-измерительных приборов и автоматики (КИП) соответственно — 37,9% и 25%. Только 8,6% работающих в этом цехе имеют образование ниже 7 кл., в то время как в среднем по НПУ — 39,3%. А в автотранспортной конторе 54,4% работающих имеют образование до 7 кл. и всего 3,9% имеют среднее образование. Довольно низок общеобразовательный уровень и среди операторов по добыче нефти. В среднем по НПУ 36,7% имеют образование менее 7 классов.

Таким образом, общеобразовательный уровень гораздо ниже в тех цехах, где еще довольно значителен вес ручного труда.

С развитием нефтедобывающей промышленности, по мере роста мастерства многих нефтяников растет и творческое отношение к труду, ширится движение рационализаторов. Интересно отметить, что из 792 рационализаторов, насчитывающихся в 1962 г. в НПУ «Альметьевнефть», инженерно-технических работников всего лишь 130 чел., остальные 662 чел. являются рабочими. Это отрадный факт, свидетельствующий о вовлечении в движение за технический прогресс рядовых рабочих.

Особенно большое внимание рационализаторству и изобретательству уделяется в бригадах коммунистического труда. Показательна в этом отношении бригада, возглавляемая Героем Социалистического Труда К. А. Валиевым. Члены этой бригады сочетают хорошую работу с упорной учебой и участием в новаторском движении рационализаторов и изобретателей. Еще в 1958 г. бригада состояла из 58 чел., а в 1963 г. — всего из 21 чел., несмотря на то, что количество обслуживаемых скважин увеличилось, а работать стали в одну смену вместо двух смен в 1959 г. Это стало возможным благодаря автоматизации участков. Работа по рационализации не прекращается и в настоящее время. Многие члены бригады учатся в школах рабочей молодежи. Двое — Х. Маннанов и Сираев — успешно учатся на вечернем отделении Альметьевского нефтяного техникума. Гирфанова учится заочно в Казанском химико-технологическом институте. Многие учатся на курсах повышения производственной квалификации, по овладению вторыми профессиями и т. д.

Движение за звание бригад и коллективов коммунистического труда получило широкое распространение среди нефтяников Татарии. Многие бригады и даже промыслы уже завоевали это почетное звание. В честь XXII съезда КПСС коллективы НПУ

«Альметьевнефть», «Лениногорскнефть», а с марта 1963 г. и НПУ «Бавлынефть» включились в соревнование за звание предприятий коммунистического труда. Благотворное влияние этого движения заметно отразилось на всех сторонах жизни коллективов. Поднялась производительность труда, трудовая дисциплина, для этих бригад и коллективов характерна тяга к знаниям, взаимопомощь.

Таким образом, в послевоенные годы на юго-востоке Татарии сформировался большой, дружный коллектив нефтяников, самоотверженный труд которых уже в 1956 г. вывел Татарию на первое место в Союзе по добыче «черного золота».

*
* *

Благодаря особенностям путей формирования сложившийся коллектив нефтяников многонационален по своему составу. В трех исследуемых НПУ, по данным на 1963 г., русские составляли 46,7%, татары — 37,0%, другие национальности — 16,3%.

При такой многонациональности и большой подвижности населения в этих районах нефтедобывающей промышленности несомненно взаимовлияние, тесная взаимосвязь народов различных национальностей друг с другом. Это особенно характерно для рабочего коллектива, где процесс сближения идет наиболее интенсивно. В настоящее время «...у советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»[1].

---

[1] Программа КПСС. М., Госполитиздат, 1962, стр. 113.

К. А. НАЗИПОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КОНТРОЛЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАТАРИИ (1917—1919 гг.)

Завоевание пролетариатом политической власти не означает еще окончательной победы над буржуазией. Для упрочения своей власти, для построения социализма пролетариат должен осуществить ликвидацию капиталистической системы хозяйства и замену ее системой социалистической. А это невозможно без полного отстранения буржуазии от владения, распоряжения и пользования орудиями и средствами производства. Важнейшей подготовительной мерой к экспроприации буржуазной собственности и к социалистической перестройке промышленности является введение на частных предприятиях рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

Изучение истории рабочего контроля в СССР позволяет опровергнуть лживые утверждения буржуазных историков [1] о том, что первые годы Советской власти были «хаотическим» периодом, когда рабочий класс нашей страны не занимался созидательной, творческой работой, а только разрушал промышленность, созданную при старом строе.

Опыт СССР в организации рабочего контроля имеет большое международное значение. Он был успешно использован и используется другими странами, вставшими на путь социализма.

Отдельные вопросы истории рабочего контроля в Татарии в послеоктябрьский период в той или иной степени рассматриваются в ряде работ [2]. Однако эта проблема в целом не была еще предметом специального изучения.

---

[1] Б. Е. Штейн. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии периода 1917—1924 гг. В кн.: Из истории Великой октябрьской социалистической революции. Сборник статей. М., изд-во МГУ, 1957, стр. 327—328; Владимир Ильич Ленин. Биография. М., Госполитиздат, 1960, стр. 397; Ю. С. Борисов. Некоторые вопросы индустриализации в СССР в освещении буржуазной литературы. В кн.: Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М., изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960, стр. 357 и др.

[2] Н. А. Андрианов. Октябрьская революция и слом буржуазного государственного аппарата в Татарии. В кн.: Труды Казанского авиационного ин-та, т. 12. Казань, 1958; Восстановление Советской власти и укрепление

В данной статье поставлена задача показать некоторые основные итоги борьбы за рабочий контроль в Татарии в послеоктябрьский период.

Рожденный творческой революционной энергией масс рабочий контроль получил теоретическое обоснование в трудах В. И. Ленина и постановлениях Коммунистической партии.

Лозунг рабочего контроля получил признание и поддержку рабочих еще в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Он являлся одним из средств революционной борьбы масс за диктатуру пролетариата. Рабочий контроль помог рабочим спасти промышленность от гибели, овладеть некоторыми навыками управления производством и создать отряды политической армии пролетарской революции.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции меняется содержание и направление рабочего контроля. Главная задача органов рабочего контроля стала заключаться в том, чтобы обеспечить бесперебойную работу промышленности как основной экономической базы диктатуры пролетариата. Теперь они должны были стать школой по овладению рабочими методами хозяйственного управления, содействовать подавлению экономического саботажа капиталистов и тем самым создать необходимые условия для национализации промышленности. Коммунистическая партия считала рабочий контроль переходной мерой, не отменяющей частной собственности на средства производства, но подрывающей ее, ограничивающей права хозяев предприятий и подготавливающей условия для их экспроприации. Это не было «введение» социализма, но это был шаг на пути к нему [1].

Совершенно изменилось положение фабзавкомов и контрольных комиссий. Если до Октября они были органами эксплуатируемого класса, то теперь стали органами господствующего класса, получили возможность в своей политической и экономической борьбе опереться на всю мощь диктатуры пролетариата.

ее аппарата в Татарии. Казань, Таткнигоиздат, 1962; У. Б. Белялов. Из истории национализации промышленности и создания органов ее управления в Казанской губернии (1918—1920 гг.). В кн.: Некоторые вопросы развития Татарской АССР за годы Советской власти. Казань, изд-во КГУ, 1960; Начало социалистических преобразований в экономике Казанской губернии (октябрь 1917 — август 1918 гг.). Казань, изд-во КГУ, 1961; Руководство хозяйственным строительством в Татарии в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Казань, изд-во КГУ, 1963; М. Р. Булатов. Из истории борьбы за установление и упрочение Советской власти в Казанской губернии (ноябрь 1917 — май 1918 гг.). В кн.: Труды Казанского с.-х. ин-та, 1958; М. К. Мухарямов. Октябрь и национальный вопрос в Татарии. Казань, Таткнигоиздат, 1958; К. А. Назипова. Национализация промышленности в Татарии (1917—1921 гг.). В кн.: Сборник научных работ. Казань, изд-во КГУ, 1960; Из истории национализации промышленности в Татарии (1917—1921 гг.). В кн.: Вопросы истории Татарии. Казань, изд-во КГУ, 1960 и др.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 116; соч., т. 37, стр. 138—139.

На основе ленинского «Проекта положения о рабочем контроле», в котором были сформулированы основные задачи рабочего контроля в деле быстрейшего построения социалистического базиса, 14 (27) ноября Советское правительство приняло Положение о рабочем контроле. Оно стало основным руководством для практических мероприятий в деле установления рабочего контроля в промышленности.

Рабочий класс и трудовое крестьянство с большим удовлетворением встретили декрет о рабочем контроле. В Татарии борьбу за претворение его в жизнь возглавила Казанская партийная организация.

Капиталисты в Татарии, как и во всей России, встретили в штыки исторический декрет, так как он наносил удар по всей системе капиталистических производственных отношений, по экономической власти буржуазии.

Очень наглядно саботирование капиталистами рабочего контроля показывают события, развернувшиеся на Стахеевских и Алафузовских предприятиях после опубликования декрета. На Алафузовских фабриках и заводах по инициативе рабочих была организована контрольная комиссия. Владелец и администрация предприятий требовали распустить комиссию или же ограничить ее деятельность «функциями чисто информационного характера» [1]. Более двух месяцев шла борьба между фабзавкомом и администрацией, которая не хотела допустить к участию в рабочем контроле служащих. 10 декабря 1917 г. состоялось специальное собрание служащих, на котором выступали представители различных организаций Казани с объяснением и оценкой рабочего контроля. Представитель «Союза инженеров» А. А. Типольт заявил, что рабочие совершенно не подготовлены к его осуществлению. По его мнению, установление рабочего контроля приведет предприятия к гибели. Во избежание экономической катастрофы нужно де установить не рабочий контроль, а государственный. В заключение своего выступления Типольт сказал: «Союз инженеров» относится отрицательно к декрету (к декрету Советского правительства о рабочем контроле — К. Н.), не желая гибели русской промышленности и обнищания рабочего класса» [2].

Преподаватель университета М. М. Агарков в своей клевете на рабочих пошел еще дальше. Он заявил: «С введением рабочего контроля хозяином предприятия явятся рабочие Комитета, частная инициатива уничтожается. Но рабочие не примут близко к сердцу дела предприятия. На промышленности контроль отразится самым печальным образом» [3]. Губернский комиссар труда Брауде (впоследствии председатель Казанского совета народного хозяйства) в противоположность противникам рабочего

[1] ЦГА ТАССР, ф. 571, оп. 1, д. 55, л. 100.
[2] Там же, л. 49.
[3] ЦГА ТАССР, ф. 571, оп. 1, д. 55, л. 50.

контроля, ложно истолковавших его, разъяснил, что рабочий контроль не означает захвата предприятия рабочими, а является средством для сохранения фабрик и заводов, должен способствовать лучшему снабжению их всем необходимым, поможет росту продуктивности предприятий и улучшению условий труда и быта рабочих.

В конечном итоге борьба рабочих и фабзавкома Алафузовских предприятий завершилась их победой. В состав контрольных комиссий вошли также служащие и инженерно-технические работники.

В декабре 1917 г. правление торгового дома «И. Г. Стахеев» приступило к ликвидации своих торговых и ряда промышленных предприятий. Оно разослало во все свои отделения телеграммы, в которых предлагало прекратить торговые операции, рассчитать рабочих и служащих, занятых на этих предприятиях. Рабочие и служащие Сибирских отделений т/д, возмущенные саботажем капиталистов, созвали делегатский съезд 20-го декабря в гор. Челябинске, на котором обсуждалось создавшееся положение. Съезд постановил: «Разослать телеграммы на места служащим, которые бы нашли средства для установления контроля над своими отделениями в выдаче и переводе денежных сумм. Расчета с фирмой ...не производить» [1]. Съезд направил для переговоров с главным правлением в Елабуге делегацию. Однако эти переговоры ни к чему не привели. 8-го января 1918 г. в Елабуге было созвано общее собрание представителей рабочих и служащих т/д, которое обратилось в Елабужский исполком Совдепа за содействием. На заседании исполкома делегация, избранная собранием, сделала доклад о создавшемся положении. Исполком постановил: «Немедленно подвергнуть домашнему аресту директоров и опечатать главную контору» [2]. В результате обследования, проведенного комиссией Совдепа во главе с испытанным большевиком С. Н. Гассаром, были обнаружены факты вредительской, саботажнической деятельности правления. Так, директора т/д с 30 декабря по 3 января 1918 г. перечислили на свои счета деньги т/д, находившиеся в Елабужском казначействе, в национализированном Русско-торгово-промышленном банке,— 1 650 000 рублей [3]. Были найдены документы, уличающие владельцев в спекуляции золотом на Дальнем Востоке и перевозке слитков золота из Москвы в правление, находящееся в Елабуге, в отправке его в Англию, в торговле пушниной за границей, а также во многих других актах саботажа. Только в течение 5 дней января 1918 г. Стахеевы вывезли из Елабуги золота почти на 2 млн. руб. Скупая пушнину в стране, они вывозили

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, д. 939, л. 5.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 19.

ее в Америку, чтобы таким образом переправить свои капиталы за границу [1].

15 января комиссия в лице Н. С. Гассара доложила общему собранию рабочих и служащих т/д о результатах обследования. Собрание, возмущенное услышанным, потребовало немедленно ввести рабочий контроль над всеми предприятиями т/д и созвать 19-го марта 1918 г. съезд делегатов от всех рабочих и служащих [2]. Собрание избрало членов временного комитета рабочего контроля т/д «И. Г. Стахеева и К°». На основе декрета о рабочем контроле комитет выработал инструкцию, которая была утверждена исполкомом Елабужского Совета. В отличие от оппортунистической инструкции Всероссийского совета рабочего контроля, в ней отмечалось, что комитет должен участвовать в управлении предприятиями, осуществлять контроль над всеми финансовыми операциями администрации [3]. В знак протеста против введения рабочего контроля директора Г. И. и С. И. Стахеевы отказались от исполнения своих обязанностей. В качестве директора остался Н. И. Стахеев, который отказывался признать рабочий контроль и продолжал саботажническую деятельность. Магазины и главная контора были закрыты. В своем письме Елабужскому исполкому он заявил, что инструкция комитетам рабочего контроля торгового дома «И. Г. Стахеев», «утвержденная Елабужским исполнительным комитетом, для нашего предприятия в жизни неприменима, а если ее и применить, то для предприятия инструкция может принести страшный вред» [4]. В ответ на это письмо исполком Совета потребовал от Н. И. Стахеева исполнять указания временного комитета рабочего контроля. Не желая подчиниться, Стахеев бежал [5]. В связи с этим съезд делегатов рабочих и служащих, состоявшийся 19 марта 1918 г., постановил все капиталы т/д, наследников и лично членов т/д «И. Г. Стахеев» национализировать, план национализации поручил особой комиссии. До огосударствления предприятий управление делами т/д передавалось совету служащих и рабочих, избранному этим съездом [6].

В подобных же условиях пришлось претворять в жизнь декрет о контроле рабочим и других предприятий Татарии.

Поддерживая капиталистов, против рабочего контроля выступали также и казанские меньшевики и эсеры [7]. Так, правые эсеры на IV губернском съезде крестьянских депутатов, высту-

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, д. 939, л. 16.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 32.
[4] Там же, л. 41.
[5] Там же, л. 16.
[6] Там же, л.л. 16, 17.
[7] «За землю и волю», № 16, 20 ноября 1917 г. и «Рабочее дело», № 17, 30 ноября 1917 г.

пая против рабочего контроля, утверждали, что он противоречит интересам крестьян [1]. Казанские меньшевики, как и все остальные, пытались отождествить активное проведение рабочего контроля над отдельными предприятиями с отходом от марксизма к синдикализму [2]. Для саботажа рабочего контроля эсеры и меньшевики стремились использовать массовые рабочие организации. В некоторых случаях это им удавалось. Так, оставшийся под влиянием меньшевиков руководящий аппарат Союза рабочих печатного дела объявил войну лозунгу рабочего контроля. 3 января 1918 г. общее собрание профессионального союза «Печатник» Казанской губернии также выступило против рабочего контроля [3]. Однако в решающих профсоюзах безраздельным влиянием пользовались большевики, вследствие чего меньшевики и эсеры не решались там выступать так открыто против рабочего контроля. Они стремились протащить в состав контрольных комиссий предприятий ставленников капиталистов из числа служащих и отдельных отсталых рабочих, клеветали на авторитетных деятелей органов рабочего контроля, любыми средствами пытались сорвать рабочий контроль или подорвать к нему доверие со стороны рабочих.

В результате этой враждебной деятельности завкомы Алафузовских предприятий и Крестовниковского завода были вынуждены в 1918 г. сложить свои полномочия и объявить новые выборы. Однако в ходе перевыборов большинство членов бывшего состава завкома было вновь избрано. Так, на Алафузовских предприятиях из 92 членов прежнего состава заводского комитета 85 человек оказались повторно избранными [4]. Это говорило о том, что они пользовались авторитетом у рабочих, выражали и отстаивали интересы рабочих.

Когда меньшевики и эсеры убедились в том, что не в их силах помешать установлению рабочего контроля, они стали выступать за осведомительный контроль, стремясь превратить рабочий контроль из активного и действенного в пассивный, выхолостить из него революционный смысл. Под их влиянием в феврале 1918 г. Казанский совет рабочего контроля принял полуменьшевистскую инструкцию Всероссийского совета рабочего контроля.

Активное участие в организации и осуществлении рабочего контроля принимали партийные организации, Советы депутатов и профсоюзы Татарии. Казанская большевистская организация, возглавив борьбу рабочего класса Татарии и его организаций за осуществление декрета о рабочем контроле, повсюду создавала и укрепляла аппарат рабочего контроля. Она провела

[1] «За землю и волю», № 56, 28 марта 1918 г.
[2] «Рабочее дело», № 17, 30 ноября 1917 г.; № 19, 2 декабря 1917 г.
[3] «Рабочее дело», № 43, 5 января 1918 г.
[4] «Знамя революции», № 1, 1 января 1919 г.

большую работу по разъяснению содержания политики пролетарского контроля над производством. Партийное руководство рабочим контролем осуществлялось через коммунистов-работников совета рабочего контроля, через заводские ячейки РКП(б), которые непосредственно на предприятиях проводили в жизнь лозунг партии о рабочем контроле, через коммунистов, состоявших в профсоюзах и работавших в местных Советах.

4 декабря 1917 г. в Казани состоялось общее собрание Центрального Совета профессиональных союзов совместно с правлениями профессиональных союзов, на котором был обсужден вопрос о рабочем контроле.

Советы профсоюзов выделяли из своей среды представителей в фабрично-заводские комитеты и контрольные комиссии предприятий. Особенно усилилось участие профсоюзов Татарии в рабочем контроле после 1 Всероссийского съезда профсоюзов (январь 1918 г.), когда произошло слияние профсоюзов с фабзавкомами, которые превратились в низовые органы профсоюзов.

Первая Казанская конференция профсоюзов и фабрично-заводских комитетов, созванная в конце марта 1918 г., потребовала немедленно приступить к проведению рабочего контроля в жизнь и заявила, что «рабочие Казани должны принять активное участие в органах регулирования народного хозяйства» и что конференция считает «первой и главной задачей рабочего движения в данный момент урегулирование экономической жизни и направление ее на путь социализма» [1]. За эту резолюцию голосовали и большевики во главе с руководителем Казанской организации большевиков Я. С. Шейнкманом [2].

Сразу же после опубликования Положения о рабочем контроле Советы Татарии приступили к претворению его в жизнь. В ноябре 1917 г. Казанский губернский Совет рабочих и крестьянских депутатов предложил сельским обществам, волостным земельным комитетам взять под свой контроль предприятия, расположенные в сельских местностях. В ноябре по ходатайству крестьян Дмитриевского сельского общества Исполком Совета крестьянских депутатов разрешил Шибышискому волостному земельному комитету взять под свой контроль мукомольную мельницу К. Андреева и М. Васильева, которые брали очень высокую плату с крестьян за помол муки [3]. В марте 1918 г. Помяловский земельный комитет стал контролировать деятельность лесопильного завода бр. Ефремовых [4].

Партархив Татарского обкома КПСС, ф. 36, св. 23, д. 149, л. 78.
«Рабочее дело», № 105, 26 (6) марта 1918 г.
ЦГА ТАССР, ф. 983, оп. 1, д. 108, л. 8.
Там же, д. 128, л. 92.

Были случаи, когда Казанский Совет крестьянских депутатов брал на себя контроль над фабриками и заводами, расположенными в уездах. Так, в декабре 1917 г. он установил контроль над кирпичным заводом А. В. Афанасьева близ Казани[1].

В декабре 1917 г. в Казани был организован Центральный городской контроль над производством, в состав которого вошли представители от всех профессиональных союзов.

Для координации деятельности местных контрольных комиссий и фабзавкомов в феврале 1918 г. при Казанском Совете рабочих депутатов был создан совет рабочего контроля. 1 (14) февраля был избран президиум совета в составе 7 чел[2]. При совете существовали комиссии, контролировавшие: 1) перевод промышленности на производство мирной продукции, 2) снабжение предприятий, 3) финансирование, 4) производительность. Они работали под руководством президиума и избирались общим собранием совета.

Цель своей деятельности совет рабочего контроля определил следующим образом: «...с одной стороны, борьба с произволом капиталистов, спекуляцией и тайными коммерческими сделками, с другой — усилить и улучшить промышленность путем общей совместной работы всего рабочего класса». 24 (11) февраля общее собрание совета приняло инструкцию, разработанную на основе оппортунистической инструкции Всероссийского совета рабочего контроля, которая превращала органы рабочего контроля в сборщиков сведений, лишала их права непосредственного вмешательства в дела производства предприятий. Причину этого нужно видеть в том, что во главе совета стояли люди, не имевшие ни опыта в руководстве экономическим строительством, ни достаточной марксистско-ленинской революционной закалки. Сыграли свою роль непоследовательность и колебания некоторых членов губкома (С. Брауде, М. Машкина, П. Ионова), влияние меньшевиков и эсеров, а также неопытность многих участников собрания. Однако на практике рабочий контроль в Татарии не носил узко контрольного, осведомительного характера. Он осуществлялся в ленинском, революционном духе, переходил к более активному вмешательству в оперативную работу как по организации производственного процесса, так и по снабжению сырьем и сбыту продукции, финансированию предприятия.

Казанский совет рабочего контроля участвовал в регулировании и планировании промышленности, распределении то-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 983, оп. 1, д. 108, л. 30.

[2] Представители рабочей секции Казанского Совдепа Матвеев, Полков, Кадешников, Лихачев, Терентьев, Шапиро («Знамя революции», № 2, 19 февраля 1918 г.). Вскоре в него вошли также рабочий — коммунист И. Бисярин, рабочие Чемоданов, Соколов, Пасконин, представитель от союза металлистов Вальщиков и др. («Знамя революции», № 97 (143), 21 (8) мая 1918 г.; Партархив Татобкома КПСС, ф. 36, св. 25, д. 161, лл. 87, 90).

лива, сырья, материалов, кредитов и ссуд, обследовал состояние предприятий, занимался вопросами полного использования оборудования, размещения по действующим заводам и фабрикам безработных, пресекал саботаж владельцев. Совместно с фабзавкомами, профсоюзами и контрольными комиссиями он вел неустанную борьбу за укрепление трудовой дисциплины, за повышение производительности труда, за новое, коммунистическое отношение к труду. Совет рабочего контроля регистрировал контрольные комиссии предприятий, выдавал им удостоверения, утверждавшие полномочия комиссий, и руководил их деятельностью, посылая на фабрики и заводы указания, инструкции сообразно с особенностями производства и местными условиями. В функции совета входило и решение всех спорных вопросов и конфликтов между контрольными комиссиями и прочими низшими органами рабочего контроля. Контрольные комиссии, осуществлявшие рабочий контроль непосредственно на фабриках и заводах, по всем вопросам обращались в совет рабочего контроля [1]. Контрольные комиссии и другие органы рабочего контроля предприятий были обязаны два раза в месяц сообщать совету о состоянии предприятия: не грозит ли предприятию сокращение производства, не испытывает ли оно недостаток в материалах и сырье, исполняются ли предпринимателем постановления совета рабочего контроля.

Совет заботился не только о создании контрольных комиссий, но и о подготовке инструкторов рабочего контроля из членов фабрично-заводских комитетов и контрольных комиссий, которые должны были помогать рабочим предприятий в осуществлении рабочего контроля.

С созданием в июне 1918 г. Казанского губернского совета народного хозяйства совет рабочего контроля, входивший в состав секции Совета рабочих депутатов, был переведен в СНХ и переименован в отдел контроля и учета. Наиболее распространенными органами рабочего контроля на предприятиях Татарии после Октября были фабзавкомы и контрольные комиссии. Организационная схема контрольной комиссии, права и круг ее деятельности, взаимоотношения с фабзавкомами были различны и имели свою специфику не только по отраслям промышленности, но и внутри их. Контрольные комиссии возникли еще до организации совета рабочего контроля на ряде фабрик и заводов Казани, в частности на предприятиях Алафузова, Крестовникова, Пекина и др. Создавались они по инициативе рабочих. С образованием совета рабочего контроля дело пошло быстрее. К июлю 1918 г. были организованы контрольные комиссии на фабриках «Поляр», «Победа», заво-

[1] «Знамя революции», № 105, 30 мая 1918 г.

дах Грахе, Свешникова и на других предприятиях. Лишь за полтора месяца их количество при участии совета было доведено до сорока пяти [1].

На некоторых крупных предприятиях было создано несколько контрольных комиссий. Так, на Алафузовских фабриках на прядильном, ткацком, кожевенном и обмундировальном производствах были избраны свои комиссии, которые включали не более 12 человек. Президиум контрольных комиссий (председатель Новоселов) был один для всех производств предприятия. Общей для всех производств была также контрольная комиссия по топливу [2].

Коммунисты предприятий посылали своих лучших представителей в местные контрольные комиссии, куда входили также представители контрольно-производственных комиссий при профсоюзах определенной отрасли промышленности. Конкретные пределы вмешательства контрольных органов в оперативную работу предприятий зависели от реального соотношения классовых сил и меры сопротивления капиталистов. Они были чрезвычайно разнообразны в разных отраслях промышленности, на разных предприятиях и даже на одном и том же предприятии на разных этапах проведения контроля в нем.

Если Казанский совет рабочего контроля проводил в жизнь указания партии и правительства сверху в пределах всей губернии, то контрольные комиссии, фабзавкомы выполняли ту же задачу снизу, непосредственно на фабриках и заводах.

В газете «Знамя революции» от 30 мая 1918 г. совет рабочего контроля указал на функции контрольных комиссий. «Ее прямая задача,— говорилось в обращении совета,— следить за тем, чтобы предприятие было снабжено сырьем, топливом, чтобы машины были в исправности, чтобы работа шла нормально, словом, чтобы производство стояло на должной высоте. Рабочие прекрасно знают, как мало стараний к этому сейчас прилагают предприниматели... А потому рабочим приходится взять на себя задачу организации хозяйственной жизни в стране». Первоначально фабзавкомы и контрольные комиссии осуществляли прием и увольнение рабочих и служащих, охраняли заводское имущество от расхищения и наблюдали за внутренней жизнью предприятий. Но постепенно сфера их деятельности расширялась, власть капиталистов на производстве ограничивалась. Эти организации стали проводить учет сырья, материалов, топлива, принимать меры к поступлению их на предприятия, следить за сохранностью и целесообразным использованием, наблюдать за правильностью ведения

---

[1] «Знамя революции», № 24, 30 января 1918 г.

[2] ЦГА ТАССР, ф. 571, оп. 1, д. 411, л. 39 и «Рабочее дело», № 92, 22 (9) марта 1918 г.

производственного процесса и сбытом выработанной продукции в соответствии с указаниями государственных регулирующих органов. А впоследствии они вели борьбу за укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда, занимались финансовым контролем и т. д. Короче говоря, рабочий контроль перерастал в управление промышленностью.

Наиболее трудно и сложно было осуществлять контроль над финансовой стороной деятельности предприятий, представляющий, по выражению В. И. Ленина, «ключ ко всякому контролю» [1]. Для осуществления финансового контроля требовалось знание основ банковского и бухгалтерского дела. У рабочих этих знаний еще не было, так как раньше все финансовые операции на предприятиях держались в глубокой тайне. Для сохранения промышленности, для пресечения саботажа капиталистов перед рабочими встала неотложная задача — быстро научиться на деле контролировать все операции владельцев фабрик и заводов, а это было возможно лишь при знании состояния производства, финансовой стороны деятельности предприятий. В ходе практической работы органы рабочего контроля приобретали опыт, знания и в этой области. Они помогали все глубже вникать в экономику и финансовые операции предприятий, успешнее раскрывать и пресекать жульнические махинации и ухищрения капиталистов, стремящихся обойти финансовый контроль. Уже в начале декабря 1917 г. фабзавком Общества алафузовских фабрик и заводов сообщал Народному комиссару труда республики, что, по имеющимся сведениям, в Петроградском полевом казначействе находятся вложенные обществом 500 тыс. руб., которые оно хочет переправить в Казань. «...вследствие сего,— говорилось в письме,— рабочий комитет обращается к вам выяснить это обстоятельство, которое для нас является слишком подозрительным, так как, по нашему мнению, сие действие со стороны Общества есть не что иное, как способ в случае удачи,— будущая мотивировка на безденежное положение общества. Все это заставляет нас сомневаться в благонадежном положении администрации, вследствие чего и просим вас, как комиссара труда, выяснить возможно скорее вопрос с целью помешать переводу денег из Петрограда в Казань» [2].

Для осуществления финансового контроля на некоторых предприятиях Казани, например, на Алафузовских, при фабзавкомах и контрольных комиссиях были созданы специальные финансовые секции. Там, где этих секций не было, финансовый контроль осуществляли непосредственно сами фабзавкомы или контрольные комиссии. На заседаниях органов рабочего конт-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 171.

[2] Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов (1917—1920 гг.). М., Госполитиздат, 1954, стр. 261.

роля ставились отчеты правлений о финансовом положении предприятий.

Под руководством фабзавкома и президиума контрольных комиссий в начале 1918 г. на предприятиях Алафузова была осуществлена реорганизация «счетоводства на новых началах». В циркулярном извещении по этому поводу было сказано: «Контрольная комиссия, по декрету Российского Правительства принявшая на плечи свои ответственность за судьбы предприятия, желает знать все результаты по деятельности предприятия в целом и отдельно по каждому производству за периоды краткие..., видеть, насколько они полезны для общего дела или убыточны, дабы своевременно принимать те или иные меры по урегулированию надлежащего производства. Всякое уклонение от выполнения служащими возложенных на них обязанностей по осуществлению новой отчетности будет караться включительно до увольнения со службы. Революционная дисциплина должна быть проведена по всему фронту Алафузовской трудовой семьи» [1]. Данная выдержка свидетельствует о том, что контрольные органы Алафузовских предприятий придавали большое значение финансовому контролю в деле правильного регулирования производственного процесса.

Органы рабочего контроля периодически выясняли финансовое положение предприятия, проверяя по бухгалтерским книгам актив и пассив баланса, наличность кассы, оплату счетов и расходов по производству и т. п. Из-за саботажа капиталистов и общей экономической разрухи в стране финансовое положение предприятий было крайне тяжелым и поэтому органам контроля приходилось не только контролировать наличие, расходование денежных средств, но также принимать различные меры для снабжения ими фабрик и заводов. К январю-февралю 1918 г. возникли большие затруднения в финансировании Бондюжского и Кокшанского заводов Ушкова. Из-за отсутствия денег заводы оказались перед угрозой закрытия. Фабзавком и контрольная комиссия, созвав 2 февраля общее собрание рабочих и служащих, довели до их сведения о создавшемся положении. На собрании была принята резолюция, свидетельствующая о росте сознания рабочих, о том, что они начали чувствовать себя хозяевами придприятия. В ней было сказано: «Общезаводское собрание рабочих и служащих Бондюжского завода, сознавая всю тяжесть переживаемого момента промышленностью, всего государства и, в частности, заводов т-ва Ушкова, постановило принять все зависящее от рабочих и служащих меры..., чтобы заводы не приостановили свою деятельность» [2]. Для улучшения финансового положения предприятия рабочие решили отказаться

[1] ЦГА ТАССР, ф. 854, оп. 2, д. 3, л. 6.
[2] Там же.

в пользу завода от надбавок к зарплате по новым повышенным расценкам. Было также решено, что контора заводов по мере получения денежных средств будет приобретать сырье, материалы и товары, необходимые для производства, и лишь после этого выдавать зарплату рабочим. В течение 5 месяцев рабочие не получали зарплаты, но не снизили производительности труда, никто из них не ушел с завода [1].

Рабочий контроль над финансовой стороной деятельности предприятия распространялся и на банки. Средства с текущих счетов предприятий банки могли выдавать только по требованиям фабзавкомов и контрольных комиссий, подтвержденным их городскими центрами. Однако частные банки нередко игнорировали это установление. Они применяли различные способы саботажа и обхода финансового контроля, не выдавали средств предприятиям, где осуществлялся рабочий контроль, но снабжали деньгами капиталистов-саботажников. С национализацией частных банков этому был положен конец и финансовый контроль усилился.

Таким образом, финансовый контроль, несмотря на все трудности осуществления, сыграл большую роль в ознакомлении рабочих с экономической деятельностью предприятий и даже целых отраслей народного хозяйства, в борьбе против саботажа капиталистов. Он вплотную подводил рабочих к вопросам регулирования в промышленности, повышал их знания и опыт в крайне важной области народного хозяйства, без которого немыслимо было перейти к управлению промышленностью в целом. О больших успехах трудящихся Татарии в деле претворения в жизнь рабочего контроля говорит хотя бы и то, что сразу же после оккупации Казани белочехами контрреволюционная власть, фабриканты и заводчики поспешили ликвидировать его органы «как классовый и несовершенный аппарат» [2]. Но после освобождения Казани контроль был восстановлен. К октябрю 1918 г. в нем или в рабочем управлении участвовали представители 113 фабрик и заводов, насчитывавших в общей сложности 19 809 чел. Из этих 113 предприятий на 54 с количеством рабочих 2 550 чел. осуществлялся только рабочий контроль. На 59 фабриках и заводах с 16 822 рабочими было рабочее управление, причем в 29 из них рабочие управляли совершенно самостоятельно, ввиду того, что владельцы бежали с интервентами [3].

По мере развития контроля над производством и распределением управление предприятиями фактически переходило в руки рабочего класса. Именно это помогло ему выявлять возможности, нужды фабрик и заводов, наличные ресурсы

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, д. 419, л. 4.
[2] ЦГА ТАССР, ф. 571, оп. 1, д. 89, л. 68.
[3] «Знамя революции», № 59, 19 марта 1919 г.

сырья, топлива и т. п., приобретать необходимые знания, известный опыт хозяйствования без капиталистов, в интересах трудящихся. Контрольные органы дали основные кадры для советского хозяйственного аппарата. Тем самым были созданы важнейшие предварительные условия для национализации промышленности, рабочего управления ею в общенациональном масштабе. Контроль явился для пролетариата также хорошей политической школой классовой борьбы против буржуазии. Массы рабочих активно участвовали в величайшем процессе ломки старых, капиталистических производственных отношений, успешно боролись с саботажем и вредительством, преодолевали разруху, укрепляли диктатуру пролетариата. Контроль вызвал к творческой жизни тысячи талантливых руководителей из народа, укрепил уверенность рабочего класса в своих силах.

Итак, рабочий контроль под руководством Коммунистической партии повсеместно перерастал в управление промышленностью. В. И. Ленин, говоря о его значении для национализации, в начале 1918 г. подчеркнул, что после него переход к конфискации заводов был «вполне легок» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 274.

Р. Г. МУХАМЕДОВА

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МИШАРЕЙ

Мишари представляют наименее изученную и в то же время наиболее интересную в этнографическом отношении группу татар Поволжья. Большинство их живет на территории Мордовской, Чувашской, Татарской, Башкирской АССР, Горьковской, Пензенской, Ульяновской, Куйбышевской и Саратовской областей.

Численность мишарей, согласно переписи 1926 г., равняется 242 642 чел. Однако это далеко не абсолютное число. Дело в том, что мишари не называли себя этим именем, считая его обидным. Поэтому, естественно, во время переписи большинство их не указало принадлежность к данной этнографической группе. Некоторые исследователи насчитывают около миллиона мишарей. Это подтверждается также нашими подсчетами, основанными на материалах переписи 1959 г.

Несмотря на довольно большую численность, эта этнографическая группа татар Поволжья оставалась неизученной. До сих пор нет ни одного труда, более или менее полно отражающего их быт. Вопрос об их этнической принадлежности остается спорным. Во 2-м изд. МСЭ, например, говорится, что «Мишари — угро-финского происхождения, но издавна отатарились» [1]. Это определение базируется, очевидно, на весьма широко распространенной в свое время гипотезе В. В. Вельяминова-Зернова о мордовско-финском происхождении мишарей [2]. По его мнению, в бассейне Оки жило родственное мордве, тоже финского происхождения, племя «мещера», отатарившейся частью которого и являются татары-мишари.

---

[1] МСЭ, изд. 2-е, том VI, 1937.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб, 1863, стр. 30—31.

В 20-х годах текущего столетия С. П. Толстов выдвигает мадьяро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей [1]. Она довольно близка к гипотезе В. В. Вельяминова-Зернова в том отношении, что С. П. Толстов, так же как и В. В. Вельяминов-Зернов, считает мишарей отатарившейся частью древней мещеры или мажар. Но в отличие от В. В. Вельяминова-Зернова он полагает, что мажары — не финская, а угорская народность, ответвлением которой являются и мадьяры Венгрии.

Мадьяро-венгерской гипотезы о происхождении мишарей придерживался и Б. А. Куфтин [2]. Он допускал мысль, что термины «мишар» и «мажар» могут исходить от «мадьяр». Но в отличие от В. В. Вельяминова-Зернова и С. П. Толстова он не признает древнего племени «мещера», следовательно, и концепцию об их обрусении или отатаривании. Он считает, что существование этого племени не доказано. Термин «мещера», по мнению Куфтина, носит лишь топографический характер.

Особый интерес заслуживает буртасская гипотеза, которую выдвинул на VIII Археологическом съезде Ф. Чекалин [3]. Он связывает «мещеру», упоминаемую в русских летописях XVI в., с буртасами IX—X вв., о которых писали восточные авторы.

Эту гипотезу поддерживает наш современник Б. А. Васильев [4]. Он также утверждает, что этноним «буртас» вплоть до XVI в. употреблялся как параллель этнонима «мещера». Под «мещерой» поздних летописей он понимает мишарей. В противовес Куфтину, Б. А. Васильев доказывает, что топографические названия «мещера» произошли от названия народности, переселившейся сюда под давлением половецкого вторжения в южнорусские степи.

Кроме вышеуказанных, имела место еще гипотеза Г. Ахмарова о золотоордынском происхождении мишарей [5]. Впрочем, она оказалась наименее популярной, ибо древность мишарской культуры уже давно не вызывает сомнения у большинства исследователей. Однако примечательным в этой гипотезе является то, что она обосновывает тюркское происхождение мишарей. В языке мишарей Г. Ахмаров находит много тюркских архаизмов: слова, характерные для мишарского диалекта, связывает со словами восточно-тюркских наречий. В костюме

---

[1] С. П. Толстов. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губ. Сборник «Культура и быт народов Центрально-Промышленной области». М., 1929, стр. 158.

[2] Б. А. Куфтин. Татары касимовские и татары-мишари Центрально-Пром. области. Там же, стр. 139.

[3] Ф. Чекалин. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам. «Труды VIII Арх. съезда в Москве в 1890 г.» Т. III. М., 1897, стр. 73.

[4] Б. А. Васильев. Проблема буртасов и мордвы. Сборник «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960, стр. 180—209.

[5] Г. Н. Ахмаров. О языке и народности мишарей. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 19, в. 2, 1903, стр. 91—160.

мишарок он также находит сходство с одеждой тюркоязычных народностей. Гипотезу Г. Ахмарова защищает наш современник М. Г. Сафаргалеев [1].

Итак, о происхождении мишарей имеется немало противоречивых теорий. Но однако взгляды большинства исследователей в этом отношении сводятся к тому, что в формировании мишарей участвовало какое-то древнее племя. Одни считают этим племенем «мещеру», якобы издревле проживающую в бассейне верхней Оки, другие — угров-мадьяр или мажар, по местному наименованию, третьи называют буртас, которые представляются рано отюреченными уграми, называвшимися в позднейших летописях «мещерой».

В течение нескольких лет мы занимались изучением быта правобережных мишарей. Как известно, бытовой уклад народов Среднего Поволжья в XIX в. представлял сложное явление: в нем слились воедино и восходящие к ранним историческим эпохам, сохранившиеся в той или иной степени древние элементы, и возникшие в более поздние времена.

В результате анализа материальной и духовной культуры мишарей мы пришли к выводу, что в мишарской культуре прослеживается мощный древний слой, в значительной степени сходный с культурой таких тюркских народов Среднего Поволжья, как казанские татары, особенно кряшены, башкиры, чуваши — анатри и бесермяны. К сожалению, в рамках небольшой статьи трудно подвергнуть анализу все стороны быта. Поэтому мы здесь приведем лишь некоторые примеры из материальной культуры. А следует отметить, что материальная культура, по сравнению с духовной, меньше сохраняет этническое своеобразие народа. Это особенно относится к хозяйству и жилищу, развитие которых в значительной степени зависит от местных условий как социальных, так и природных. Несмотря на это, в отдельных элементах материальной культуры, например, в жилище достаточно хорошо обнаруживаются черты этнической общности их с тюркским миром. Мы пока затрудняемся сказать, какова роль тюркоязычных народов в выработке древнего типа жилища — землянок или полуземлянок, в одинаковой степени принятого в период средневековья как у финнов (например, мордвы), живших в лесостепной полосе, так и у тюркоязычных народностей. Но с уверенностью можно сказать, что у тюркских народов Среднего Поволжья, в частности у мишарей, одновременно с полунадземным существовало летнее надземное жилище типа балаган-алачык, распространенное у многих тюркских племен в период их ведения полукочевого образа

---

[1] М. Г. Сафаргалеев. К истории татарского населения Мордовской АССР. Труды Мордовского научно-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики, вып. 24, 1963, стр. 64—79.

жизни. В преданиях и в фольклоре мишарей «алачык» предстает как жилище; в них говорится, что предки мишарей жили в «кабык алачык», т. е. в лубяных балаганах. В конце XIX — начале XX вв. «алачык» мишарей представлял собой срубное или саманное строение четырехугольного плана с глинобитной печью и очагом. Он имел дверь, волоковое окно, потолок, двускатную крышу. К настоящему времени «алачык» сохранился лишь у кулаткинской группы мишарей как постройка, которая служит для приготовления пищи летом и для содержания молодняка зимой.

Как известно, «алачык» в качестве временного жилья широко распространен у башкир. Кроме того, он известен киргизам и другим тюркским народам. Но в отличие от этих народов, которым «алачык» служит временным жильем, мишари используют это сооружение уже только как хозяйственное. В этом отношении «алачык» мишарей перекликается с чувашским «лась», представляющим прототип чувашского жилища [1].

Тот факт, что под термином «алачык» у некоторых тюркских народов фигурирует сохранившаяся до настоящего времени жилая постройка в виде первобытного балагана, служит доказательством того, что мишари и чуваши, которые этим термином именуют уже более позднюю постройку, лишь перенесли на эту позднюю форму постройки старое название, употреблявшееся некогда тюркоязычными племенами для обозначения древнего жилья.

По нашему мнению, на территории Средней Волги «алачык» представляет собой очень древний элемент материальной культуры, проникший сюда вместе с древнетюркскими племенами. Здесь это первобытное жилье, которое встречаем мы у алтайских тюрок, у башкир и у других народов, подверглось значительному развитию. Причем здесь параллельно шло развитие «алачык» и полуземлянок. С усовершенствованием жилищного строительства, т. е. с возникновением утепленных надземных домов, необходимость в старых жилищах отпала, и они превратились в хозяйственное помещение. У других же тюркоязычных народов, сохранивших полукочевой образ жизни до конца XIX — начала XX вв., «алачык» сохранился как временное жилье.

Если наличие единых типов жилища народов Среднего Поволжья, в частности мордвы и мишарей, подтверждает единый процесс развития жилища у этих народов с древнейших времен, то некоторые различия во внутренней планировке и в

---

[1] Н. В. Никольский. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1928, стр. 34. Н. И. Воробьев, А. И. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Чебоксары, 1956, стр. 212.

его убранстве говорят о самостоятельном пути развития этих элементов, отражающих этническое своеобразие народов. Так, в наиболее старых домах мишарей, особенно в домах, топящихся «по-черному», продолжал бытовать древний тип планировки, когда печь с устьем, обращенным к двери, ставили в одном из дальних углов, около передней стены. Вдоль этой же глухой передней стены, рядом с печью, устраивали широкие нары — «түр», а вдоль боковой стены — янурдык. У стыка «түр» и «янурдык» ставили стол. Такая изба освещалась двумя маленькими окошечками, прорубленными в боковой стене. На противоположной боковой стене, около устья печи, прорезали дымовое отверстие (төндек) размером в одно бревно, которое закрывали чуркой или тряпкой. Планировка с подобным расположением печи также была характерна в прошлом и для мордовской избы. Происхождение ее связывается с планировкой древних полуземляночных жилищ, в которые свет проникал только через дверь. Но в отличие от планировки мордовских изб, у которых «красный угол» при этом находился около двери, по диагонали от печи, почетное место «түр» в мишарских избах находилось у передней стены, т. е. против входа. В этом отношении планировка древнемишарской избы не отличается от планировки жилища тюркских народов. Нары, расположенные на этом месте и получившие одноименное название «түр», также увеличивают сходство между жилищами мишарей и казанских татар, башкир, чувашей и других тюркоязычных народов.

Характерным элементом материальной культуры северных мишарей (в частности сергачской, лямбирской группы), так же как и мордвы, до конца XIX в. являлись висячие котлы, в отличие от вмазанных котлов казанских татар. Эта особенность приспособления котла мишарей некоторыми этнографами рассматривалась как результат их финно-угорского происхождения. Однако подвешивание котла над очагом имело место не только у финно-угорских народностей, но и у многих тюркских племен в период их пользования открытым очагом. Вероятно, этим и следует объяснить сохранившееся в языке казанских татар выражение «казан-асу» (буквально — «вешать котел»), применяемое в значении «готовить обед». Сохранение висячих котлов у северных групп мишарей, впоследствии, поддерживалось соседством мордвы, у которых подвешивание являлось единственным способом приспособления котла в очаге.

В отличие от жилищ других народов края, в частности мордвы, в убранстве мишарских изб очень большое значение имели матерчатые декоративные украшения — чаршау (занавеси около спальных мест), полотенца с тканными узорами, которые развешивались в простенках между окнами и кашага — вдоль матицы. В этом отношении изба мишарей также

напоминает жилища других тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Сторонники гипотезы о финно-угорском происхождении мишарей в качестве подтверждения ее приводят наличие у мишарей открытых дворов с разбросанными постройками. По нашему мнению, открытые дворы на территории Средней Волги не являются исключительной особенностью финно-угорских народов, поэтому не могут служить этническим признаком. Такой тип усадеб на определенном этапе экономического развития бытовал у всех народов Среднего Поволжья, в том числе и у тюркоязычных народностей (у чувашей, казанских татар). В период господства подворной общины, когда каждый двор представлял самостоятельное хозяйственное целое, владельцы располагали отдельные части его (избу, скотные и хозяйственные помещения) так, как считали удобным для личных потребностей, т. е. состав усадьбы, ее планировка соответствовали характеру натурального хозяйства. Жилой дом не имел определенного места; чаще он находился в центре хозяйственных построек, т. е. в середине усадьбы. Нередко дома ставили на задней части усадьбы, при этом преимущественно фасадами во двор.

Одежда является одним из устойчивых элементов материальной культуры, ибо на ней несколько меньше, чем на жилище, отражены влияния внешней среды. Поэтому естественно, что в одежде больше сохранены древние элементы, определяющие этническую принадлежность мишарей. В этом отношении особенно интересна женская одежда. Вплоть до середины XIX в. у мишарей был распространен тот же тип туникообразной рубахи, что и у тюркских народностей Среднего Поволжья (казанских татар, чувашей, бесермян), отличительной особенностью которой является значительная ширина за счет скоса боковых полотнищ. Не только по покрою, но и по деталям эта рубаха очень сходна с женскими рубахами чувашей-анатри, кряшен и бесермян.

Среди мишарских коллекций музея этнографии народов СССР имеются две женские мишарские рубахи из белого домотканного холста, туникообразного покроя с боковыми расширяющимися книзу клиньями[1]. Вдоль швов одной из рубах сделаны узкие крестообразные вышивки; швы второй рубахи покрыты узкой полоской красной ткани. Грудь, рукава и подол обеих рубах вышиты. Рядом с вышивкой на груди нашиты кусочки из красного материала в виде маленьких ромбиков.

Подобный тип рубахи, с кумачными нашивками и кумачными же аппликациями на груди и по подолу, под названием

---

[1] Коллекция № 88—1, 88—2.

юле кулмэк», был распространен в прошлом и у сергачской группы мишарей [1].

По данным Ш. Марджани, подобные рубахи бытовали также у симбирских мишарей, которые «носили холщовые рубашки, отороченные по швам полоской кумача в палец шириной, с пришитыми к рукавам и плечам кусками красного и зеленого шелка» [2]. Эти рубахи мишарей имеют сходство с женскими рубахами других тюркских народов Поволжья, прежде всего чувашей [3]. Сходство мишарских женских рубах и чувашских обнаруживается не только в покрое, но и в весьма существенных его деталях, как оттенение продольных швов, соединяющих центральное полотнище с боковыми, легкой вышивкой или лентой красной материи; как и чувашские, мишарские рубахи вдоль грудного разреза, у плеча и у обшлага рукавов имели вышивку, позже заменявшуюся как и у чувашей-анатри, кумачными нашивками. Кстати следует отметить, что заменяющая вышивку на груди нашивка из красного кумача у чувашей-анатенчи и у мишарей называется единым термином «кунчек». Сходство мишарских и чувашских женских рубах прослеживается и в последующих типах, например в пестрядных рубахах с воланом, которые сохранились до настоящего времени не только у чувашей и мишарей, но и у кряшен и бесермян.

По мнению исследователей, в частности Н. И. Воробьева, подобная белая рубаха с расшивкой швов, рукавов и с нагрудными вышивками перенята от древних тюрков, в частности булгар [4]. Возможно, она имеет здесь и более древнее происхождение.

Обращает внимание вышивка на вышеуказанных рубашках мишарей из музея этнографии СССР (на груди и на верхней части рукавов у плеча). Техника шва на них — стежковая гладь, орнамент геометрический, с преобладанием четырехугольных форм. Эти геометрические формы сочетаются со стилизованным растительным орнаментом в виде лепестков. Вышивка, выполненная гладью, имеется также на концах полотенцев мишарей. Стежковая гладь представляет распространенную технику вышивки башкир и низовых чувашей. У последних этот шов называется «хантас» [5]. По мнению С. И. Руденко, данная техника шитья перешла к тюркским народам от хантов, у которых она была широко распространена [6]. По орнаментальным мотивам и по технике выполнения

[1] С. П. Толстов. Указ. работа, стр. 159.

[2] Цитирую по Н. И. Воробьеву. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 243.

[3] Н. Гаген-Торн. Женская одежда. Чебоксары, 1960, стр. 60.

[4] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова и др. Чуваши. Чебоксары, 1956, стр. 340.

[5] Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960, стр. 41.

[6] С. И. Руденко. Башкиры. М., 1955, стр. 304.

нарукавная вышивка мишарских рубах из Ленинградской коллекции, имеющая форму овальной розетки, очень близка к наплечной вышивке женских рубах низовых чувашей, называемый «хултырмач» [1]. Эта вышивка в некоторой степени перекликается также и с вышивкой на концах башкирских полотенец, изображающей розетки с изогнутыми лучами — лепестками [2].

Традиционные элементы достаточно хорошо сохранены также на женских головных уборах мишарей. До середины XIX в. распространенным головным убором замужних женщин-мишарок являлся тастар, представляющий самотканое полотенцеобразное покрывало длиной до 2 *м* и шириной 40—50 *см*. Полотенцеобразные головные повязки под тем же названием «тастар» имели также широкое бытование до конца XIX в. у таких тюркских народов Поволжья, как чуваши — анатри, казанские татары, бесермяны, башкиры. Надо думать, что общность этого элемента одежды у тюркских народов Поволжья относится к очень древнему периоду.

Концы тастаров были богато орнаментированы тканым рисунком или вышивкой шерстяными нитками зеленого, оранжевого и черного цветов; распространенной техникой шва является цветная перевить. Как известно, таким же швом расшиты узорные тастары башкирок и сурпаны чувашек. Орнамент исключительно геометрический и состоит из простых форм: ломаных линий, квадрата, ромба с продолженными сторонами, загнутыми в разные стороны концами. Эти мотивы также широко распространены в вышивках народов Поволжья. Под тастар на волосы надевали «сылавыч» — чепец со спускающейся от него лопастью. У мишарей сергачской группы подобный тип головного убора назывался «башкигец». Этот головной убор мишарей, по нашему мнению, перекликается с башкирским «башкием» [3].

Древним головным убором мишарей является и «кашпау», сохранившийся у лямбирской группы мишарей вплоть до конца XIX века. Кашпау представляет холщовую шапочку, наружная сторона которой обшита серебряными монетами. Этот головной убор мишарей находит аналоги у чувашей (хушпу), казанских татар-кряшен (кашпау), башкир (кашмау) и бесермян (кашпу). По нашему мнению, головные уборы типа кашпау представляют также древний элемент одежды на территории Среднего Поволжья и Приуралья и являются наследием от древнетюркских предков. Наличие этого убора также у мишарей подтверждает этническое единство их с такими древне-

---

[1] Г. А. Никитин и Т. А. Крюкова. Указ. работа, стр. 27.
[2] Н. Гаген-Торн. Указ. работа, стр. 215.
[3] С. И. Руденко. Указ. работа, стр. 193.

тюркскими народами, как чуваши, казанские татары, башкиры. Среди финно-угорских народов Поволжья подобный головной убор, покрытый бисером и монетами, имеется лишь у удмуртов. В. Н. Белицер считает, что он у удмуртов появился в результате влияния соседних тюркских народов — булгар [1]. Возможно, что головные уборы типа «кашпау», так же как и белые вышитые женские рубахи, имеют среди тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья более древнее происхождение.

Традиционным девичьим головным убором у мишарей являются вязаные колпаки с надлобной повязкой «ука-чәчәк», представляющей полоску позумента и спускавшейся на лоб бахромы. Как вязаные колпаки, так и надлобные повязки типа «ука-чәчәк» имели широкое распространение у тюркоязычных народов (у степных чувашей — мамак калпак [2], у казанских татар — ука-чәчәк, калпак [3], у башкир — ак калпак и ука сасак) [4].

Культурная общность мишарей, тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья обнаруживается также и в украшениях. Сюда следует отнести девичье накосное украшение «үрем» в виде ленты и женский накосник «чәч-кап». Как по наличию возрастной дифференциации, так по форме и названиям эти накосные украшения мишарей особенно близки к накосным украшениям башкир, у которых имелись женский накосник «саскап» и девичий «сасмау» [5].

Широко распространенным нагрудным украшением мишарей, как и всех тюркоязычных народов Поволжья, является перевязь — бутимар, состоящая из узкой нагрудной полоски мишуры или позумента с нашитыми крупными монетами. К нижнему краю этой перевязи пришит карман — касидә.

Как известно, украшения в виде перевязей имели распространение главным образом среди тюркских народов Поволжья и Приуралья. Таковы, например, «хаситә» казанских татар, «девет» кряшен, «әймәзек», «деүет» или «хаситә» башкир, «дәүәт» чувашей, «бутимар» бесермян. Из финно-угорских народов Поволжья подобную перевязь (бутимар) имели лишь удмурты, которые, по мнению В. Н. Белицера, заимствовали ее у тюрков [6]. Обращает на себя внимание идентичность названий перевязи мишарей, бесермян и удмуртов. О какой-либо культурной связи удмуртов и бесермян с мишарями за последние несколько столетий говорить определенно не приходится. Только сохране-

---

[1] В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. Труды института этнографии, новая серия, т. X, М., 1951, стр. 105—106.
[2] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова и др. Указ. работа, стр. 311.
[3] Н. И. Воробьев. Указ. работа, стр. 278.
[4] С. И. Руденко. Указ. работа, стр. 194.
[5] С. И. Руденко. Указ. работа, стр. 188.
[6] В. Н. Белицер. Указ. работа, стр. 78.

нием некоторых общих элементов древнетюркской культуры можно объяснить сходство в одежде этих народов.

Этническую общность мишарей с тюркоязычными народами Поволжья и Приуралья можно было бы проследить на материалах духовной культуры, особенно в семейных и общественных обрядах. Но и то немногое, что здесь приведено из области материальной культуры, не оставляет сомнения в наличии древнекультурной общности между мишарями и тюркоязычными народами Среднего Поволжья и Приуралья.

Возникает вопрос: к какому периоду относится эта культурная общность и какие тюркские племена могли оставить такой мощный древний слой в культуре этих народов? Этот вопрос связан с формированием культуры мишарей, а поэтому и с вопросом их происхождения.

До сих пор считалось, что на территории Средней Волги и Прикамья первыми тюркоязычными племенами были булгары, приход которых в этот край относится к VIII веку. Однако археологические исследования последних лет дают возможность говорить о проникновении тюркоязычных племен в эти районы, вследствие натиска гуннов, уже в начале 1 тыс. н. э.[1]. Свидетельством этого на Средней Волге являются памятники именьковской культуры[2]. В этот же круг памятников на средней Суре входят городища типа Ош-Пандо и Ашна-Пандо[3].

Дальнейшее проникновение на Среднюю Волгу тюркской этнической группы происходит в VI—VII веках н. э. Эта волна тюркского проникновения, как отмечают исследователи, вероятно, прошла через южный Урал и, пройдя по степным районам юго-восточной территории Европы, осела в районах правобережья Волги, захватив значительную часть территории расселения мордвы. Некоторые исследователи считают, что эта этническая группа, оставившая после себя Арцыбашевское погребение[4] и множество кочевнических изделий в мордовских погребениях, начиная с VI в., приняла большое участие в формировании современных мишарей и татар Среднего Поволжья в целом[5].

---

[1] В. Ф. Генинг. Тураевский могильник на Нижней Каме. Вопросы археологии Урала, вып. 2. Свердловск, 1962; Он же. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1962, стр. 329—335.

[2] П. Н. Старостин. Этническая принадлежность именьковских племен. Доклад на научн. сессии КИЯЛИ АН СССР за 1964 г. Рукопись.

[3] П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских племен в Ср. Поволжье. III Уральское арх. совещание в г. Уфе. Тезисы докладов. Уфа, 1962, стр. 65.

[4] А. Монгайт. Могила всадника у с. Арцыбашева. КСИИМК, XLI, 1959, стр. 124—130.

[5] А. Х. Халиков. Культурные взаимосвязи татарского и мордовского народов по данным археологии. Доклад на научной сессии по этногенезу мордовского народа. Саранск, 1965.

Выше мы привели этнографические данные, обосновывающие тюркскую принадлежность мишарей и археологические материалы о древнетюркском этносе на Нижней Каме и Средней Волге. При этом, в отличие от гипотезы Г. Ахмарова, тюркские корни мишарской культуры мы связываем с древнетюркским племенным объединением, образовавшимся задолго до периода Золотой Орды.

Достаточно известно в этнографической литературе, что в культуре казанских татар, а наши исследования показывают, что и в культуре мишарей, прослеживается два пласта: раннетюркский (дозолотоордынский) и позднетюркский (связанный с периодом Золотой Орды). Наряду с этим, в культуре мишарей мы отмечаем, как видно из вышеизложенного, такие черты, которые, не будучи характерны для казанских татар, находят весьма близкие аналоги у таких народов, как башкиры, чуваши-анатри, татары-кряшены, бесермяне. Если бы эти элементы были связаны только с булгарским периодом, они проявились бы у всех казанских татар. Поэтому следует предположить более древнюю датировку возникновения этих черт. Весьма возможно, что они относятся к тому древнетюркскому пласту, который археологами прослеживается на территории Прикамья и Средней Волги еще в добулгарский период.

В последнее время исследователи именьковский культуры склонны считать, что эти памятники оставлены буртасами[1]. Это предположение заслуживает большого внимания. Как известно, буртасская проблема до сих пор считалась одной из спорных. Некоторые исследователи признавали буртас предками мордвы, другие — предками чувашей, третьи, как сказано выше, — предками мишарей. В последнее время ученые склонны видеть в буртасах многоплеменное объединение. В этом отношении очень интересна работа Б. Заходера «Каспийский свод сведений о Восточной Европе», в которой на основании тщательного анализа письменных источников убедительно доказана многоплеменность буртас и внесена поправка в датировку их существования. Б. Заходер относит существование буртасского племенного объединения к V—IX вв[2].

Как видно, время существования именьковский культуры и буртасского племенного объединения в целом совпадает. Поэтому в свете новых исследований буртасская гипотеза происхождения мишарей выглядит несколько иначе, а именно: начало формирования культуры мишарей, в основе которой лежит

---

[1] П. Н. Старостин. Этническая принадлежность именьковских племен. Доклад на научной сессии КИЯЛИ АН СССР за 1964 г.; П. Д. Степанов. Буртасы и мордва. Доклад на научной сессии по этногенезу мордовского народа. Саранск, 1965.

[2] Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Москва, 1962, стр. 224.

культура тюркоязычных племен буртасского объединения, относится не к IX—X вв., как это утверждает Б. А. Васильев, а к V—IX векам.

Что касается предположения, высказанного Б. А. Васильевым об угорском происхождении буртас, предков мишарей, и о их отюречении на территории между Доном и Днепром, следует отметить, что тюркизация угров (а может быть угризация тюрков), вероятно, происходила в более раннее время. Как известно, смешение древнетюркских и угорских племен начинается очень рано и относится ко времени их жизни в Сибири на рубеже нашей эры. Смешение это особенно усиливается в III в. н. э., в результате переселения и перегруппировки этих племенных образований на территорию Западного Приуралья и Прикамья [1]. Археологический материал достаточно хорошо показывает смешанность этого пришлого населения. Исследователи считают, что проникшее в середине I тыс. н. э. в прилегающие районы Волги, нижней Камы и средней Суры тюркское население было также достаточно смешанным. Поэтому вполне возможно, что тюркоязычные племена буртас, в которых мы склонны видеть предков современных мишарей, имели у себя следы угорской и даже финно-угорской культуры. Вероятно, этим и следует объяснить наличие некоторого финно-угорского налета в культуре мишарей, башкир и некоторых других тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Кстати, по археологическим данным известно, что памятники именьковского круга (например, Романовская группа поселений) и очень близкие к материалам Арцыбашевского комплекса памятники (например, Новиковский могильник недалеко от г. Уфы) известны и на территории Башкирии [2]. Весьма возможно, что общность в культуре мишарей и башкир объясняется этими древними связями. В этом отношении очень интересен факт наличия на территории Башкирии, по данным Г. В. Юсупова, местных мишарей, отличающихся от мишарей, переселившихся туда из гг. Темникова и Алатыря [3].

В формировании культуры народов Среднего Поволжья, в том числе и мишарей, большую роль сыграли также булгарские племена. Эти племена при своем переселении на Среднюю Волгу, проходя через территорию расселения предков мишарей,

---

[1] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении Сибирского населения в Зап. Приур. в. I т. н. э. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальн. Востока». Новосибирск, 1962, стр. 331.

[2] В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I т. н. э. Тезисы докладов III Уральского археслог. совещания в г. Уфе. Уфа, 1962, стр. 55—61; Г. Н. Матюшин. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы. Вопросы археологии Урала, вып. 2, Свердловск, 1962, стр. 58—65; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака, «Советская археология» XXII, 1955, стр. 175.

[3] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 136—137.

видимо, вступали в тесный контакт не только с тюркоязычными, но и мордовскими племенами [1]. Весьма возможно, что булгарские племена частично оседали в этих районах. Они, будучи не чуждой этнической группой для тюркоязычных племен буртасского племенного объединения, не вызывали особых изменений в ходе этнологического процесса на Средней Волге.

Видимо, значительная территория расселения мишарей уже в домонгольский период входила в состав Волжской Булгарии. Как известно, городища и селища, обнаруженные в последние годы в северной части Пензенской области М. Р. Полесских, основанные тюркскими племенами в домонгольский период, содержат типично булгарский подъемный материал [2].

Территория расселения мишарей на границе лесной и степной зоны значительно больше, чем районы Прикамья, была связана с миром степей. Поэтому в формировании мишарской культуры, особенно языка, значительную роль сыграли и последующие влияния, например, половецко-кипчакские племена. Нельзя забывать, что влияние кипчакского языка продолжалось и в период владычества Золотой Орды. Особенно значительное влияние поздне-кипчакской культуры испытала та часть мишарей, которая оказалась в окружении таких золотоордынских улусных центров, как Наровчат, Темников. Что касается культуры тех групп мишарей, которые не находились в непосредственном подчинении этих золотоордынских улусных центров (например, сергачская, лямбирская и кулаткинская группы мишарей), то здесь проявление позднетюркского культурного слоя незначительно.

Таковы некоторые результаты этнографического изучения мишарей. Мы имели основной целью показать древнюю культуру мишарей, которая может пролить свет на вопрос их происхождения. Следует отметить, что наши выводы по этому вопросу могут вызвать некоторые возражения. Это и понятно, ибо проблема происхождения мишарей еще находится в стадии изучения и вполне возможно, что по этому вопросу полного единства взглядов пока не будет не только у представителей различных дисциплин, но и у самих этнографов.

---

[1] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 153—159.

[2] М. Р. Полесских. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв. Труды Саратовского областного музея краеведения, вып. 2, 1959, стр. 95—113.

П. Н. СТАРОСТИН

БАЛЫМЕРСКИЙ «ШЕЛОМ» — ГОРОДИЩЕ

В изучении археологических памятников предбулгарского времени на территории Татарии за последние годы достигнуты значительные успехи. Сплошным обследованием края в археологическом отношении на Нижней Каме и прилегающих районах Волги выявлена интересная и вместе с тем многочисленная (около 300) группа памятников, датирующихся V—VIII вв. н. э. Ряд исследователей (Н. Ф. Калинин [1], А. П. Смирнов [2], Б. Б. Жиромский [3], А. М. Ефимова [4]) относят их к так называемой позднегородецкой культуре.

Другая точка зрения высказана В. Ф. Генингом [5]. На основании полученных в последние годы материалов он считает, что этот круг памятников характеризуется общими чертами материальной культуры, жилищами в форме квадратных полуземлянок с центральными столбовыми ямами, компактностью рас-

---

[1] Н. Ф. Калинин. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), XLIV, 1952, стр. 66.

[2] А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды Государственного исторического музея (ГИМ), XIX, 1951, стр. 16. Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов. Куйбышевская археологическая экспедиция 1954 г. КСИИМК, 65, 1956; стр. 82—85; А. П. Смирнов. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. Казань, Татгосиздат, 1956, стр. 13; Поздний железный век Поволжья. Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956, 1956, стр. 21.

[3] Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище «Шелом». Материалы и исследования по археологии СССР. (МИА), 61, 1958.

[4] А. М. Ефимова. Городецкое селище и болгарское городище у села Балымеры Татарской АССР. МИА, 111, 1962.

[5] В. Ф. Генинг. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа. Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956. М., 1956, стр. 42—46; Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа Труды Казанского филиала АН СССР (КФАН СССР), серия гуманитарных наук, т. 2, Казань, 1960, стр. 208—210.; В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П Казаков, Р. К. Валеев. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, изд-во Казанского гос. ун-та, 1962, стр. 84—92.

положения и особенностями погребального обряда — трупосожжением. Исследователь предлагает данную группу памятников выделять в самостоятельную культуру — именьковскую (по первому наиболее изученному городищу у с. Именьково Лаишевского района Татарской АССР). Не имея возможности подробно остановиться на обеих точках зрения, отметим лишь, что указанные разногласия не мешают выяснению характера отдельных памятников [1]. Конечно, некоторые вопросы, связанные с происхождением именьковских памятников, их этнической принадлежностью и историческими судьбами, требуют дополнительного изучения.

Многие вопросы именьковской проблемы значительно проясняются после полевых исследований, проведенных в 1962—1964 гг. В частности, собранные материалы позволяют пересмотреть закрепившуюся в последние годы точку зрения относительно Балымерского «Шелома» как древнеродового святилища.

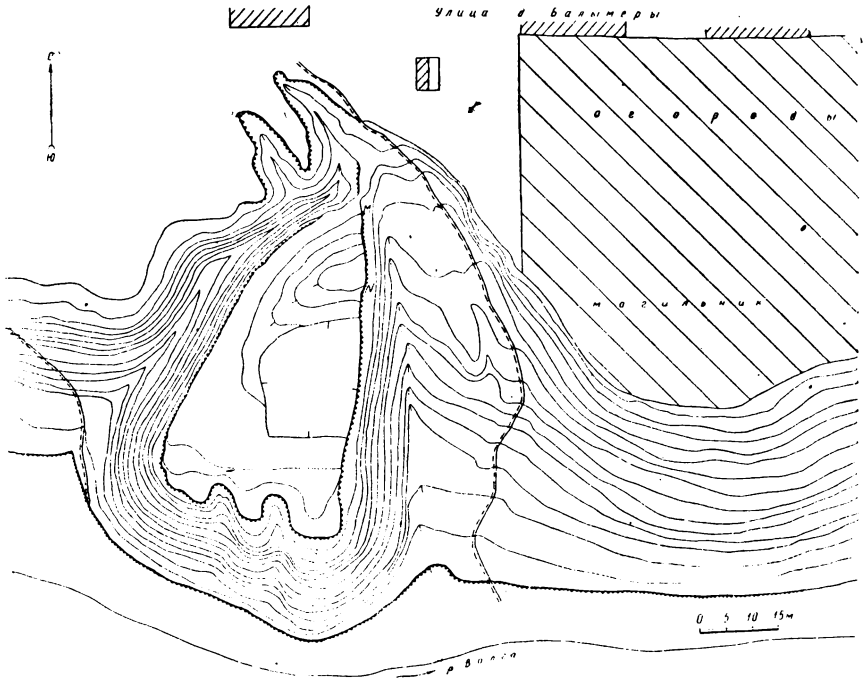


Рис. 1. План «Шелома», снятый археологической экспедицией КФАН СССР летом 1963 г.

MN — линия зачистки обнажений.

Этот памятник (рис. 1) расположен на мысу коренного очень высокого левого берега реки Волги между двумя овра-

[1] Ниже изучаемые памятники именуются нами как именьковские.

ами в деревне Балымеры Куйбышевского района Татарской ССР. Подчетырехугольная небольшая площадка памятника с напольной стороны была ограждена, очевидно, кокошниковидным валом и дуговидным рвом. В настоящее время сохранилась лишь часть вала, а концы рва, сильно разрушаясь, превратились в большие овраги. Вал, видимо, был когда-то очень мощным и привлекал своим величием внимание местного населения, которое называет его «Шелом». Останец площадки и верх вала перекопаны многими исследователями и кладоискателями.

Первые сведения о «Шеломе» как историческом памятнике относятся ко второй половине XIX века [1], но научная интерпретация его характера впервые дана А. А. Спицыным, обследовавшим древности этого района. К сожалению, ценные сведения А. И. Спицына не были использованы последующими исследователями, заставшими памятник в сильно разрушенном состоянии. Все это в конечном счете привело к различным трактовкам характера памятника.

Попробуем же восстановить материалы, полученные А. А. Спицыным в результате обследования древностей деревни Балымеры. Известно, что в отчете о поездке в эти районы в 1898 г. он указывает на два городища в данной деревне.

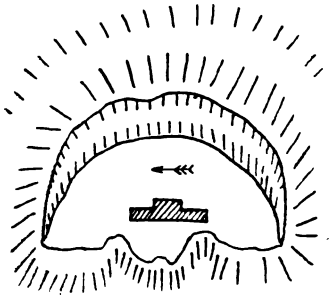


Рис. 2. План «Шелома», снятый А. А. Спицыным.

По его сведениям, одно городище находится на южном конце деревни на мысу левого коренного берега реки Волги. Подчетырехугольная площадка городища с напольной стороны ограждена двумя сильно оплывшими дуговидными валами и рвами [2]. Это городище сохранилось до настоящего времени. Судя по форме валов и рвов, а также по вещевому комплексу, включающему богатый набор булгарских гончарных изделий, основной культурный слой этого памятника и укрепления относятся к булгарскому времени.

Второе городище, описанное А. А. Спицыным [3], расположено также в деревне Балымеры на мысу, слегка отделенном от

---

[1] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 308.

[2] А. А. Спицын. Отчет о поездке в Казанскую губернию на р. Утку. Архив ИИМК АН СССР, ф. 1, д. 63, л. 31; рис. 19; Заметки из поездки 1898 г. Известия археологической комиссии, вып. 60, СПб., 1916, стр. 81.

[3] А. А. Спицын. Отчет о поездке в Казанскую губернию на р. Утку. Архив ИИМК АН СССР, ф. 1, д. 63, л. 31; рис. 18; Заметки из поездки 1898 г. Известия археологической комиссии, вып. 60, СПб., 1916, стр. 80, 81.

материка глубоким и широким рвом. На снятом исследователем схематическом плане (рис. 2) зафиксированы небольшой останец площадки, а также дуговидные по форме вал и ров. А. А. Спицын отмечал, что вал городища полукруглый, крутой в сторону рва и отлогий в сторону площадки. Заложенный А. А. Спицыным раскоп в виде траншеи на останце площадки позволил выявить сравнительно мощный культурный слой и собрать вещевой материал: железные наконечники стрел, бронзовые пряжки, пряслица, железные ножи, оселок, кости животных и т. д.; наибольшее количество находок составляли фрагменты глиняной лепной посуды грубой выделки. А. А. Спицын писал, что это городище известно под названием «Шихан»[1].

Что же это за городище? Может быть, «Шелом»? Очевидно, да. Доказательством могут служить следующие обстоятельства.

Во-первых, следов третьего городища в деревне Балымеры нет, спутать тут не с чем. Не заметить же этот памятник, о котором знают все старожилы деревни Балымеры, А. А. Спицын не мог.

Во-вторых, вещевой материал (особенно керамика), собранный А. А. Спицыным с городища, аналогичен материалу, собранному с «Шелома» последующими исследователями.

В-третьих, оба термина — «Шихан» и «Шелом» — равнозначно могут быть употреблены для обозначения островерхого всхолмления. Местное население знает и термин «Шихан», хотя больше в ходу «Шелом».

В 1925 г. на «Шеломе» проводил раскопки В. Ф. Смолин. Им были заложены четыре траншеи размером 7,5 × 2 *м*, позволившие выявить остатки многочисленных кострищ, деревянных сооружений и собрать вещевой материал, состоящий из керамики, костей животных, железного шлака, янтарной подвески и целого ряда других предметов. В. Ф. Смолин интерпретировал памятник как жертвенное место[2].

А. П. Смирнов в свое время считал «Шелом» курганом и связывал его с проникновением славян в районы Среднего Поволжья[3].

В 1954 г. довольно широкие раскопки памятника были проведены Куйбышевской археологической экспедицией. Результаты раскопок экспедиции были опубликованы Б. Б. Жиромским в статье «Древнеродовое святилище «Шелом»[4]. В данной работе автор дает подробное описание вещевого материала

---

[1] А. А. Спицын. Отчет о поездке в Казанскую губернию на р. Утку. Архив ИИМК АН СССР, ф., д. 63, л. 30, 31.

[2] В. Ф. Смолин. Раскопки «Шелома» в селе Балымерах. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ), т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926.

[3] А. А. Смирнов. Волжские булгары. Труды ГИМ, XIX, 1951, стр. 24.

[4] Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище «Шелома». МИА, 61, 1958.

(керамики, орудий труда, оружия и т. д.), вскрытых раскопками сооружений, правильно ссылается на аналоги в материалах Именьковского городища, Сайнинского городища «Ош-Пандо» [1] и датирует памятник второй половиной первого тыс. н. э. Но, не учтя работ предшественников (главным образом материалов А. А. Спицына), Б. Б. Жиромский в основном повторяет точку зрения В. Ф. Смолина, интерпретируя «Шелом» как древнеродовое святилище.

Это мнение о характере памятника, как уже отмечалось выше, прочно закрепилось в науке. Однако некоторые исследователи (в частности В. Ф. Генинг) склонны считать «Шелом» городищем [2]. Мы присоединяемся к этому мнению и попробуем его обосновать.

В результате дополнительных полевых исследований, проведенных летом 1962 и 1963 гг. археологической экспедицией КФАН СССР, удалось выяснить, что по характеру своего расположения «Шелом» ничем не отличается от других именьковских городищ. Все известные именьковские городища расположены на мысах, площадки их с напольных сторон укреплены валами и рвами. Наиболее распространенными являются шишкообразные, кокошниковидные валы и дуговидные рвы. Уже давно подмечено, что именьковские памятники расположены группами [3], включающими в некоторых случаях по нескольку городищ и селищ. Так, например, в Предкамье выявлено 5 групп: 1) Ташкирменьская, состоящая из двух городищ и двух селищ; 2) Рождественская — из четырех селищ; 3) Серебречихинская — из двух селищ; 4) Именьковская — из двух городищ и двух селищ и 5) Шуранская — из двух селищ [4].

Около д. Балымеры нами выявлены 5 селищ именьковского типа, в том числе большое селище расположено непосредственно за валом городища.

Сильно разрушенная юго-восточная сторона памятника позволила разведке археологической экспедиции КФАН СССР провести в 1963 г. зачистку обнажения и выявить следующую стратиграфию вала (рис. 3):

1) красноватый суглинок, 2) серый подзол с углистыми включениями, 3) серый подзол, 4) коричневатый суглинок с темными крапинами, 5) серый ореховатый суглинок, 6) зольный слой с углистыми включениями, 7) коричневый суглинок с углистыми включениями, 8) погребенный культурный слой, 9) красная материковая глина.

---

[1] Городище «Ош-Пандо» расположено на верхней Суре около с. Сайнино, Дубенского района Мордовской АССР.

[2] В. Ф. Генинг и другие. Указ. соч., стр. 84.

[3] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук, Казань, 1954 г., стр. 45.

[4] Там же, стр. 46.

Данные стратиграфии показывают, что вал «Шелома» является искусственно насыпанным. Причем значительную роль в сооружении вала играли деревянные конструкции. Разведкой археологической экспедиции КФАН 1963 г. в седьмом слое насыпи вала-коричневом суглинке с углистыми включениями — удалось выявить наличие круглых обожженных бревен диаметром от 18 до 30 *см*. Экспедицией же 1954 г. на площадке «Шелома» было выявлено несколько связанных между собой

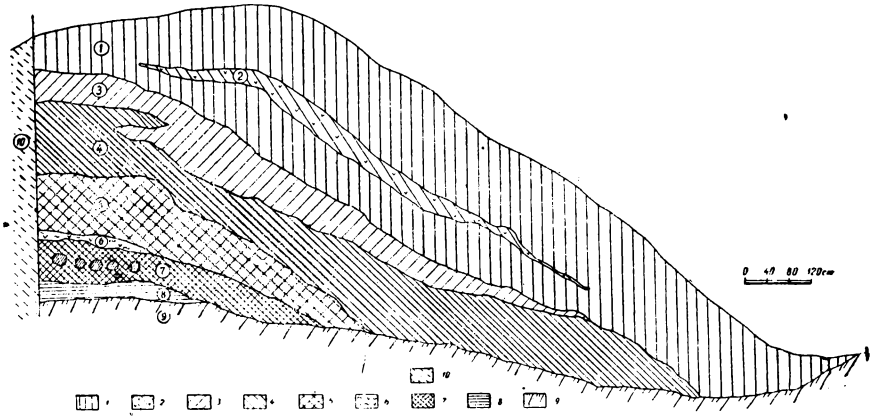


Рис. 3. Профиль вала по линии *М*. Условные обозначения:
1) красноватый суглинок, 2) серый подзол с углистыми включениями, 3) серый подзол, 4) коричневатый суглинок с темными крапинами, 5) серый ореховатый суглинок, 6) зольный слой с углистыми включениями, 7) коричневатый суглинок с углистыми включениями, 8) погребенный культурный слой, 9) красная материковая глина, 10) засыпь раскопа.

срубов, которые были обожжены и присыпаны сверху землей и толстым слоем глины. В центральной части насыпи на слое глины обнаружен другой ряд срубов, засыпанных землей и покрытых слоем глины. На вершине холма прослежены еще остатки каких-то деревянных строений [1]. Можно ли связывать данные срубы с жертвенником? Если взглянуть на план расположения их [2], то видна интересная картина: срубы располагаются по дуге, что как раз совпадает с планировкой вала, описанного А. А. Спицыным. Это были самые настоящие срубы для возведения устойчивого вала городища. Наличие бревенчатых обожженных конструкций является характерным признаком именьковских городищ. Так, например, остатки бревенчатых сооружений встречены в валах Именьковского [3], Степановского [4]

[1] Б. Б. Жиромский. Указ. соч., стр. 407.
[2] Б. Б. Жиромский. Указ. соч., рис. 3 и 7.
[3] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960, стр. 240.
[4] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук. Казань, 1954, стр. 53.

и II Маклашеевского городищ. Несколько наслоений срубов может быть объяснено многократными подсыпками и укреплениями вала. Так, например, несколько раз подсыпался вал Именьковского городища [1].

Б. Б. Жиромский указывает на большое жертвенное кострище на «Шеломе». Радиус кострища в исследованной части жертвенника был более 7 *м*, толщина слоя золы — 0,4 *м*. На поверхности кострища и по краям его лежало большое количество довольно хорошо сохранившейся керамики, костей животных, обугленных зерен и т. д. [2]. Следует заметить, что данное кострище по характеру находок не отличается от многочисленных кострищ, вскрытых на Именьковском городище [3], а также Рождественском [4] и Балымерском [5] селищах.

Наличие остатков культурного слоя, погребенного под валом, свидетельствует о том, что вначале здесь было поселение открытого типа, лишь позднее построены мощный вал и ров. Такое явление — не новинка для именьковских городищ. Так, например, II Маклашеевское городище существовало вначале как открытое поселение.

Работами экспедиции 1954 г. на «Шеломе» выявлены несколько десятков «жертвенных» ям круглой, овальной и квадратной формы размером от 0,7 × 0,8 $м^2$ до 2 × 2,3 $м^2$ и дневным уровнем около 4—5 *м*. В заполнении ям встречены фрагменты сосудов, кости животных, орудия труда, оружие, украшения, угли, зола. Обращает внимание слишком большой дневной уровень ям. Это может быть объяснено тем, что ямы находились под валом (ведь поселение вначале было неукрепленным), кроме того, часть насыпи вала могла быть сброшена и в сторону площадки работами, проводившимися в 1913 г. местным земством по нивелированию местности [6]. По формам, характеру заполнений и размерам ямы «Шелома» аналогичны ямам Именьковского городища [7], Рождественского селища [8], Сайнинского городища «Ош-Пандо» [9] и целого ряда других памятни-

---

[1] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960, стр. 237—241.

[2] Б. Б. Жиромский. Указ. соч., стр. 447.

[3] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 236.

[4] В. Ф. Генинг и другие. Указ. соч., стр. 19.

[5] А. М. Ефимова. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР. МИА, 111, 1962, стр. 27.

[6] Б. Б. Жиромский. Указ. соч., стр. 424.

[7] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 232—235.

[8] В. Ф. Генинг и др. Указ. соч., стр. 13—15, 17—19.

[9] П. Д. Степанов. Отчет о работе экспедиции по раскопке городища «Ош-Пандо» близ с. Сайнино Дубенского района МАССР летом 1947 г. Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского ин-та языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовской АССР. Ед. хр. 52/61, стр. 20—23.

ков. Многие исследователи утверждают, что подавляющая масса рассматриваемых ям — хозяйственные кладовки [1]. Следы огня, наличие углей и золы в ямах могут быть объяснены проводившейся дезинфекцией. Заметим также, что для городищ рассматриваемого типа характерно большое количество хозяйственных ям. Так, например, на Именьковском городище их выявлено свыше 80, на «Ош-Пандо» — около 100, на частично раскопанном участке II Маклашеевского городища — 86. Такое большое количество хозяйственных ям на площадках городищ дает возможность считать городища своего рода хранилищами, принадлежащими, по всей вероятности, одной общине.

Есть ли отличие вещевого материала «Шелома» от материалов других именьковских поселений? Основную массу находок этого памятника составляют фрагменты плоскодонных сосудов горшковидной формы, изготовленных вручную ленточной техникой. В глиняное тесто серого цвета добавлялась примесь шамота с песком или только песка. По характеру обработки поверхности весь керамический материал подразделяется на две группы: а) сосуды с грубой бугристой поверхностью, б) сосуды с гладкой поверхностью. Среди них очень небольшую группу составляют сосуды с лощением.

Обжиг посуды костровой, но довольно совершенный, качественный, черепок плотный и звонкий. Основная масса сосудов не орнаментирована; из встреченных видов орнамента следует отметить косую насечку, пальчатые защипы по краю, ямочные вдавления на переходе от шеек к плечикам. По характеру форм, технике изготовления, примесям, обжигу и орнаментации керамика «Шелома» аналогична материалам других именьковских поселений. Нам возразят, что сосуды приносились в жертву и разбивались [2]. Тогда как же быть с находками, являющимися отходами местного производства? И поныне, осматривая осыпи «Шелома», можно найти куски глины, приготовленной когда-то для изготовления сосудов, обломки деформированных сосудов (непригодных для пользования), которые были слабо просушены и при обжиге потрескались. Отходами местной металлургии являются куски шлака, которые сейчас можно встретить по склонам памятника. По данным В. Ф. Смолина, старожилы деревни Балымеры при рытье ям у юго-восточного склона «Шелома» находили удила, копья, стрелы и т. д. [3]. Вполне вероятно, что это были остатки какого-то металлургического производственного комплекса. На «Шеломе» собран также значительный костный материал, на котором можно видеть следы срезов. Это дает право заключить, что эти кости были заготовками или

[1] П. Д. Степанов. Указ. соч., стр. 20—23.
Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 231.
В. Ф. Генинг и другие. Указ. соч., стр. 89.
[2] Б. Б. Жиромский. Указ. соч., стр. 445.
[3] Б. Ф. Смолин. Указ. соч., стр. 116.

отходами производства. Данные предметы — отходы производства — никогда не могли приноситься в жертву. Они лишь свидетельствуют о том, что на «Шеломе» протекала хозяйственная жизнь, обычная для других именьковских поселений. Из других предметов, найденных на «Шеломе», следует отметить глиняные пряслица, железные ножи, шилья, обломки серпов, костяные наконечники стрел и украшения: бусы, бляшки, привески и т. д. В этих находках нет ничего необычного, культового. Подобные предметы часто встречаются на других именьковских поселениях.

Б. Б. Жиромский указывает в своей работе, что из культовых предметов на «Шеломе» обнаружены кости-привески, обожженные наконечники стрел; миниатюрные сосудики с плоским дном, выпуклыми плечиками и венчиком, орнаментированным по верхнему краю щипками; орнаментированная челюсть кабана; вотивные фигурки, изображения человека и животных [1]. Следы огня довольно часто встречаются на предметах с именьковских поселений. Нам кажется, что не всегда в этом надо искать культовый смысл.

Представляют интерес миниатюрные сосудики и глиняные фигурки. Последние были изготовлены из серой хорошо отмученной глины, поверхность фигурок заглажена. Размеры фигурок 3—4 *см,* среди них есть изображения человека и животных. По мнению некоторых исследователей, глиняные фигурки были широко распространены у земледельчески-скотоводческого населения [2]. Можно согласиться с. Б. Б. Жиромским, что эти фигурки и сосудики были культовыми. Но ведь подобные находки широко известны с поселений именьковского типа, например, с Именьковского [3] и II Тетюшского [4] городищ, а также городища «Ашна-Пандо» [5] в Ульяновской области, раскопанного П. Д. Степановым.

Таким образом, доводы Б. Б. Жиромского о том, что «Шелом» — святилище, являются малоубедительными. Характер расположения, стратиграфия, комплекс вещевого материала позволяют поставить «Шелом» в один ряд с другими городищами именьковского типа, представляющими большой интерес для археологов.

Как уже отмечалось, в настоящее время выявлено около 300 именьковских памятников. Исследование материалов этих памятников позволяет сделать вывод, что в середине первого

[1] Б. Б. Жиромский. Указ. соч., стр. 445.

[2] Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержен-Юртовского поселения в 1960 г. КСИИМК, 88, 1962, стр. 42, рис. 3.

[3] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 243, рис. 6.

[4] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Труды КФАН СССР, серия гуманитарных наук. Казань, 1954, стр. 47, рис. 16—18.

[5] Фонды Ульяновского областного краеведческого музея, инв. №№: 12883/104, 12883/105, 12883/106.

тыс. н. э. на Нижней Каме и прилегающих районах Волги сформировался мощный и сплоченный союз племен. Правда, этническая принадлежность этих племен еще не уяснена. Именьковцы достигли значительных успехов в дальнейшем освоении металлургии железа, первыми в Среднем Поволжье перешли к пашенному земледелию, имели развитое скотоводство. Это были сильные оседлые племена, способные строить мощные оборонительные сооружения и успешно противостоять постоянно проникавшим в данные районы полчищам кочевников. Безусловно, они имели интересную духовную культуру, имели культовые сооружения, но эти вопросы требуют дополнительных исследований.

Ф. Х. ВАЛЕЕВ

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ И ИХ РАЗВИТИЕ В ОРНАМЕНТЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР

Изучение орнамента народов нашей страны, как ценного исторического источника, ведется в настоящее время многими советскими искусствоведами, этнографами и археологами (Л. И. Рempелем, С. В. Ивановым. С. И. Руденко и др.). В творчестве народов орнамент является довольно устойчивым элементом искусства, который сохраняется иногда в течении многих столетий. К таким видам орнамента в искусстве многих народов СССР относятся и некоторые виды зооморфных изображений. Определенное распространение они получили и в народном искусстве казанских татар.

Настоящая статья является первым опытом исследования указанных изображений в творчестве татарского народа. Изучая зооморфные мотивы, автор старался выявить не только их художественное значение в украшении различных предметов и жилища, но и извлечь из них, по мере возможности, те данные, которые прямо или косвенно связаны с этногенезом татарского народа. Это изучение имеет и несомненный практический интерес. Выявление зооморфных мотивов в народном искусстве будет способствовать раскрытию новой страницы в творческих поисках наших художников, архитекторов, работников художественной промышленности, народных умельцев.

Несмотря на определенную устойчивость, орнаменты в той или иной степени все же видоизменяются под влиянием различных факторов (исторических, художественно-эстетических и др.). Уловить процесс изменения орнамента не всегда бывает возможно. Раскрытие картины сложения и развития орнамента имеет особенно важное значение для исследователя народного творчества. С изучением этого процесса связан так называемый эволюционный метод, получивший широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом [1]. Некоторые положения этого метода исходят из теории происхождения геометрических узо-

[1] Подробнее см: С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. — Л., изд-во АН СССР, 1963, стр. 24.

ров от реалистических или стилизованных изображений путем последовательного их упрощения или усложнения. Часто геометрические мотивы рассматриваются как стилизованные изображения какого-нибудь животного. Сказанное относится и к происхождению некоторых геометрических орнаментов в искусстве казанских татар. Среди этих мотивов многие имеют зооморфную основу, однако их истинная природа не во всех случаях поддается определению.

Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в ежегодных экспедициях Казанского института языка, литературы и истории Академии наук СССР (КИЯЛИ АН СССР) по Заказанью [1], Правобережью и др. районам ТАССР в 1959—1964 гг. Были собраны материалы, характеризующие различные виды орнамента, применяемого казанскими татарами для украшения жилища, каменных надгробий, вышивок, национальной обуви и т. д. Изучены также неопубликованные материалы по народному искусству, хранящиеся в фондах Государственного музея ТАССР (ГМТР), в архиве КИЯЛИ АН СССР, Музея этнографии народов СССР, Русского музея (Ленинград) и др.

* * *

Близость к природе давала народным умельцам возможность широких наблюдений над миром живых образов. Богатство реалистических, а также фантастических образов особенно наглядно проявилось в устном творчестве, которое во многом отражало древние религиозные представления народа. Так, например, в представлении многих народов образ птицы с древнейших времен являлся символом солнца и света. С образом птицы связывались многие поверья, сказки, легенды. Еще в недавнем прошлом среди казанских татар было в обычае гадание по птичьему крику. Однако изображения птиц, как и животных, не смогли найти широкого распространения в изобразительном искусстве татарского народа XV — конца XIX вв. ввиду запретов налагаемых религией. И все же в творчестве казанских татар прошлых столетий довольно устойчиво держались изображения многих зооморфных мотивов, особенно птиц: соколов, филинов, реже певчих птиц, уток (табл. 1, 5). Сохранились они и в современном творчестве татарского народа. К этим мотивам прибавились изображения парных голубей (табл. 2). Все вышеприведенные мотивы наибольшее распространение получают в резной орнаментации сельского жилища, особенно в Заказанье.

[1] Современный Арский, север Зеленодольского, запад Сабинского р-нов республики. Заказанье — древнейший район формирования казанских татар и центр их культуры в прошлом.

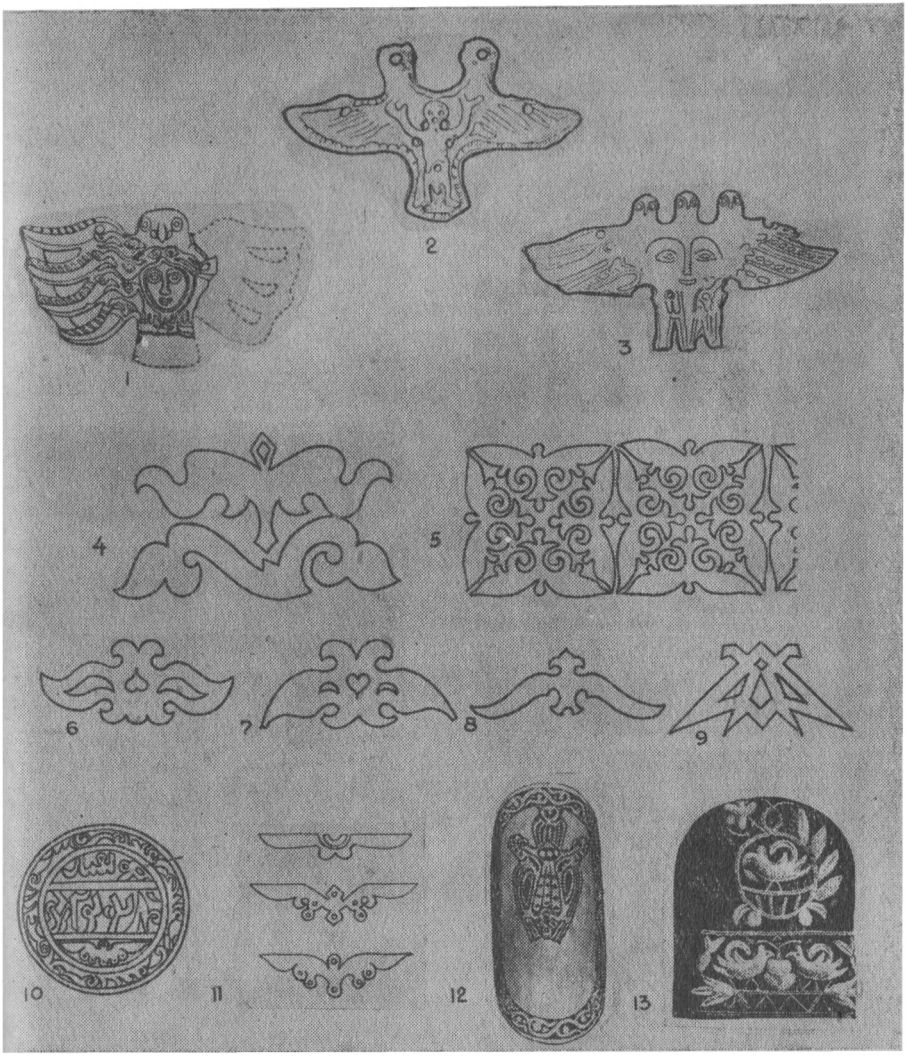
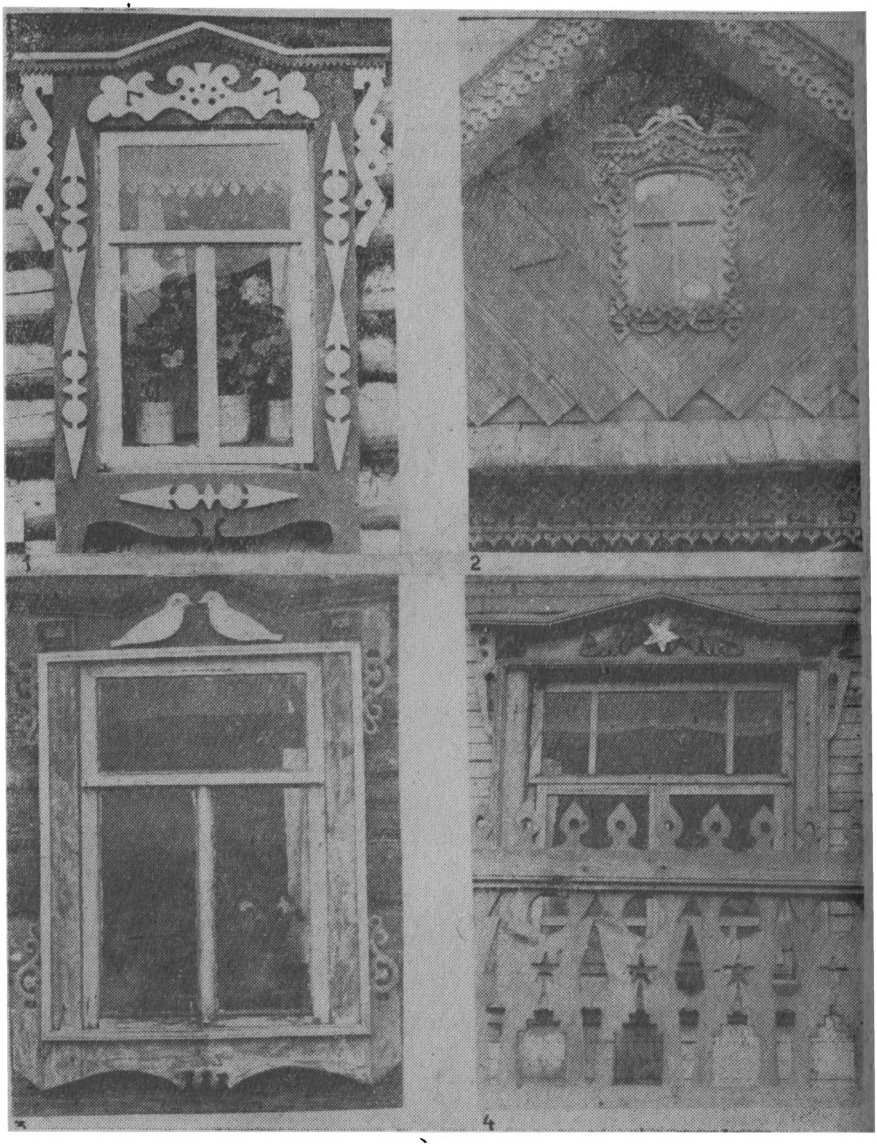


Рис. 1—3. Шаманские изображения птиц (I тысячелетие н. э., Волго-Камье). Рис. 4. Изображение птицы на булгарском надгробии (XIV в.). Рис. 5. Орнаментальная композиция из мотива птицы на татарском надгробии (XIX в., д. Бахтиар Арского р-на). Рис. 6—9. Резные изображения в украшении наличников татарского жилища Заказанья. Рис. 10, 11. Изображения птиц на ювелирных изделиях казанских татар (XIX в.). Рис. 12. Булгарское костяное изделие (XIV в.). Рис. 13. Женский головной убор — калфак XIX в. (из фондов ГМТР).

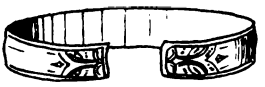
Рис. *автора*.

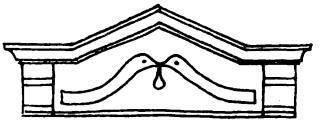


Условные и реалистические изображения птиц в созременном украшении жилища (Заказанье).
Рис. 1. д. Юртыш Зеленодольского р-на. Рис. 2. д. Тимерче Арского р-на. Рис. 3. д. Хасаншеих Арского р-на. Рис. 4. д. Тохтамыш Арского р-на.

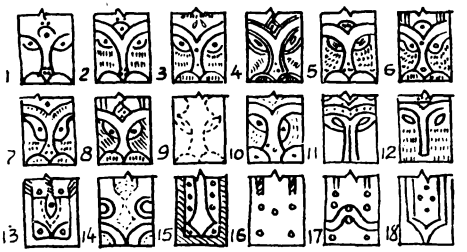
Фото *автора.*

1.

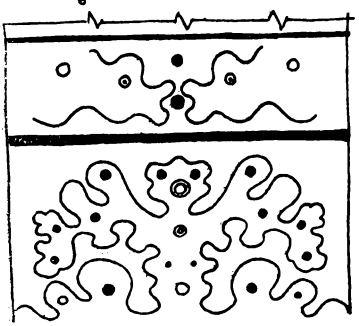

3.

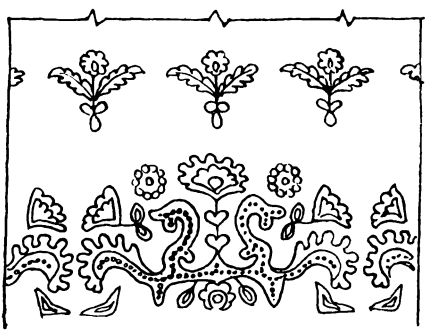

2.

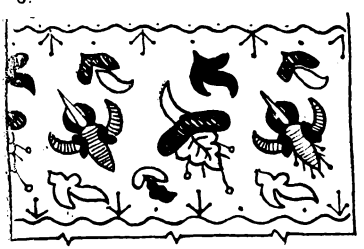
4.

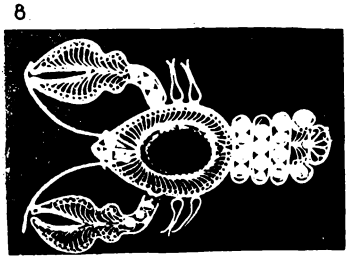


5.


6.


7.


8


9

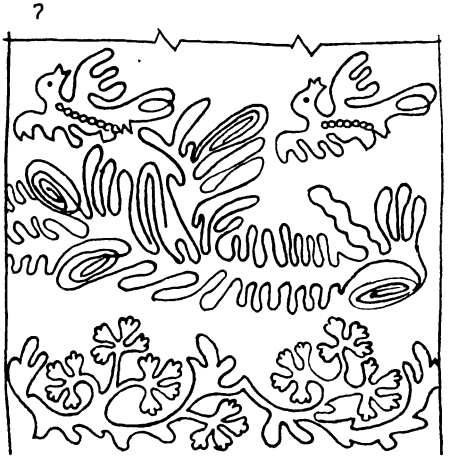

10.

Рис. 1. Булгарская височная подвеска (XIV в.). Рис. 2. Изображение головок уточек в подкарнизной плоскости наличника окна (конец XIX в). Заказанье. Рис. 3. Булгарский браслет (XIV в.). Рис. 4. Татарский браслет (XIX в.). Рис. 5. Схема видоизменения изображения головы льва на концах браслетов по Н. Ф. Калинину (рис. 1—7 XIII—XIV вв. рис. 8—18—XV—XIX вв). Рис. 6—8, 10 — Вышивки конца XIX в (из фондов ГМТР). Рис. 9. Ювелирное украшение XIX в. (из фондов ГМТР).

Рис. *автора.*

В орнаментации ювелирных изделий и вышивок XIX в. можно встретить также изображения парных коней, рыб в геральдической композиции, раков, бабочек, пчел, летучих мышей (табл. 3). Мотив летучей мыши встречается и в резной орнаментации современного сельского жилища.

Большинство изображений не отличается особой художественностью исполнения: им свойственна обобщенность, стилизация, контурность; однако в них все же чувствуется стремление исполнителя к реалистической передаче живых образов теми средствами, которыми располагали народные умельцы (табл. 1—5).

В передаче различных зооморфных мотивов с течением времени происходит своеобразная орнаментально-декоративная переработка, превращение их в сюжетный орнамент. Орнаментальное решение этих мотивов зависело не только от композиционно-декоративных задач, но и от техники исполнения, материала и уровня подготовки исполнителя. Отсюда — различие в характере передачи этих образов. Так, например, вышитые изображения рыб, летучей мыши приобретают настолько узорный силуэт, что их даже трудно бывает сразу определить (табл. 3, рис. 6). То же самое можно сказать и об изображениях парных коней (табл. 3, рис. 7). В обоих случаях схематические изображения читаются со значительной трудностью: они словно растворены в ритмическом узоре вышивки, завуалированы другими орнаментальными мотивами. В то же время изображения, например, рака (скань) и птиц в геральдической композиции (шитье золотом) выделяются большей четкостью, лучшим исполнением и большей реалистичностью (табл. 3, рис. 9; табл. 1, рис. 13).

Характерная особенность рассмотренных изображений проявляется в передаче их контуром, силуэтом. Другая особенность заключается в том, что большинство изображений дается в статической композиции. Передача образов в динамической композиции если и имеет место, то только в изображении двуголовых птиц с раскрытыми крыльями (табл. 1, рис. 5—11).

Рассмотрим изображения птиц с двумя головами и раскрытыми крыльями. Эти изображения[1] очень древни по своему происхождению и во многом связаны с подобными шаманскими изображениями в искусстве кочевников угро-тюрков, которые появились в крае в первом тысячелетии н. э. Наиболее ранние изображения подобных птиц относятся ко II—III в. н. э. (табл. 1. рис. 1—3). Появлению их предшествовали изображения также двуголовных птиц с несколько опущенными крыль-

---

[1] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. МИА № 28. М., 1952.

ями, характерные для Усть-Полуйской культуры в Западной Сибири (III—II вв. до н. э.) [1].

Изображение птицы занимало значительное место и в искусстве волжско-камских булгар IX—XIV вв.: в орнаментации ювелирных изделий, в мелкой пластике [2] и т. д. В украшении отдельных произведений булгарского искусства можно встретить и мотив птиц с раскрытыми крыльями (табл. 1, рис. 4) [3].

Сравнение указанных изображений птиц древнетюркского, булгарского и более поздних периодов (XV — начало XX вв.) показывает их родственность. Естественно, что каждая эпоха накладывала свой отпечаток на характер изображений. Однако пропорции частей тела, форма крыльев, двуголовость, приемы композиции птицы в целом, как и ряд других деталей, говорят о том, что в искусство казанских татар и булгар эти мотивы пришли от древних кочевых тюрков. Сохранению в творчестве татарского народа указанных изображений способствовали языческие традиции, которые, несмотря на принятие ислама (X в.), все же устойчиво держались не только в обычаях, но и в области искусства в виде отдельных орнаментальных мотивов и изображений, имевших, видимо, значение оберегов.

Большой интерес представляет изображение головок уточек, держащих в клюве комочек земли (табл. 3, рис. 2). Сюжет изображения, связанный с древним космогоническим мифом о создании мира, обнаруживает большую связь с изображением уточек на булгарских височных кольцах (табл. 3, рис. 1).

Интересна также вышивка со схематическими изображениями парных коней (табл. 3, рис. 7). Наглядно видна сюжетная связь вышивки с так называемыми «шумящими» подвесками, распространенными в прошлом среди булгар, финно-угров, русских. Сравнение, например, с булгарской шумящей подвеской, украшенной в верхней части геральдически расположенными головками коней, показывает определенное родство сюжетов изображений [4].

Небезынтересно отметить также украшение концов браслетов схематическими изображениям голов хищников — львов или тигров (табл. 3, рис. 4). Такие изображения были широко распространены в свое время у булгар (табл. 3, рис. 3).

Известный исследователь истории края Н. Ф. Калинин на

---

[1] В. И. Чернецов. Бронза Усть-Полуйского времени. МИА № 35, М., 1953, табл. XXI.

[2] А. П. Смирнов. Волжские булгары, М., изд. ГИМ, 1951, стр. 260; Итоги археологических работ. Труды казанского филиала АН СССР, серия исторических наук. Казань, Таткнигоиздат, 1954, рис. 37.

[3] Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., изд. АН СССР, 1960, табл. 6.

[4] Отчет о работах татарской археологич. экспедиции в 1962 г. Танкеевский могильник. Табл. XII, рис. 3. Архив КИЯЛИ АН СССР.

основании изучения подобных изображений на браслетах булгар и казанских татар составил схему эволюции указанных изображений [1]. Схема Н. Ф. Калинина доказывает булгарское происхождение мотивов львиных голов на татарских браслетах XV—XIX вв.

В орнаментальном искусстве казанских татар XIX в. нередко можно встретить изображения птиц в геральдической композиции по сторонам «священного древа» жизни [2]. Так, например, на женском калфаке второй половины XIX в. вышиты золотом две птицы по сторонам древа жизни — сердцевидного цветка с двумя отростками (табл. 1, рис. 13). В украшении булгарских изделий также можно видеть геральдические изображения различных зверей, птиц, в частности тетеревов (табл. 1, рис. 12). В творчестве татарского народа, как и других народов Среднего Поволжья, подобные изображения связаны, несомненно, с булгарскими традициями и влияниями. Кроме вышерассмотренных изображений на калфаке, можно привести примеры композиции из мотивов рыб, коней, уточек (табл. 3, рис. 2, 6, 7; табл. 2).

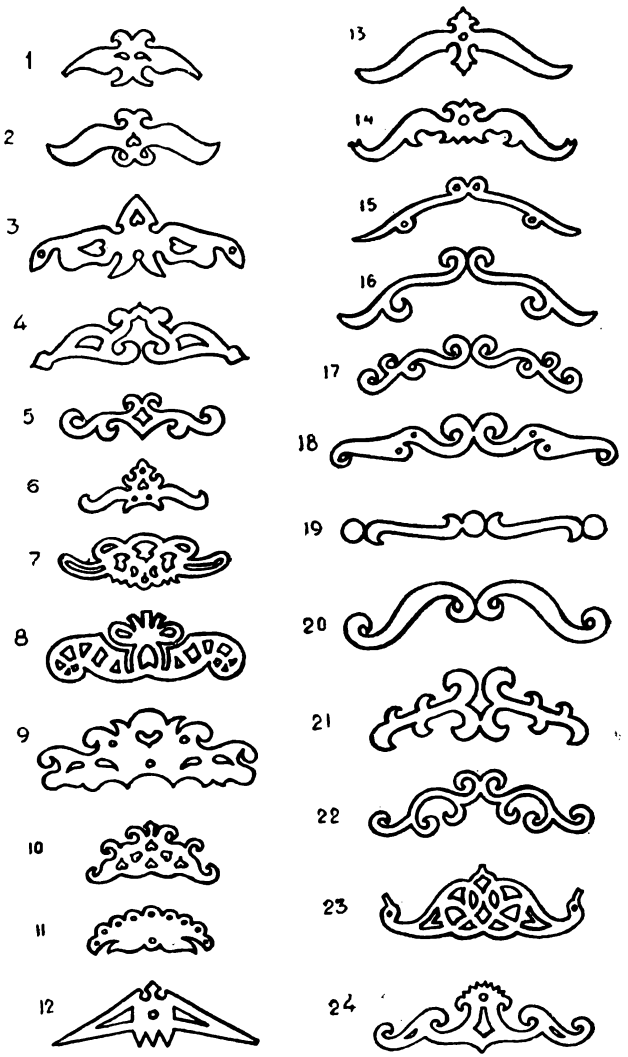
Немногочисленность археологического и искусствоведческого материала не позволяет нам раскрыть картину эволюции зооморфных мотивов в народном творчестве казанских татар от более древних времен до настоящего времени. Однако процесс видоизменения некоторых типов этих изображений и в частности двуголовых птиц мы все же можем проследить. В таблице 4 показан процесс постепенного превращения изображения двуголовых птиц со сравнительно короткими и широкими крыльями и птиц с длинными и узкими крыльями в отвлеченную геометрическую композицию. Характерно, что в процессе видоизменения указанного мотива его композиционная схема остается в большинстве случаев неизменной. По таблице видно, как крылья постепенно превращаются в «набор» различных отвлеченных орнаментальных мотивов геометрического и геометризированного характера. Так постепенно забывался первоначальный смысл изображения, который приобретал новую жизнь, новое содержание.

Таким образом, в творчестве татарского народа XIX — начала XX вв. получают определенное распространение различные зооморфные мотивы, почерпнутые народными умельцами из окружающей природы. Многие из них обнаруживают прямую связь и единую основу с подобными изображениями в искус-

---

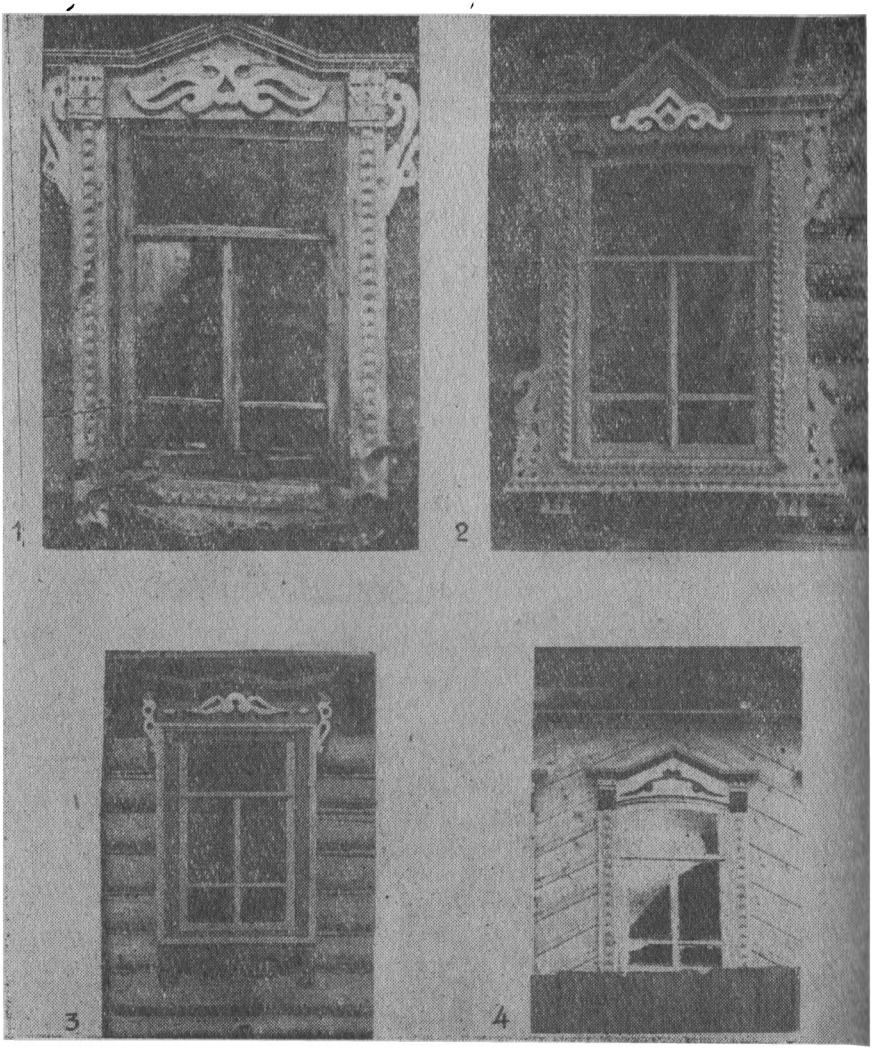
[1] Архив КИЯЛИ АН СССР.

[2] Подобное изображение, как указывает С. В. Иванов (Орнамент народов Сибири как исторический источник. М. — Л., изд. АН СССР, 1963, стр. 92), получает широкое распространение у многих народов Среднего Поволжья.



Процесс видоизменения изображения птицы в геометризированный и геометрический орнамент.

Рис. *автора*.



Условные изображения птиц в украшении сельского жилища Заказанья (XIX—XX вв.).
Рис. 1. д. Ср. Корса Арского р-на. Рис. 2. д. Хасаншеих Арского р-на. Рис. 3. Заказанье (фото из фондов ГМТР). Рис. 4. д. Чыбырчык Арского р-на.

Фото *автора*.

стве далеких предков казанских татар. Особенно характерны в этом отношении изображения двуголовых птиц. Распространение в искусстве татарского народа и волжских булгар зооморфных изображений местного происхождения указывает на общую основу их земледельческой культуры.

Зооморфные мотивы, как и многие виды геометрического и растительного орнамента, в процессе исторического развития татарского народа видоизменялись, обогащались, давали начало новым мотивам, соответствующим новым художественным принципам.

А. А. ЗАГИДУЛЛИН

К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНЫХ РАЗДЕЛАХ В ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. [1].

Важным компонентом быта, отражающим экономическое состояние дореволюционного татарского крестьянства, являются семейные разделы. Этот вопрос по существу еще не исследовался в этнографии казанских татар. Семейные разделы, наряду с другими социально-экономическими факторами, приводили к разорению бедных и обеднению части середняцких семей татар, нередко их обнищанию и забрасыванию земель, к еще большему ухудшению участи бесправных татарских женщин [2], и в целом как один из существенных моментов в жизни крестьян являлись следствием социальных противоречий в отдельных районах, населенных национальными меньшинствами. Лишь с победой Октября, с проведением национализации земли и коллективизации сельского хозяйства в стране окончательно были устранены эти противоречия и отпали причины, поддерживавшие интерес к разделам.

Разделы имущества в дореволюционных татарских крестьянских семьях на первый взгляд вызывались лишь рядом субъективных обстоятельств, как-то: смертью главы семьи (общие разделы), чрезмерной ее многочисленностью, обостренными отношениями между членами семьи и пр. (частные разделы). Такого мнения, в частности, придерживался дореволюционный исследователь Е. Т. Соловьев [3].

В. И. Ленин ставил семейные разделы в ряду факторов, способствовавших дифференциации деревни [4].

---

[1] В статье освещается один из вопросов монографической работы автора «Семейный быт татарских крестьян (вторая пол. XIX — начало XX вв.)».

[2] Бесправие татарских женщин усугублялось и тем, что они, как и женщины у других народов, совершенно не имели своей доли при разделе в семье земель и прочих угодий.

[3] См. его работу «Гражданское право. Очерки народного юридического быта». Вып. 1. Казань, типография губернского правления, 1888, стр. 68.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 352.

При семейных разделах татарские крестьяне руководствовались правилами шариата [1]. Так, после смерти главы семьи дележ имущества допускался лишь после выполнения следующих трех требований: 1) оплаты всех расходов, связанных с погребением и замаливанием грехов покойного, 2) выплаты всех его долгов, которые им не были возвращены при жизни, и 3) исполнения завещания усопшего [2]. Все это требовало новых материальных затрат, порой настолько больших, что их компенсация не обходилась без утери значительной части делимого имущества. К тому же часть разделяемого имущества по усмотрению муллы поступала ему как плата за посредничество [3]. Это было типично для народов, исповедовавших ислам.

Из числа обедневших в 1878—1883 гг. крестьянских хозяйств Тетюшского, Мамадышского и Лаишевского уездов более $^1/_3$ (35,1%) осталось без крова лишь в результате семейных разделов. При этом 16,4% рассматриваемых хозяйств лишились лошадей, а 14,4% — коров. Наиболее ощутимо семейные разделы повлияли на имущественное положение татар — бедняков и середняков Мамадышского уезда, где земли менее плодородны. Здесь стали бездомными 45,2% семей, безлошадными — 24,6% и бескоровными — 28,5%. В отдельных случаях (например, в Старо-Юмьинской волости, в которой подверглись обследованию 11 татарских селений) два последних показателя были еще выше [4].

В целом же по данным вышеупомянутых источников явствует, что за 1882—1883 гг. (последние два года рассматриваемого периода — 1878—1883 гг.) наблюдалась тенденция к дальнейшему росту обеднения татарских крестьян.

Естественно, что неутешительные результаты разделов не могли не накладывать свой отпечаток и на область брачно-семейных отношений татарских крестьян, на их быт и моральное состояние.

Таким образом, росту и углублению дифференциации крестьянства способствовали и семейные разделы. Это явление было характерно в целом и для всей России.

---

[1] См. Полное собрание законов Российской империи (Собр. 2, т. 1, № 386, Спб., 1830, стр. 527) и статью Е. Т. Соловьева «Очерк обычного права крестьян Мамадышского уезда. Материалы для этнографии Казанской губернии» (гл. III, ст. 4, «Казанские губернские ведомости», № 44, 1879, стр. 222).

[2] См. «Шариатные статьи о правовых отношениях мусульманского населения...», Ташкент, типо-литография В. М. Ильина, 1910, стр. 122.

[3] Е. Т. Соловьев. Указ. работа, стр. 222.

[4] См. «Труды Статистической экспедиции, снаряженной в 1883 г. Казанским земством». Казань, типография Г. М. Вечеслава, 1884, стр. 17 (I. Район Тетюшский. Таблица III), 48 (II. Район Старо-Юмьинский. Таблица III) и 18 (III. Район Лаишевский. Таблица III). Подсчеты произведены нами.

Г. А. СЕПЕЕВ

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА О ВОСТОЧНЫХ МАРИЙЦАХ

Решения XX и XXII съездов КПСС, положившие начало новому этапу в развитии советской исторической науки, оказали благотворное влияние на более углубленное исследование основных проблем истории Марийской АССР. За последние годы марийские ученые опубликовали ряд работ, посвященных различным периодам истории Марийской АССР [1]. Расширяется изучение фондов центральных и местных архивов, выявляются новые документы, в которых обнаруживаются ценные данные из истории марийского народа. Несомненный интерес представляют в связи с этим документы XVII—XVIII вв. Наше внимание привлекли два документа первой половины XVIII в. об уральских марийцах, хранящиеся в архиве Академии наук СССР (г. Ленинград) [2].

Эти рукописи представляют собой ответы на известную анкету-вопросник В. Н. Татищева, составленную и разосланную по губернским и провинциальным городам Сибири и Казанской губернии в 1734 и 1737 гг. [3]. Обе рукописи не датированы, но они относятся к числу ответов, полученных Татищевым в 1736—1738 [4]. Они описывают одну и ту же марийскую деревню Бате-

---

[1] Вопросы истории Марийской АССР. Сборник статей. Йошкар-Ола, 1957; А. В. Хлебников. Марийский край в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола, 1958; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960; Труды Марийской археологической экспедиции, т. I, Йошкар-Ола, 1960; То же, т. II, Йошкар-Ола, 1962, и др. В написании некоторых разделов этих работ приняли участие и ученые Татарии.

[2] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 368—383 об.—«Объявление о деревне Батемировка и о состоянии в ней живущих черемис», лл. 384—398 об. — «Описание о черемисском народе, которые живут в Верхотурском уезде при реке Бисерте».

[3] А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по географии России, в кн.: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 9—10, 12; Н. Н. Степанов. Татищев и русская этнография. «Советская этнография», № 1, 1951, стр. 154—155.

[4] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. Примечания составителя, стр. 97.

Описание о черемисском народе которые жи-
вут в Верхотурском уезде в Туринске бывшие

О землях

1 Земли их древних лет где они ныне жи-
вут страны Сибирския виктории прежде сего
владели царь Татары махометанского зако-
на,

О урочищах

2 Урочищ знатных и славных при том
месте нет,

О пришествии в власть российскую

3 Давно ли писмов в сказках оное место в
власть российскую пришло того они не памятят
слыхали от старшины своей что некто
атаман разбойников Ермак Тимофеев
с своею дружиною Сибирь взял в власть россий-
скую, с того времени и оное место стало в
владении российской,

О границах

4 Границ они не знают и никако-
ю никто не ведает,

5 Граней при том месте где они живут
никаких нет,

мировку и написаны, судя по манере письма, разными лицами, возможно, и в разное время. В своей анкете Татищев рекомендовал расспрашивать и записывать «без принуждения, но пачеласкою и через искусных людей, знающих силу сих вопросов и язык их основательно, к тому же не однова, но чрез несколько времени спрашивать от других» [1].

Ответы в документах даны в разной последовательности и с различной степенью подробности, но они взаимно дополняют друг друга. Очевидно, и информаторы у обоих авторов были разные. К сожалению, не удалось установить автора первой рукописи и его информаторов; что касается второй, то ее автором был горный надзиратель Федор Неклюдов, о чем свидетельствуют подписи его в конце рукописи и на полях. Автор называет своих информаторов: «При описи черемиса были Суяр Мурзанаев, Леонтей Иванов» (л. 398 об.).

Поскольку Татищев собирал материалы для географического описания Сибири и прилегающих к ней приуральских областей европейской России, то в рукописях преобладает географический и связанный с ним этнографический материал о населяющих эти районы народах. Упомянутые нами рукописи содержат сведения о природно-климатических условиях местности, ее растительном и животном мире; о некоторых пространственных и метеорологических понятиях марийцев; о религиозных языческих верованиях марийцев и связанных с ними различных представлениях и обрядах. Здесь мы находим также описание семейно-родственных отношений. И, наконец, в рукописи даются некоторые исторические материалы и сведения, характеризующие хозяйственный быт и материальную культуру уральских марийцев.

В данной статье на основе анализа вышеназванных источников предпринята попытка осветить вопросы хозяйственного быта и материальной культуры уральских марийцев в I половине XVIII в. Ввиду относительного тождества содержания обоих документов мы будем рассматривать их вместе.

*
* *

По данным рукописи, жители деревни Батемировки переселились на Урал с территории Марийского края. По преданию, до взятия Казани они жили «при реке Буржуме, на которой по указу из Москвы построен город Буржум» (л. 389 об.). Затем они переселились из своих родных мест на восток, о чем в рукописи читаем следующее: «...и когда по той реке Буржуме около оного города стали селиться русские многие люди, то прадеды и деды их и протчие черемиса от утеснения стали

[1] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 92.

разъезжаться по разным местам, кто куда похотел и место себе сыскал, а прадеды и деды их приехали в Верхотурской уезд на реку Бисерть, тому назад будет сто лет...» (л. 389 об.). Отсюда мы можем определить как примерное время, так и причины переселения марийцев в восточные районы.

Город Уржум, как известно, основан в 1584 г. Очевидно, переселения марийцев в Приуралье относятся к концу XVI—началу XVII вв. Причинами же переселения, которые в рукописи определены одним словом «утеснения», были захваты марийских земель светскими и духовными феодалами, усиление налогового гнета, незаконные поборы должностных лиц, первые попытки христианизации населения после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству.

На новом месте переселенцы поселились в верховьях реки Бисерть (правый приток р. Уфы), где «прежде сего владели и жили татара, махометанского закона» и со времени Ермака «оное место стало быть под властию Российскою» (л. 384). В описываемое время деревня Батемировка состояла из 9 дворов (л. 393 об.), в ней взрослого населения было: мужского пола 15 человек и женского — 9, а всего населения 66 человек (л. 369) [1]. В этих цифрах нет данных о классовой дифференциации марийской деревни, поскольку Татищев не ставил подобные вопросы. Однако факты экономического расслоения среди уральских марийцев наблюдались еще гораздо раньше. По данным А. А. Преображенского, среди них уже в конце XVII в. выделялись зажиточные хозяйства, владеющие водяными мельницами [2] и «конскими стаями» [3] и имелись, с другой стороны, обнищавшие семьи, члены которых были вынуждены работать по найму [4].

Составитель анкеты В. Н. Татищев и авторы рукописей были представителями господствующих классов крепостнической России. Поэтому как в анкете, так и в ответах обойдены вопросы, могущие пролить свет на положение угнетенных низов общества. Однако исследуемые документы помимо желания авторов вскрывают картину жестокой эксплуатации марийского трудящегося крестьянства.

По данным рукописи, население Батемировки делилось на ясачных и оброчных (л. 369). Ясачные марийцы обязаны были вносить в казну «ясак с лука и стрел» по 2 лисицы или 2 бобра с каждого взрослого человека мужского пола, а оброчные — по 31 копейке. Кроме того, от всей деревни они платили торго-

---

[1] По данным рукописи, у марийцев человек считался взрослым с 15 лет, с этого возраста молодые люди могли вступать в брак (л. 393), а юноши привлекались к несению повинностей (л. 394).

[2] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, стр. 171.

[3] Там же, стр. 111.

[4] Там же, стр. 213.

вую пошлину «по 3 рубли в год миром» и привлекались к подводной повинности (лл. 369, 370, 394).

Все эти подати, согласно рукописи, собирал с населения сотник, избираемый населением и утверждаемый Верхотурской уездной канцелярией (лл. 369 об., 389 об.). Не приходится сомневаться, что кандидатуру навязывали крестьянам власти; «отставить» сотника население не могло «без повеления Верхотурской канцелярии» (л. 369 об.). Сотники использовали свою власть для личного обогащения. По данным А. А. Преображенского, они собирали завышенное количество ясака, а разницей «корыстовались» сами [1]. Все собранные подати раз в год сотник отвозил в Верхотурскую канцелярию, обычно в феврале месяце, «около масленицы» (лл. 370, 389 об., 394).

Большие злоупотребления властью, поборы и грабежи чинили местные служащие. Они обманывали неграмотное население и вымогали взятки. По данным рукописи, марийцы обязаны были, кроме уплаты податей, давать «воеводе от всех в презент, пуд меду или лисицу», а чиновнику, приезжавшему в деревню для «выжимания» податей, давали «на одну подводу, вместо прогонов, рубля по полтора и по два, також... ему в презент воску или какого недорогова от зверей» (л. 394). Кроме того, трудящиеся марийцы испытывали злоупотребления со стороны проезжающих чиновников, которые «берут у них многие подводы без прогонов» (л. 397), «насильно отнимают хлеб безденежно, гусей и куриц и протчие ядомые вещи» (л. 383 об.). Таким образом, поборы чиновников почти равнялись сумме официальных налогов.

По-видимому, в то время марийцы еще не были обложены новыми видами повинностей, поскольку, по свидетельству авторов рукописи, «с них подушных денег и рекрутских наборов не спрашивается» (л. 394 об.). Известно, что во время первых переписей населения (ревизий) народы окраин России, в том числе Урала и Сибири, не были учтены [2], а потому они в тот момент еще не были привлечены к новым видам повинностей.

*
* *

Каковы же основные черты хозяйственного быта бисертских марийцев? По свидетельству авторов рукописи, марийцы занимались различными отраслями хозяйства: земледелием, скотоводством, пчеловодством, охотой, рыболовством, а также ремеслом и торговлей; «им отведена вотчина, в которой они ныне

[1] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956, стр. 212.

[2] В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963, стр. 50, 51, 61.

живут, для пашенных земель и сенных покосов и звериных промыслов и пчельных угодей» (л. 394 об.). По данным рукописи, уральские марийцы в то время сеяли «хлеб — рожь, пшеницу, ячмень, овес, горох, репу, пенек (т. е. пеньку, коноплю — Г. С.), лен» (л. 386). Из овощей, кроме репы, которая в то время была полевой культурой, упоминаются лишь капуста и редька (л. 386 об.), что свидетельствует о слабом развитии у них огородничества.

Хотя авторы рукописи говорят о том, что марийцы «довольство и сыточество... имеют» и «про себя у них бывает без нужды», но тем не менее тут же вынуждены признать и обратные факты, а именно, что хлеб «родится не весьма сильно», нередко бывают неурожаи — «часто хлеб вызябает от морозов» или «в которой год у них хлеб не родится» (л. 386). В неурожайные годы марийцы покупали хлеб «из Кунгура и из Екатеринбурха» (л. 370 об.) или «где достать можно» (л. 386), если, конечно, позволяли средства. В большинстве же случаев, чтобы как-то прокормиться, им приходилось идти в кабалу к помещикам или зажиточным крестьянам, как это часто происходило в XVIII столетии в Башкирии [1].

Уральские марийцы, как и соседние народы, держали коров, лошадей, овец (л. 386), разводили домашнюю птицу — гусей, кур и уток. Скот и птица у них были средней и мелкой породы (л. 387 об.).

Хозяйство марийцев в основном было натуральным. Даже необходимые орудия производства и хозяйственный инвентарь изготовлялись в своем хозяйстве, о чем автор пишет: «Ремесла мудрого и хорошей работы у них нет, кроме сохи, бороны, хомута, седла, саней, телеги и протчего тому подобного, что им про свою домовую нужду востребуется» (л. 389), «ремесла у них, кроме домашней нужды, никакова нет и товаров никаких не делают, прядут и ткут холст они сами, а покупают они себе посуду домашнюю, где случится, так железную как и медную» (л. 370).

Как видим, товаро-денежные отношения начинают проникать в хозяйство марийцев, они в некоторой степени приобщаются к рынку. Вот несколько примеров: «Торгов они посторонних в отъездах ни с кем и в своем месте больших не имеют, разве между собою и приезжающим к ним продают и покупают своего промыслу зверя, скотину или что протчее мелочное случится от харчей» (л. 389); «и которой зверь остается у них за платежом ясаку, и которой в платеж не идет, то продают, и на то купят себе хлеб, одежду...» (л. 386); «ко оным заезжают мимоездом торговые люди и... покупают на деньги подчеревки боб-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР, т. III, М.— Л., 1949, №№ 20, 33, 37, 158, 186, 203, 204, 266 и др.

ровые»[1] (л. 370) и т. п. Таким образом, деньги становились необходимыми не только для уплаты податей, но и для покупки хлеба, одежды и других вещей, необходимых в хозяйстве. Но источники добывания денег у марийцев были крайне немногочисленны. Они могли продавать шкуры зверей, да и то только после уплаты ясака. При этом, по свидетельству авторов рукописи, «зверей при том месте, где они живут, не весьма довольно, а лосей, белки и куницы в иной год и не бывает» (л. 386 об.). Кроме зверей, марийцы продавали скот, но, очевидно, лишний скот был в основном только у более состоятельных, остальные же продавали скот по необходимости, вынужденно, чтобы уплатить подати или купить хлеба.

Большое значение в хозяйстве марийцев имели охота, рыболовство и пчеловодство. Авторы рукописи указывают на большое искусство марийцев в охоте и перечисляют различные виды оружия и способов охоты на зверей и птиц. Марийцы, по их данным, промышляют «с леса зверя, лосей, оленей, медведей, лисицу, росомаху, куницу, горностаев, белку, зайца, дикую козу, вольную птицу — тетерю, рябка, утку, в реках бобров, выдру, норку, рыбу» (л. 386). Далее читаем: «За промыслом зверей ходят с начала самой осени, как снег на землю падет, и ходят больше на лыжах» (л. 394 об.), причем они «к лыжному хождению весьма способны и скоры и сильны, ружье имеют, луки со стрелами, копья, пищали винтовые, луки, стрелы делают сами, а ружье покупают, из луков, из ружья стрелять весма имеют искусство, собак к зверному и протчему промыслам имеют довольно» (л. 395 об.). Авторы перечисляют следующие орудия и способы охоты: на лесных зверей — луки и стрелы, пищали, копья, самострелы и яды на звериных тропах, речных зверей ловят капканами и сетями — мережами, бьют острогами и стреляют из луков; птицу стреляют из луков и пищалей, ловят петлями и, привлекая приманкой целые стаи, накрывают сетями — шатрами из пеньковых нитей (л. 394 об. — 395).

Пчеловодство у марийцев было бортевое. По свидетельству авторов, «бортей со пчелами при домах у редкого бывает, оное угодье у них всегда в лесах, вольные пчелы сами садятся в приготовленные ульи в стоячих деревьях» (л. 395). По-видимому, этот факт означал, что у уральских марийцев уже в первой половине XVIII в. начался переход от бортевого пчеловодства к домашнему.

Вышеизложенное свидетельствует, что земледелие у марийцев деревни Батемировки было хотя и важной, но не основной отраслью хозяйства, поскольку оно в неблагоприятный год не обеспечивало даже насущной потребности в хлебе. Следователь-

---

[1] Железы у самцов, наполненные т. н. «бобровой струей», применяемые в народной медицине.

но, продукция земледелия не могла дать прибавочного продукта, необходимого для уплаты государственных повинностей и удовлетворения других хозяйственных потребностей. Это объясняется авторами рукописи тем, что земля у них «не весьма плодоприносная» (л. 385 об.), и что «пахотных мест за великими лесами и болотами (т. е. из-за больших лесов и болот — Г. С.) довольно нет» (л. 386). Авторы рукописей, конечно, не могли дать глубокого объяснения причин отсталости хозяйства, в частности земледелия, в тот период. В эпоху феодализма, как известно, был крайне низок уровень развития производительных сил, хозяйство базировалось на низком и рутинном состоянии техники [1], примитивной системе земледелия и т. п.

Итак, большое место в хозяйственном балансе марийцев занимала охота. За счет ее продукции обеспечивалась уплата ясака, оброка и пошлины, выручались деньги на приобретение некоторых орудий, оружия, хозяйственного инвентаря, утвари, частично одежды, обуви и даже в иной год хлеба.

Такова в общих чертах картина хозяйственного быта уральских марийцев.

*

* *

В заключение остановимся на особенностях материальной культуры уральских марийцев по данным рукописи.

Несколько слов о жилищах марийцев. Деревня Батемировка располагалась в верховьях реки Бисерть в 15 верстах от ее истока и в 70 верстах от впадения ее в реку Уфу (л. 385 об.), среди лесов и болот, которые «летом едва пройти возможно» (л. 369 об.). Название свое деревня получила от Батемира Пахомова [2], который основал ее. Прежде чем окончательно устроиться здесь, он сначала жил на реке Чусовой, затем в Уфимском уезде и, наконец, обосновался на реке Бисерть (лл. 369—369 об.).

В отношении жилищ и дворовых построек авторы указывают лишь, что они имеют значительное сходство со строениями живущего по соседству русского населения: «Живут они порядком почти русским, что надлежит к домашнему обхождению, ибо исстари они с русскими обхождение имея и язык их некоторые едва не совершенно ведая и некоторые порядки от них переняли» (л. 368 об.). Далее они отмечают, что марийцы «живут в избах деревенских русских подобием», имеют бани, в которых «парятся они почти по вся дни» (л. 368 об.). Таким образом, марийцы, находясь по соседству с русскими и другими народами, тесно общались с ними, усваивали их язык и отдельные черты материальной культуры. Общность тяжелого положе-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

[2] Точнее, очевидно — Байтемир, а поэтому и деревня называлась Байтемировка.

ния эксплуатируемых масс всех национальностей явилась источником их дружбы и объединяла их в совместных выступлениях против общих угнетателей, что наиболее ярко выразилось в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева.

У марийцев, несомненно, имелись и свои традиции в области домостроительства. Авторы на них почти не обратили внимания, кроме примет относительно выбора места для жилищ. По данным авторов рукописи, прежде чем ставить дом, марийцы выбирают места и «по утренним и вечерним зорям» ходят туда несколько раз. На каком месте воздух по утрам и вечерам теплый, это место пригодно для стройки, «и почитают то место счастливо и к сожитию добро и скотине плод счастливой, а где холодной воздух, тут дворов не строят» (л. 397 об.). Действительно, холодный воздух обычно скапливается на местности, расположенной значительно ниже, а потому подверженной сырости и опасности затопления весенним паводком. Поэтому марийцы в таких местах жилища не строили. Увлажненность местности испытывалась марийцами еще одним своеобразным методом, приводимом в рукописи: выкапывают яму и извлеченную землю насыпают в нее; если земли в яме будет с верхом, значит можно строиться, а если яма не наполнится, то на данном месте строить нельзя (лл. 397 об.— 398). Действительно, влажная, болотная почва больше оседает, чем сухая, рыхлая, поэтому яма в первом случае не наполняется. Эти приметы свидетельствуют о тонком знании марийцами природы и умении приспосабливаться к наиболее благоприятным геологическим и климатическим условиям местности.

Судя по краткому описанию авторами одежды уральских марийцев, можно заключить, что женские костюмы в основном сохранили свою традиционную форму, в то время как мужские испытали некоторое влияние со стороны соседей: «платья сами носят много сходно как русские простые мужики» (л. 393 об.).

В обуви авторы тоже видят влияние русских и татар: «обувь носят по-русски сапоги, чарки[1], с чюлками лапти и по-татарски...» (л. 398).

Марийцы употребляли как животную пищу, так и растительную. В отличие от русских марийцы, подобно татарам, не держали свиней и не употребляли в пищу свинину, но зато употребляли конину (л. 396 об.). Охота давала мясо диких зверей и птиц. В реке Бисерть, ее притоках, озерах и старицах водилась разнообразная рыба; она составляла важное подспорье в пищевом рационе (лл. 372 об., 388). Кроме зерновых культур, в состав растительной пищи входили дикорастущие плоды и ягоды: рябина, калина, черемуха, смородина черная и красная, земляника, малина, костяника, а также грибы: грузди и рыжики

[1] Чарки — сибирская обувь, род башмаков с суконною опушкою (Толковый словарь В. Даля, т. IV, стр. 582).

(лл. 371, 386 об.). Употреблялись в пищу и дикорастущие травы: дягиль, борщевник, сныть, медуница, дикий чеснок, сарана, которую «выкопавши как сырую так и варену в пищу употребляют» (лл. 371, 386 об. — 387). Из овощей выращивали только репу, редьку и капусту.

Эти хотя и отрывочные сведения указывают на более или менее разнообразную пищу уральских марийцев. Конечно, нужно иметь в виду и тот факт, что благодаря экономическому расслоению не все население питалось одинаково. Кроме того, в неурожайные годы большинство марийцев голодало и бедствовало. В такие годы приходилось питаться различными суррогатами пищи.

Так характеризуются в общих чертах особенности материальной культуры уральских марийцев по материалам описания деревни Батемировки. Сохраняя свои древние народные традиции, уральские марийцы уже в первой половине XVIII в. испытывали некоторое влияние соседних народов, в первую очередь русских и татар.

*
* *

В данном сообщении мы не ставили задачи осветить все вопросы, получившие отражение в упомянутых документах. Они, несомненно, представляют некоторый интерес также для этнографов и историков, занимающихся изучением религиозных верований, семейно-родственных отношений марийцев.

Рукопись представляет собой одно из ранних этнографических описаний марийцев вообще и восточных марийцев в частности. Причем она написана не иностранцами, а русскими людьми, и своим происхождением обязана научной деятельности В. Н. Татищева. Несмотря на краткость, фрагментарность и неполноту описания, рукопись при критическом использовании и сопоставлении с другими документами может дать ценные материалы для изучения истории и этнографии марийского народа. Конечно, классовый подход составителей документа к вопросам общественных отношений марийцев порой не дает возможности выяснить ряд интересующих историка и этнографа обстоятельств. Тем не менее систематическое выявление и критическое исследование подобных документов позволяют пролить свет на отдельные стороны богатейшей истории и своеобразного быта марийского народа.

В. Г. ВОЗДВИЖЕНСКИЙ

ЛИРИКА М. ДЖАЛИЛЯ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Временем творческого становления и ранних художественных поисков был для Джалиля период 1919—1924 гг. Эти поиски вывели молодого поэта в середине двадцатых годов на прямую и ясную дорогу к социалистическому реализму. Однако Джалиль не сразу достиг художественной зрелости, не сразу пришел к полноценному реалистическому методу. Явления действительности и переживания лирического героя он подчас передавал не в образных красках, а в описаниях или рассуждениях, путем пересказа или декламации. Вплоть до середины тридцатых годов у него все еще можно встретить стихотворения, где поэтическая ткань нарушается откровенной прямолинейностью. Скажем, стихотворение 1933 г. «На весенней дороге» поражает диссонансом между поэтически выразительным и точным изображением весны и неприкрытой «газетной» публицистичностью отнюдь не в лучшем смысле этого слова.

С другой стороны, не овладев еще образом реалистическим и точным, Джалиль прибегал в эти годы к искусственным, надуманным метафорам и сравнениям, основанным не на обобщающем уподоблении, а на внешнем эффекте.

...Смерть ведет обмолот.
Кровь метелками огненными метут.
Молотьба идет.
На току растут,
Как зловещие скирды
кровавой половы,
Груды жженных костей
и тел безголовых.
(«Весы», 1927. Перевод А. Миниха.)

Можно привести и более поздний пример:

...в стране у нас
Молодежь стальная растет,
Закаляя себя трудом, —
И она смогла бы сейчас
Сквозь вулкан просверлить проход...
(«К полюсу», 1933. Перевод А. Миниха.)

Разумеется, это не означает, что творчество Джалиля двадцатых годов было лишено художественности. В тех же «Весах» десятью строчками ниже мы найдем отличный образ:

...пронизав всю землю насквозь,
Станет осью земного вращения
Наша советская ось.

(Перевод А. Миниха)

Но поэту предстоял еще долгий путь, прежде чем первые реалистические удачи переросли в новое качество его поэзии.

На протяжении второй половины двадцатых и начала тридцатых годов он, не оступаясь, шел по этому пути, год от года расширяя свои поэтические возможности. В этом ему помогала сама природа жизненного материала. Джалиль стал поэтом первого комсомольского поколения; богатая чувствами и радостями жизнь советской молодежи могла быть по-настоящему отражена только в эмоционально выразительных, образных красках, и это двигало художественное развитие поэта вперед.

В 1934 г. выходят два больших сборника произведений Джалиля — «Орденоносные миллионы» и «Стихи и поэмы», а годом позже появляется первый сборник его стихотворений в переводе на русский язык. Они как бы подвели итог периоду поэтического возмужания Джалиля. С середины тридцатых годов начинается новый период в его творчестве — период зрелости.

Качественные границы поэзии Джалиля расширяются. Он все больше начинает писать не только о молодежи и для молодежи. В тридцатых годах он раскрывает в своих стихах всю полноту жизни советских людей, радость их созидательного труда, мир их чувств и взаимоотношений.

Главное достижение в поэзии Джалиля второй половины тридцатых годов — образность. Именно реалистический образ становится главным средством поэтически обобщенного воспроизведения жизни.

Р. Бикмухаметовым [1] прекрасно прокомментировано стихотворение Джалиля «На ржаном поле» (1937). Оно действительно весьма показательно для творчества Джалиля периода его зрелости. Мотив творческого труда, который всегда был так силен у поэта, здесь от начала и до конца раскрыт с помощью развернутого образа. Поэтический образ не просто сопровождает тут описание радостного труда, как это было, скажем, с образом седого Каспия в стихотворении «Шаланда № 24» (1933 г.), — он служит тому, чтобы передать самую картину труда. Работа девушки-комбайнера Зейнаб изображается как соревнование с солнцем. Кто раньше сделает свое: солнце пой

[1] См. Бикмухаметов. Муса Джалиль. М., «Советский писатель», 1957, стр. 29—30.

дет путь от восхода до заката или Зейнаб уберет двадцатипятигектарное поле созревшей ржи? Опередила Зейнаб, и алый солнечный закат разливается, как знамя, вручаемое побежденным светилом победительнице.

Постепенное накопление эмоционально-психологических красок, расширение, углубление чувств и дум лирического героя дало во второй половине тридцатых годов свои великолепные результаты. В творчество Джалиля врывается живой, многокрасочный мир, бьется радость бытия, полнокровное, гармоническое восприятие жизни. Оно неиссякающей струей проходит через все произведения поэта.

Джалиль уже значительно шире осмысляет роль и назначение поэзии. Он все так же видит свой долг в том, чтобы служить обществу, людям, народу, но служить уже не только как боец и агитатор, но и как певец всех радостей жизни, ее красоты. Все щедрое богатство чувств поэта выражено в его новой поэтической декларации «Родник» (1937). Орошенная влагой родника, расцветает земля, он утоляет жажду путника, отражает простор небес и песней перекликается с птицами. Так и поэт хотел бы вобрать в себя и отразить в своих песнях всю полноту мира — ширь небес и пенье птиц, очарование любви и радость побед. Образ родника как символ поэзии прочно утверждается у Джалиля. Он вновь возвращается к нему в «Песне родника» (1938).

Как родник, мечтал бы я по жизни
С песнями счастливыми пройти,
Чтоб сердца, лишь только песня брызнет,
Словно сад, спешили расцвести.

(Перевод В. Тушновой.)

Эмоционально-образное восприятие жизни освободило поэзию Джалиля от прямолинейности, но ничуть не лишило ее обычной целеустремленности, высокого общественно-политического тонуса. Картины действительности и переживания лирического героя насыщаются у Джалиля большим социальным смыслом. В стихотворении «Следы лыж», к примеру, набросана отличная, четкая картина последних дней зимы. И в эту картину органически вплетена идея поступательного развития. Поэт по-своему читает следы лыж, оставленные пионерами: он видит в них «завязь будущих соцветий», залог грядущих свершений нового советского поколения.

Таков творческий почерк Джалиля: поэтические картины становились в его стихах толчком, пищей для непосредственно провозглашаемых социалистических идей.

Вся сила гражданственности поэта, его удивительная цельность проявились в неразрывной слитности личного и общественного. Любовь, отцовство, раздумья о личной судьбе — все

всегда у него было полно объективного смысла и содержания. Даже над колыбелью дочери лирический герой Джалиля не может быть просто отцом, он помнит, что отцовство — это не только личная радость, но и общественный долг. В беспомощном комочке, которому отдан весь трепет отцовского чувства, поэт видит смену для своего поколения, грядущий день Родины («Когда она росла»). Воспоминания о матери естественно и органично переходят у него в думу о родной земле, в чувство готовности защитить ее от «черного зла» («Мать»). И строки Джалиля не становятся от этого менее непосредственными; они привлекают живым и искренним биением чувства.

С первых же шагов лирику Джалиля отличала насыщенность мыслью. Еще в ранних стихах поэт уже отдавался философическому размышлению:

Чем тебе, душа, земля не приглянулась?
Почему так страстно к небу ты взметнулась?
. . . . . .
Все едино на земле и небосводе, —
Там и тут одна материя в природе.

(«Душе моей», 1921. Перевод М. Фофановой).

В годы поэтического созревания факты действительности становились для него поводом для публицистических рассуждений («На заводе «Орлес», «На Кавказе» и др.). Не ослабевает эта интенсивность мысли и в годы зрелости Джалиля. Почти в каждом стихотворении тридцатых годов заключено раздумье. Но если раньше это вело к риторике или к рассудочности, то теперь раздумье сочетается с эмоционально-образной тканью стиха, как бы проникая в нее. В основу стихотворения Джалиль кладет обычно одно конкретное явление — явление природы, воспоминание о близком человеке, какое-либо отдельное событие,— и стремится раскрыть, подчеркнуть его общий смысл, прийти к определенному выводу. Он как бы идет от единичного факта к обобщению. Так насыщенность стихов Джалиля мыслью сливается с их публицистичностью, и это снимает в конце тридцатых годов прежнюю социально-политическую обнаженность. Идейный итог стихотворения, его вывод по-прежнему выражается прямо, обычно в концовке. Но это уже не прямой публицистический лозунг, а определенная философская мысль, плод обобщающего раздумья. Иногда же этот вывод, итог и не выражается прямо, но пронизывает стихотворение, является, так сказать, выводом косвенным.

Во второй половине тридцатых годов Джалиль создает целый цикл стихотворений о природе. Об этом можно судить даже по названиям: «Май», «Облако», «Дождь», «Осень», «Ива», «Лес». Уже одно появление таких стихотворений было серьезным художественным достижением поэта — ведь в два-

дцатых годах пейзаж в его стихах практически не появлялся. Теперь же мы видим реалистически точные и лирически насыщенные картины природы в ее изменениях.

Неторопливых туч махины
Сошлись, подставив солнцу спины,
Дождь близок. Синевой тумана
Оделись дальние вершины.

(«Дождь», 1937. Перевод Я. Козловского).

Однако изображение природы нужно Джалилю не само по себе, не просто ради пейзажа и даже не только для того, чтобы выразить гармоничнсе и радостное восприятие мира. Поэт вкладывает в эти стихи большую философскую мысль о поступательном ходе вечно живой, развивающейся жизни, о ее неостановимом движении вперед. Пейзаж в таких стихотворениях, как «Дождь», «Осень», «Лес» и др., пронизан этой мыслью о неувядаемости жизни, и потому их строфы звучат как своего рода манифест оптимизма.

Даже в дни увядания природы
В сердце чувствую молодость я.
Нет, не могут состарить нас годы.
Наша радость — навеки, друзья!

(«Осень», 1937. Перевод Я. Козловского).

Глубокая нота всепобеждающего оптимизма лейтмотивом идет через все творчество Джалиля. Она так же органична для него, так же определяет самую атмосферу его поэзии, как и пафос героизма. Основа ее — вошедшая в плоть и в кровь вера в справедливость и непобедимость того дела, которому он всецело себя отдал — делу коммунизма. Поэт и его герой знают, что какие бы суровые испытания и трудности не пришли, это великое дело, одолев все, будет по-прежнему двигаться вперед,— и в этом источник и личного, лирического, и социального, философского оптимизма Джалиля.

Его лирика сейчас далеко не однолинейна: целеустремленная и волевая, она включает в себя и глубоко интимные переживания, и мотивы любви, и легкую, беспечную шутку. Знает она и минуты тяжелых, горьких раздумий («Одинокий костер», 1936, «Слезы мои уже совсем высохли...» — без даты).

Мотивы скорби и одиночества уже звучали в поэзии Джалиля в начале двадцатых годов. Но то была всего лишь дань поэтической моде, временное увлечение, и звучали они абстрактно. Здесь же мы видим не беспредметные сетования и жалобы, а эмоционально достоверную лирику с конкретными образами и переживаниями.

Ночной простор.
Я жгу костер.
Вокруг туман, как море...
Я одинок, —
Простой челнок,
Затерянный в просторе.
. . . . . .
Огонь, светящийся во мгле,
Заметят ли, найдут ли?
На звук, летящий по земле,
Ответят ли, придут ли?

(«Одинокий костер». Перевод Р. Морана).

В «Моабитских тетрадях» эта сторона лирики Джалиля, развернувшись на новой основе, с иным реальным содержанием даст ряд лирических шедевров, в которых глубокие и скорбные переживания будут пронизаны стойкостью мысли и воли.

Боль сомнений и тревожных раздумий всегда отступала перед этой стойкостью мировоззрения поэта. Довоенные блокноты Джалиля, сохранившиеся в его архиве, донесли до нас не публиковавшееся при жизни стихотворение «Бывают ночи...». Оно начинается тревожной нотой:

Бывают ночи — сны уходят прочь,
А сердце непрестанно бьет тревогу...

(Перевод В. Ганиева.)

Стихотворение не датировано, однако его, как и стихотворение «Слезы мои уже совсем высохли...», с уверенностью можно отнести к периоду 1937—1939 гг. То было время, когда произвол и беззакония культа личности нанесли тяжелый ущерб советской литературе и культуре. Сердцу поэта и гражданина в эти годы было отчего бить тревогу, и тем бóльшую весомость приобретают его строки. Но несокрушимая сила социального оптимизма и здесь берет верх, Джалиль не поступается своей верой в жизнь. Он знает, что ход ее сметет «мглу и силуэты горя».

Идет заря, идет за ночью вслед,
Идет, как жизнь в победном ореоле.
Я знаю, что всего сильнее свет...
И крепко жизнь люблю не оттого ли?

(Перевод В. Ганиева.)

Оптимизм поэта неистребим, ибо он питается верой в непобедимость главного дела эпохи — дела коммунизма. И поэтому Джалиля и его лирического героя ничто не может поколебать: ни потеря друзей, ни личные невзгоды, ни уходящее время, ни сама смерть. Свои лучшие всходы эта стойкость даст в стихах Моабитского цикла.

Невозможно обойти еще одну лирическую тему в поэзии Джалиля зрелой поры — его любовную лирику. Она тоже широко и многообразно развернется в его стихах военных лет. Стихотворения Джалиля о любви выделяются во второй половине тридцатых годов уже богатством и многообразием своих оттенков — от жизнерадостного восхищения любимой («Синеглазая озорница», «Мы сквозь ресницы...») до горьких строк о несбывающейся мечте о любви («Доверчивость пылкого сердца», «Хадие»). Их художественная ценность — в глубине проникновения в мир человеческого чувства, в душевные движения и противоречия. Джалиль полностью отказывается сейчас от того принципиально правильного, но упрощенного и догматического подхода к любви, который когда-то преобладал у него. Любовь входит в его поэзию как живое, многоликое и непокорное чувство, подчиняющееся своим законам. Его лирика освобождается и от идиллической, восторженной бесплотности, — теперь это горячее, искреннее и непосредственное волнение души, биение страсти.

И при всем том любовное чувство поэта и его лирического героя остается цельным и чистым. Даже в самой интимной лирике Джалиль выступает человеком долга и большой стойкости. Это ярко раскрылось в его лирических стихах, обращенных к жене — Амине Джалиль («В минуту обиды», «Амине» и др.).

Не потому ли, что без принужденья
Одну тебя я горячо любил,
Тебе я отдал сердце во владенье,
В обмен на твой чистосердечный пыл...

(«В минуту обиды», 1937. Перевод В. Звягинцевой).

В этих стихах звучит сильный и чистый мотив преданности на всю жизнь, мысль о том, что любящим вместе «идти да идти»,— и перед этим должны меркнуть обиды и размолвки. Иными словами, любовь для Джалиля — это не только взаимные радости и страдания, это и взаимный долг.

Такая цельность и мужественность интимных чувств поэта и подготовила ту страстную лирику верности, которая зазвучала в стихах Джалиля военных лет.

Расцвет и идейно-художественное углубление творчества Джалиля во второй половине тридцатых годов — явление не случайное и не индивидуальное. Победа социализма в стране, торжество ленинской национальной политики стали почвой для расширения идейно-тематических границ татарской литературы и окончательного утверждения в ней социалистического реализма со всеми его художественными богатствами. Тяжелый груз культа личности затруднял, но не мог остановить движения литературы вперед. Татарская поэзия вместе со всем советским искусством набирала новые силы, и зрелая лирика М. Джалиля — одно из ярких свидетельств этого.

Г. С. МУХАМЕДОВА

О РАССКАЗАХ ВОЕННЫХ ЛЕТ А. АБСАЛЯМОВА

Абдурахман Абсалямов пришел в литературу незадолго до начала Великой Отечественной войны. Его первый рассказ «Магинур» был опубликован в журнале «Совет әдәбияты» в 1937 г. Широкую популярность у читателей А. Абсалямов приобрел в годы войны. На страницах фронтовых газет печатаются его рассказы, очерки и публицистические статьи: «Потомок орла», «Голубая скала», «Сильнее смерти», «Смелость разрубает и камень», «Четыре героя», «Сержант Ильясов», «На короткой волне» и др.

Трудно провести границу между очерками и рассказами А. Абсалямова. По своему художественному решению очерки «Свирель», «Красная ракета» — это рассказы, а рассказы «Северное сияние», Голубая скала» находятся на грани очерка по документальности.

По поднятым в них проблемам очерки и рассказы А. Абсалямова близки к повести А. Бека «Волоколамское шоссе», к очеркам К. Симонова «Дни и ночи».

Как и многие татарские писатели и поэты (Муса Джалиль, Фатих Карим, Нур Баян и др.), Абдурахман Абсалямов с оружием в руках защищал честь и независимость социалистической Отчизны. С первых дней войны и до ее окончания он был на фронтах, участвовал во многих боях, ходил со своими товарищами в разведку в тыл врага, бывал ранен, а выздоровев, вновь возвращался на передний край.

Анализируя развитие татарской литературы в годы Великой Отечественной войны, литературный критик Гази Кашшаф в 1944 г. писал: «Война выдвинула не только героев, не только раскрыла перед миром способность воевать с коварным врагом, но она рождала и рождает своих талантов-писателей. На смену героически павшим писателям приходят новые, свежие силы. За период войны уже выявились замечательные таланты, произведения которых выходят отдельными книгами. Силу художествен-

ного мастерства раскрыли Ш. Мударрис, А. Абсалямов, А. Расих, Н. Арсланов»[1].

Непосредственное участие в боевых операциях, героические дела советских воинов дали не только богатый материал молодому писателю, но и вдохновили его в дальнейшем на создание высокохудожественных произведений. Вот как об этом пишет сам А. Абсалямов: «В жизни людей моего поколения Великая Отечественная война заняла большое место. В эти годы мы прошли через большие испытания, возмужали, научились понимать истиное лицо фашизма. Там мы узнали, какую большую силу, героизм, преданность требует от каждого любовь к Родине, народу, партии не на словах, а на деле. Тысячи людей в едином порыве со словами: «За Родину! За партию!» — врывались в огонь, столкнувшись с врагом лицом к лицу и из самых трудных столкновений выходили победителями.

Изучать жизнь народа, быть вместе с народом, когда вопрос о жизни и смерти решался в боях, пронести в своем сердце его горе и радость, активно участвовать в борьбе дает писателю огромную духовную пищу, вдохновение. Лишь вдохновение, почерпнутое из чаши народной жизни, способно дать силу писателю на создание больших и хороших произведений...

Некоторые рассказы написаны на переднем крае, на боевом посту, сидя на снегу, в варежках; некоторые же написаны в госпитале. Когда лежал в госпитале, мучился тем, что не было бумаги, не на чем было писать. Как-то случайно заметил, что наволочка матраца распорота. Когда сунул туда руку, оказалось, что вместо ваты там бумага. Радость была неописуемая. Ночью брал оттуда бумагу, а днем писал рассказы, дневник. Постепенно «исписал» не только матрац, но и подушку...

Увиденное на фронтах дало мне материал для написания повести «Белые ночи», романов «Золотая звезда» («Орлята»), «Газинур» и многочисленных рассказов. Если бы я сам не был участником войны, сам не пережил бы близость смерти, я бы никогда не смог написать эти произведения...»[2].

С каждым новым произведением Абсалямова раскрываются все новые и новые черты в характере его героев. Писатель как бы по ступенькам, все выше и выше поднимается рука об руку со своими героями.

А. Абсалямов создал целую галерею сильных, героических характеров своих современников. Он художественно раскрыл те черты в характере советского человека, которые проявились в нем благодаря социалистическому укладу жизни: патриотизм, интернационализм, творческий энтузиазм.

---

[1] Татария в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Сборник документов и материалов. Татарское книжное изд., Казань, 1963, стр. 198—199.

[2] А. Абсалямов. См. «Краткий автобиографический очерк». Рукописный фонд КИЯЛИ АН СССР.

Произведения А. Абсалямова пользуются широкой популярностью среди читателей. Благодаря хорошему, любовному переводу, произведения писателя и на русском языке не утратили своей оригинальности, абсалямовского стиля изложения.

*
* *

В рассказах военных лет определился художественный метод А. Абсалямова. Их анализ дает ключ к пониманию художественного своеобразия послевоенных романов А. Абсалямова.

В военных рассказах А. Абсалямов обычно на одном эпизоде из фронтовой жизни раскрывает у своего героя какую-то основную черту его характера и стремится подчеркнуть эту черту в поведении, в разговоре, во внешнем облике. Он ставит героя в такие условия, которые наиболее полно и отчетливо выявляет его типические черты, «все компоненты произведения объединяет вокруг одной сюжетной линии — изображения героизма и использует заострение сюжета как средство типизации образа» [1].

Своеобразным гимном людям с сильным, волевым характером является рассказ «Сильнее смерти». Сюжет и композиция его строго подчинены раскрытию характера моряка Искандера. До кульминационного момента рассказа автор через все более осложняющиеся обстоятельства, преодоление ряда препятствий раскрывает неустрашимость своего героя: Искандер не растерялся во время бури на озере, в разведке первым стащил с коня финского офицера. Все события рассказа взаимообусловлены и тесно связаны между собой. Так, если в начале рассказа в картине переправы разведчиков на старой, дырявой лодке во время бури на озере писатель показал Искандера смелым и бесстрашным, то в конце рассказа исчезновение лодки вынуждает разведчиков изменить маршрут. До столкновения Искандера на «Скале смерти» с белофиннами автор, используя легенду старых карельских охотников, знакомит читателя с местом, где будут происходить события.

«...Крутая скала, похожая на высокий минарет. С одной стороны немного пологая, с другой — отвесно спускается в пропасть...» [2]. И лишь после того, как дано представление о самом герое, об обстоятельствах, при которых будут происходить события, автор раскрывает героический характер Искандера.

---

[1] Н. Гизатуллин. Воплощение патриотической темы. «Совет әдәбияты». 1955, № 10, стр. 108.

[2] А. Абсалямов. Белые ночи. Казань, 1958, 2-е издание, стр. 92. В дальнейшем указываются страницы настоящего издания.

Романтическая приподнятость повествования не лишает произведение жизненной убедительности, а напротив, позволяет автору более ярко показать, на какие поступки способен человек широкой, сильной натуры в момент высшего напряжения своих сил.

К рассказу «Абушахман», пожалуй, можно отнести слова самого А. Абсалямова, высказанные им в статье «Большой праздник»: «Есть подвиги, поражающие воображение своим величием и силой, есть подвиги скромные. Но подвиг, совершенный во имя народа, всегда остается подвигом» [1]. Героем рассказа является Абушахман, человек самой широкой профессии даже на войне — повозочный. Описывая отдельные черты характера, писатель стремится представить своего героя в том психологическом состоянии, которое явится определяющим в его дальнейших поступках. Образ Абушахмана раскрывается через взаимоотношение его с другими персонажами. «...Одним не нравились его плотно сжатые губы, другим не по душе был хищный с горбинкой нос... И что только у него за глазища!»— говорили другие, вспоминая жгучий взгляд его черных глаз» [2]. Отношением же к Абушахману лейтенанта Даева автор показывает, что его герой не такой уж плохой, что за всей его молчаливостью и странностью скрывается что-то неразгаданное. Скрещивая противоположные мнения окружающих, автор заинтересовывает читателя своим героем. Абсалямов так строит сюжет этого рассказа, что взятая за основу отличительная черта в характере героя выступает перед читателем с предельной остротой. Замкнутость Абушахмана, то, что он глубоко в себе затаил горе и не умеет делиться с окружающими, писатель показывает целым рядом эпизодов. Абушахман при первой беседе с лейтенантом, когда к этому располагало относительное спокойствие, наступившее после выполненного задания, не может рассказать, что у него на душе, «перешагнуть» через свой характер. И лишь в лесу, когда раненый лейтенант просит рассказать о происшедших событиях (Абушахман понял это по-своему, решил, что лейтенант расспрашивает о его затаенном горе), он рассказывает о том, что приключилось с его женой и сыном во время налета фашистской авиации на роддом.

В этом рассказе мы видим знакомый «почерк» писателя — стремление как можно полнее раскрыть свой замысел, взаимообусловленность обстоятельств. Героизм Абушахмана проявился в лесу, когда он один справился с тремя белофиннами и спас лейтенанта. До этого он сбил вражеский самолет. Это обстоятельство служит предпосылкой следующему поступку. После этого ему дают бронебойно-зажигательные патроны, и Абушахман сбивает второй самолет противника.

---

[1] «Советская Татария», № 108, 9 мая 1959 г.
[2] А. Абсалямов. Указан. соч., стр. 80.

О необычайной стойкости советского разведчика повествуется в рассказе «Вторая жизнь». Рассказ делится на три самостоятельные части. Объединены они тем, что рассказ ведется одним лицом. В первой части автор создает зрительно ощутимую картину зимнего леса. «Высокие сосны, посеребренные инеем, стояли в глубокой задумчивости, а березки были похожи на молодых невест, одетых в легкие свадебные платья... Какого охотника не взволнует такая картина и какой охотник удержится, чтобы не углубиться по этим следам в лесную чащу»[1]. И вот на фоне этой мирной природы через восприятие разведчиков говорится о случившемся. «Хотя каждый из нас много повидал на своем веку, с глазу на глаз встречался со смертью, знал зверства белофиннов, но сейчас, подойдя к костру, мы почувствовали, как мороз пробежал по спине... на догорающем костре лежал человек»[2]. Через отдельные детали автор углубляет свою мысль: «...только пуговицы со звездочками, сохранившиеся на остатках одежды, говорили о том, что перед нами советский воин»[3]. Сведя рассказчика и обожженного бойца в госпитале, автор вновь возвращается к этому происшествию. Из уст Вакифа Гарифуллина оно предстает перед читателем в потрясающих подробностях.

Неизменной чертой героев А. Абсалямова является скромность. Вакиф Гарифуллин никогда бы не рассказал о случившемся, если бы его не попросили об этом. Собеседник же его умалчивает о том, что среди тех, кто спас Гарифуллина, был и он сам. То, что писатель оставляет на самый конец «исповедь» Вакифа Гарифуллина, держит читателя в постоянном напряжении.

В зависимости от сложившихся обстоятельств героизм советских воинов на фронте проявлялся в самых различных формах. Услышав мелодию свирели в руках умирающего Алсынбая (рассказ «Свирель»), бойцы поднимаются в атаку. Прежде чем «заставить» умирающего Алсынбая играть на свирели, автор показывает, что жестокость войны не убила в советских людях чувство прекрасного. Чтобы ярче оттенить силу воздействия мелодии свирели на бойцов, автор образным сравнением дает представление о высоте, которой нужно было овладеть. «Она была настолько крутой, что, казалось, будто низко нависшие тучи зацепились за могучие сосны и на ее вершине приостановили свой бег»[4].

Рассказ «Красная ракета» стоит несколько обособленно по поднятой в ней проблеме. Здесь автор показал, как во имя высшего долга — служения Родине преодолевался на войне страх. На героя рассказа Идриса Зиганшина движется самоход-

[1] А. Абсалямов. Указан. соч., стр. 74.
[2] Там же, стр. 75.
[3] Таж же, стр. 76.
[4] Там же, стр. 110.

ное орудие. «У Зиганшина похолодела спина, когда он увидел с грохотом, лязгом приближающуюся громадину [1]. Перед ним выбор: «...бросить стрелять и укрыться за толстой стеной дзота» [2], или смерть. Зиганшин выбирает второе. Автор раскрывает героизм Зиганшина. Идрис Зиганшин контужен, он не слышит общей команды и продолжает стоять под вражескими пулями... «Когда дым немного рассеялся, бойцы увидели, что Зиганшин по-прежнему стоит у стены, стоит назло врагу, даже мертвым, не желая сгибаться перед ним» [3].

Не все военные рассказы А. Абсалямова равноценны в художественном отношении. Иной раз, преследуя цель заострить внимание читателя на взятой проблеме, автор увлекается гипорболизацией и отходит от жизненной правды. Например, в рассказе «Солдат Хайбулла» автор, показывая героизм Хайбуллы, наращивает один эпизод на другой, в результате белофинны, по воле автора, предстают перед читателем трусливыми, несмышленными.

Подобное же заострение сюжета, но несколько в ином плане, мы видим и в рассказе «Потомок орла». Если в начале рассказа герой предстает перед читателем невозмутимым, спокойным, то, попав на фронт, пройдя боевые испытания, Рашид меняется. В его характере проявляется то, что лежало далеко под спудом; в иных условиях эти качества, может быть, никогда и не проявились бы. Разоренный пчельник и казненный пчеловод поднимают в душе Рашида жгучую ненависть к врагу. Он клянется отомстить врагу. Характер своего героя автор сравнивает с заросшим мхом камнем. «...Он может долгие годы неподвижно лежать на месте, но уж если покатится вниз — берегись. Летит он со страшной силой до самого подножья, сметая все на своем пути. Остановить его невозможно: для него нет преград...» [4]. В этом рассказе писатель сумел художественно, убедительно воплотить свой идейный замысел. Но, словно, не доверяя себе и читателю, он заставляет своего героя проявить свой характер в боевых действиях.

Анализ лишь некоторых рассказов показывает, что такие особенности абсалямовского стиля, как умение подчинить композицию раскрытию идейного содержания произведения, взаимо-обусловленность обстоятельств, зависимость художественных средств обрисовки, ситуаций от психологического склада характера, изображение героического характера во все более осложняющихся обостоятельствах, умелое использование пейзажа и др. определились в творчестве писателя в военные годы

---

[1] А. Абсалямов. Указан. соч., стр. 131.
[2] Там же, стр. 131.
[3] Там же, стр. 133.
[4] Там же, стр. 145.

Таким образом, написанные по горячим следам боевых событий, они явились настоящей школой для молодого писателя.

Документальные в своей основе, его военные рассказы отличаются острой публицистичностью. В каждом из них она получает своеобразное звучание. Герои этих рассказов — это сознательные и мужественные борцы против фашизма. Они сильны своей верностью гражданскому долгу, преданностью социалистической Родине. Их героические поступки являются образцом поведения для подрастающего поколения советских людей.

Общей темой, объединяющей военные рассказы, является героизм. Но они не повторяют друг друга; в каждом из них с художественным мастерством изображена какая-то новая черта в характере советского человека. Подчиняя все художественные средства раскрытию именно этой черты, автор добивается жизненной убедительности.

Военные рассказы А. Абсалямова представляют ценность не только тем, что в них писатель сумел создать запоминающиеся образы советских воинов, но и тем, что он в них раскрыл моральное богатство, глубину могучего духа советского человека. Военные рассказы предопределили дальнейшее творчество А. Абсалямова, раскрывшего в романах «Огонь неугасимый», «Белые цветы», в ряде замечательных рассказов («Каменщица» и др.) величие советского человека — строителя коммунистического общества.

Ф. В. АХМЕТОВА

НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ Ф. ХУСНИ «ТРОПА ПЕШЕХОДА»

Литература и фольклор с самого их зарождения развивались в тесной связи. В наш век изучение многих проблем на стыке наук углубляет выводы, расширяет горизонты и улучшает результаты творческих исканий. Остро ставятся и задачи изучения многообразия творческих форм, жанров и стилей советской литературы, раскрытия творческого метода писателя.

Изучение процесса взаимодействия и взаимовлияния фольклора и литературы также имеет важное значение для решения задач, поставленных в Программе КПСС «правдиво и высокохудожественно отображать богатство и многообразие социалистической действительности», стремиться к созданию мировых культурных ценностей, опираясь на достижения всей общечеловеческой культуры [1].

Разумеется, связь литературы и фольклора не обозначает только использование писателями фольклорных форм и содержаний. Главное, изучение того, как совершенствует писатель народный опыт, народные взгляды, как раскрывают народно-поэтические мотивы идейно-художественную направленность произведения.

Настоящий художник обогащает и развивает традиции фольклора, конечно, это зависит от мастерства изображения им народной жизни, народных мыслей, чувств и стремлений. Поэтому раскрытие многообразных способов использования народно-поэтического творчества лучшими мастерами слова имеет большое значение. Преломляя идеи народного творчества сквозь призму собственного мировоззрения, многие писатели расцвечивают их блеском своего таланта, претворяют мысли и чувства народа в своих произведениях. Углубленное и внимательное изучение творческой индивидуальности писателей раскрывает множество оттенков и форм переплетения народного и индивидуального творчества.

[1] Программа КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 131.

Итак, раскрытие многообразия форм взаимовлияния фольклора и литературы является одной из актуальных задач литературоведения. Далеко не безразлично знать, какие успехи или промахи в использовании фольклорных элементов имеются у отдельных писателей или в целых литературах.

В современной татарской прозе мы встречаем, например, лишь реминисценции сказок, находим лишь отдаленные ассоциации со сказочной стихией. Однако писатели не ограничиваются пассивным отображением сказочных явлений, а используют и развивают лучшие традиции устного народного творчества. Например, смелые, благородные люди, героические подвиги, преданность своему народу, привязанность к родной земле — это идеалы народных сказок. Таковы же целеустремленные, духовно богатые главные герои и современной татарской прозы, такие, как Якуп, Хасан Айвазов, рабочие династии Саубановых, Уразметовых, Нэфисэ, Сания, Вафин, Сафаргали, Арслан Губайдуллин, Гульзифа и многие другие. Оптимистическая направленность, прославление ума, находчивости и смелости человека, его величия и непобедимости — основные линии сказочных идей. Они же являются главными и для современной литературы.

Одним из ярких примеров использования народно-поэтических традиций в современной татарской литературе является роман Ф. Хусни «Тропа пешехода». Произведение посвящено 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Грандиозные изменения, которые принесла революция, оказались осуществлением чаяний и ожиданий народных. Угнетенный народ, веками стонавший под игом власть имущих, добился свободы, благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии осуществил социалистические преобразования. Фантастические перемены в жизни народа, сказочные преобразования требуют высокохудожественного, правдивого воплощения в искусстве. Ф. Хусни повествует о том, как лучи революции доходят и до темной татарской деревни, как трудящиеся сами завоевывают себе свободу, счастливую жизнь.

Идею об осуществлении вековых мечтаний народа писатель удачно разрешает в духе народно-поэтических традиций. Особенно активно использованы в романе сказочные мотивы. Само название романа носит символический характер. «Конь — крылья человека», «крестьянин без лошади — птица без крыльев»,— заключал татарский народ в пословицах, «крылья гусей белы, крылья мужчины — конь»,— пел он в песнях. В сказках коню приписывались самые лучшие качества: быстр, как огонь, изящен как... пиявка, понятлив, как человек, предан, как друг. Он является непременным участником героических подвигов батыра, приносит ему счастье, удачу, богатство. Ни одно животное так не идеализируется в сказках, как конь. И это наиболее

ярко (пожалуй, острее, чем еще более древние мечтания о скатертях-самобранках, сапогах-скороходах и пр.) говорит о самых насущных заботах, реальных, земных чаяниях трудящихся.

Тонко подметив подобные детали, противопоставив сказочному конному батыру реального представителя народа, писатель прослеживает путь роста и развития нового человека. Куда только ни заводила извилистая тропа пешехода Сафара! Ушел из дому подручным отца — портного. Затем батрачил, пахал, молол, косил, рубил, грузил — и все для других. Наконец, служил солдатом, прошел всю войну, стал революционером. «Без торжественных клятв и заявлений, вначале даже толком не разобравшись, но нисколько не тратя сил на всякие колебания. Сафаргали примкнул к движению большевиков» [1],— пишет автор.

Как в большинстве волшебных сказок, герой романа собирается в далекий путь. После завершения летних крестьянских работ в хозяйстве Курбангали уходит с сыном зимой «на сторону», в другие деревни, чтоб хоть немного заработать своим портновским ремеслом на покупку лошади. Но сын, подрастая, видит, что мечта о коне, как о крыльях, неуловимо далека в этой жизни. Он согласен быть пешим. Ему бы только свободу и милую... Остального он добьется. Возлюбленная — дочь такого же крестьянина, бьющегося в тисках нужды. Герой нанялся в батраки к кулаку, он остался верен своим правилам и обычаям, помогает бедным, собирается жениться на любимой. Чтобы избавиться от него, хозяин поручает ему необъезженного жеребца. Из этого испытания герой выходит победителем. После этого его отправляют на дальнюю мельницу. В это время уводят его невесту. Спалив мельницу, глухой ночью уходит он искать правду, добиваться лучшей жизни. Завоевав счастье, отомстив богачам, герой находит свою любимую.

Как видим, сюжетная канва этого произведения созвучна схеме сюжетов народных сказок. Наполнение тех же мотивов новым смыслом, оснащение ткани повествования сказочными элементами (например, герой пешком идет умыкать невесту, откуда ни возьмись — конный попутчик, согласившийся участвовать в таком деле) придает всему произведению романтический характер. Элементы фольклора, дух народного творчества чувствуются не только в композиционных линиях, но и в средствах художественной изобразительности (развернутые сравнения, параллелизмы), в тоне повествования («час ли, два ли часа он спал, проснулся от тихого разговора» — «Бер сәгатьме, өч сәгатьме йоклагандыр, бер заман ул мыдыр-мыдыр сөйләшкән тавышка уянып китте»). Видно, что автор обратился к сред-

[1] Ф. Хөсни. «Жәяүле кеше сукмагы». Казань, Татгосиздат, 1959, стр. 287.

ствам народного творчества не походя, а в определенной системе.

Идейно-художественные функции жанров повествовательного фольклора в художественной прозе в силу их композиционных и других особенностей являются иными, чем функции в ней народной лирики и малых жанров фольклора. Сказка со своей фантастичностью, легенды с их большей или меньшей достоверностью имеют более ограниченные возможности применения в современной художественной прозе. Цитаты здесь невозможны, включение целых произведений рискованно, сравнения слабы. Все это непременно отдает неглубокой стилизацией и грозит нарочитостью. Этих недостатков счастливо избежал автор «Тропы пешехода», но, к сожалению, имеются недостатки другого характера.

Повествование, вначале довольно обстоятельное и подробное, заменяется к концу торопливым, суховатым описанием действий героя в новой обстановке. Большая часть романа посвящена описанию тяжелой жизни трудящихся крестьян до революции, становления характера юного пешехода, будущего революционера. Само освобождение от власти эксплуататоров, осуществление Октябрьской революции занимает в романе довольно скромное место. Здесь как бы смещены масштабы: внешние и внутренние. Духовный рост, глубокие психологические изменения, неизбежно, но верно возникающие в сознании героя под влиянием революционных преобразований, оказались в произведении завуалированными. Литературная критика в свое время указывала на этот недостаток[1]. Хочется отметить эти недостатки и с точки зрения использования народно-поэтических традиций в литературной практике. Революционная буря завихрилась не над головой героя, она закружила его самого, подвергая новым испытаниям и перековывая в нового человека. Однако кипение в горниле революционных событий выглядит в целом по замыслу автора романа лишь как мотив третьего испытания, после которого герой соединял свою судьбу с любимой. И этот сказочный мотив не обеспечивает концу произведения эпического размаха, как следовало бы ожидать, а наоборот, сковывает, суживает ту эпичность, которая характерна историческим романам. Это случилось отчасти и потому, что фольклорные мотивы здесь остались не растворенными в стилевой ткани, подводное течение их оказалось не очень сильным. А прямое следование фольклорным приемам не оставило места такой сугубо литературной традиции, как тонкое изображение психологического развития.

К тому же писатель несколько увлекся этнографической, бытовой стороной событий. Интересное описание обычая сватов-

[1] Ф. Хатипов. «Җәяүле кеше сукмагы» романының художество чаралары һәм стиль үзенчәлекләре». «Совет әдәбияты», № 9, 1960, стр. 126.

ства, детальное изображение предметов быта, хозяйственных крестьянских работ, замедляя развитие действия в романе, заставляют вспомнить, скажем, дореволюционное произведение Г. Ибрагимова «Судьба татарской женщины»; но в данном случае таковы были цели автора,— описывая быт и положение крестьян того времени, он повествует о трагической судьбе татарской женщины. Изображение быта трудящихся крестьян помогает Г. Ибрагимову полнее раскрыть тяжелое положение татарской женщины и показать пассивный протест ее против такого существования. В «Тропе пешехода» этнографизм заслоняет протест активный, затеняет процесс борьбы за новую жизнь, динамику самого завоевывания счастья. Сказкам, да и другим видам повествовательного фольклора свойственна чрезвычайная динамичность действия. Эта традиция устного народного творчества в данном случае не нашла органического переплетения с творческими достижениями писателя (детальное изображение действительности, характерное лишь письменной литературе, сочетается в произведении с головокружительной быстротой смены событий, свойственной природе сказок).

Разумеется, письменная литература — это не копирование и не только развитие устного творчества. Его традиции отражаются в литературе лишь как один из многочисленных источников. Очень многие главные отличительные свойства письменной литературы отсутствуют в устном творчестве [1]. Скажем, многогеройность, многоплановость современного романа, глубокий психологизм и тонкое изображение писателями пейзажа и портрета берут свое начало не в народной прозе. Творческое использование фольклорных традиций означает внутреннее, подводное следование, а не внешнее скольжение по поверхности мотивов народного творчества, непременно приводящее к художественным изъянам.

Неиссякаемым источником обогащения творчества писателей является народная лирика, особенно при создании образов исторических романов. В. И. Ленин отмечал: «Надо докопаться до скрытых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного» [2].

Несомненным достоинством романа «Тропа пешехода» является плодотворное использование народной лирики. Скупыми, но точными деталями из народной лирики характеризует Ф. Хусни духовный мир своих героев, удачно отыскивает для этого особо ценное в песнях. Так, яркий образ Зайтуны рельефно соткан почти целиком по народно-поэтическим мотивам.

---

[1] См. об этом статью В. Проппа «Фольклор и действительность». «Русская литература», № 3, 1963, стр. 82—84.

[2] В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. «Сов. этнография», № 4, 1954, стр. 120.

Зайтуна — обыкновенная крестьянская девушка. После смерти матери в ее глазах затаилась преждевременная грусть. С детских лет развивалась, крепла и расцветала ее любовь к сыну приезжего портного — Сафаргали. Но бедность и бесправие строят тысячи преград пред их светлыми чувствами. Суеверный страх перед проклятием родителей, боязнь попасть на людские языки — все это влияло на ее поступки. Решив, что судьбу не обойти, она по принуждению выходит замуж за сына сельского богача. Но потом она находит в себе силы и решимость навсегда уйти из дома, где ее унижали, оскорбляли и эксплуатировали. Позднее, окончив курсы учителей, она начинает работать в деревне рядом с любимым Сафаргали и находит свое настоящее счастье.

С глубокой симпатией характеризует автор эту дочь народа. Татарская женщина за 40 лет изменилась неузнаваемо, и поэтому одним из ценнейших материалов служит писателю народная поэзия Ф. Хусни широко использует песенные элементы для характеристики этой лирической героини и показывает образец любовного и бережного отношения к народно-поэтическому наследству. Зайтуна представляется нам сдержанной, скромной, красивой, здоровой и работящей девушкой. Ее руки с детства приучены к труду, умеют делать все, с утра до ночи они не знают покоя.

Красота Зайтуны — красота здоровая, неброская, как красота родных полей, рек, лугов, родников. Именно такая красота отражена и в народных песнях, что отмечено еще в эстетической концепции прекрасного у Н. Г. Чернышевского: «В описаниях красавицы в народных песнях не найдется ни одного признака красоты, который бы не был выражением цветущего здоровья» [1].

Ее портрет — черные косы, черные глаза, длинные ресницы, с ямочками щеки, белый, широкий лоб, тонкая талия — это портрет героини татарских народных песен. Белое платье (с еле заметными цветочками льна или шелковое свадебное), калфак, вышитый бисером, белые башмачки, белый вышитый по канве фартук, белый платок, цветные ленты — эта одежда также взята из песен.

Любовно подбирает автор лирические изобразительные средства для характеристики героини. Особенно активно применяет он народно-поэтические сравнения и метафоры. Цельная натура этой грустной девушки сравнивается с отражением луны в тихом озере, возникающие к Сафару чувства — с летней зарей, скромность — со спокойным светлым озером. Сам автор с нежностью сравнивает Зайтуну с малиной, а в сравнениях отца, мачехи, будущего нелюбимого мужа — она зрелое яблоко.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Пол. собр. соч., в 15 т. М., Госполитиздат, 1947, т. 2, стр. 10.

Автору она представляется пугливой горной козой, лесной ланью, бегущей от охотников, одиноким лебедем, а для отца она — птица, которая должная вовремя улететь из своего гнезда.

На протяжении всего романа чувствуется симпатия автора к героине. Но ее характеристику он ведет не только от лица автора, но и передает отношение к ней отца, Сафаргали, мачехи, мужа. Отец удивляется, как она похожа на мать: «Такая же круглолицая, такая же сдержанная, такая же молчаливая и подавленная».

Перечисления, повторы, риторические обращения, характерные для народно-песенной поэтики, служат в романе для усиления эмоциональности и драматизма: «Эх, ты, дочь Габдуллы-агая! Превратила нашего молодого петуха в осиновый лист, сама куда-то ушла, скрылась!». «Эта уверенность (в том, что она не оскорбляет памяти матери — *Ф. А.*) вырастила ее, как солнце выращивает цветы, эта уверенность водит ее по земле»; чувства Зайтуны, «хранятся, растут, расцветают день ото дня все красивее».

Излюбленным изобразительно-художественным средством Ф. Хусни являются метафоры и метонимии. Чаще всего он выводит их из сравнений. Для речи героини характерны обращения (чаще уменьшительно-ласкательные: анакайгынам, мескенкәем), перифраза и инверсия («Атам да, таяныр кәшем дә, барысы да син. Бөтен якын кешем син»), перечисления и нанизывание действий или предметов («еламас идем, төннәрем йокламас идем, чәчем белән җир себерер идем») и т. д.

Так выпукло и в то же время естественно создает автор образ по народно-поэтическим мотивам. Цитируется песня в устах героини всего один раз. Правда, нотки этнографизма, характерного для всего произведения, проскальзывают и в этом образе, но в целом не утрируют его.

На одном этом примере можно видеть, как безграничны возможности народно-поэтических мотивов при умелом их использовании в конкретных обстоятельствах, т. е. по определенному замыслу. И, пожалуй, трудно согласиться с мнением Л. Емельянова о том, что «творческий метод литературы достиг сейчас той степени развития, при которой прямое использование фольклорных форм выглядит уже не менее анахронично, чем, скажем, следование эстетическим принципам классицизма»[1]. В определенных жанрах литературы (например, исторический роман) и особенно в национальных литературах использование фольклорных форм еще не столь анахронично. В тюркских литературах, к примеру, даже те молодые прозаики и поэты, которые пишут на русском языке, плодотворно используют эле-

[1] Л. Емельянов. О природе фольклоризма в современной литературе. «Русская литература», № 3, 1963, стр. 118.

менты фольклора, очевидно, следуя традициям собственных литератур (Ч. Айтматов, А. Алимжанов, О. Сулейменов и др.). Конечно, и в татарской литературе есть писатели, которые, можно сказать, вовсе не используют фольклор, и в русской литературе имеются авторы, часто обращающиеся к нему. В этом смысле интересны высказывания писателей в анкете журнала «Вопросы литературы» в 1962 г. [1].

Большой интерес представляет также использование писателями пословиц и поговорок. В современной татарской прозе заметны две тенденции использования пословиц и поговорок: в дословной и измененной формах. Если в произведениях К. Наджми, А. Файзи, Г. Абсалямова, И. Гази в основном преобладает первая форма, сообщающая стилю публицистический характер (дословное использование пословиц характерно и для других тюркских литератур), то Ф. Хусни, Г. Баширов, А. Еники и другие писатели применяют пословицы, поговорки в своем творчестве чаще всего в измененном виде, что приближает стиль писателей к разговорной народной речи. Живое и свободное использование богатейших возможностей пословиц придает стилю гибкий, экспрессивный характер, определяет творческое лицо писателя.

Ф. Хусни редко цитирует пословицы. Это он делает, когда приводит какую-либо новую или малораспространенную пословицу. Известные и популярные пословицы у него всегда в действии — писатель постоянно оперирует их образами, создает метафоры, т. е. всячески растворяет их в ткани произведения. Например, вместо сухой констатации факта краткой пословицей «шила в мешке не утаишь» в зависимости от контекста и стилевой необходимости он восклицает: «Но можно ли сохранить шило в мешке!» Или: «Яблоко упало под самый корень яблони», говорит он, что в прямом изложении значило бы: сын удивительно похож на отца.

Иногда писатель не только подразумевает пословицу, а просто перефразирует ее. Такая доверчивая простота общения с читателем, уверенность писателя в том, что читатели поймут его именно так, как он хочет, говорит о тесной связи писателя с жизнью народа.

Многие пословицы сами по себе аллегоричны. Эта их сторона находит особенно активное применение в романе Ф. Хусни. Стараясь выделить существенное в изображаемом, акцентируя внимание в образной его передаче, автор часто прибегает к иносказаниям.

С иносказаниями тесно связаны метафоры, которыми автор оперирует так же активно, как и при обращении к песням. Например: «Слова девушек Сафаргали принял как камень в свой огород, но сам отнюдь не собирался ответить им камнем».

[1] См. «Вопросы литературы», №№ 5, 7, 8, 9 за 1962 год.

Такое обыгрывание образов пословиц приводит к экономии слов, сжатой формулировке и экспрессии, позволяет «сжимать слова, как пальцы в кулак, и развертывать слова, крепко сжатые другими». К этому призывал А. М. Горький. Образцы такого использования народной мудрости нередко находим в русской и татарской классической литературе.

Итак, внимательное изучение наследия классиков, творческое усвоение традиций народной поэзии и литературы орошают почву талантливому писателю для создания таких самобытных произведений, каким является и роман «Тропа пешехода». Достоинства и погрешности романа ни в коем случае не объясняются только отражением в нем народно-поэтических традиций. Тем не менее и эти связи способствуют блестящему раскрытию идеи произведения, умелое использование их автором обогащает художественные фонды современной татарской литературы.

М. Ш. МАННУРОВА

ДРУЖБА, РОЖДЕННАЯ В БОРЬБЕ

(Образы русских революционеров в романе Г. Ибрагимова «Наши дни»)

Романом «Наши дни» (1914—1920) [1] Галимджан Ибрагимов заложил фундамент татарского историко-революционного романа. Это одно из первых произведений в литературах тюркских народов СССР, в котором наиболее полно показано влияние первой русской революции 1905—1907 годов на пробуждение угнетенного татарского народа. В изображении рабочего класса роман характеризуется углублением интернационального содержания, показом активного участия татарских рабочих в революционном движении под влиянием русского пролетариата. Дело здесь не столько в создании образов рабочих и воспроизведении житейской дружбы представителей разных национальностей, сколько в широком осмыслении их солидарности. Эта солидарность, это сближение происходит на основе общности исторических судеб народов нашей страны, живших рядом в течение веков. И хотя царское правительство прилагало немало усилий к разжиганию вражды между различными нациями, к насильственному обрусению, к подавлению нерусских народов, все же соседство народов, как, например, русских и татар, несомненно, способствовало установлению тесных экономических, культурных и бытовых связей. «По занимаемой территории татары находятся почти в самом центре России,— писал Г. Ибрагимов в своем исследовании «Татары в революции 1905 года»,— Следствием этого было неоспоримое влияние этих двух народов друг на друга. С течением времени сила этого влияния увеличилась. Этим объясняется, что движения, происходившие в Российской империи, оказали сильнейшее воздействие на углубление среди татар классовых противоречий» [2]. Поэтому мощная волна первой русской революции подхватила и татар. Автор «Наших дней» убедительно показывает, что общая горькая

[1] В настоящей статье ссылки даны по редакции 1934 г.

[2] Г. Ибрагимов. «Татары в революции 1905 года», Казань, 1926, стр. 10—11.

судьба народов, сохранивших, несмотря ни на что, неистребимое вольнолюбие, так роднившее и сближавшее людей различных национальностей, приводила к единению всех сил пролетариата, к возникновению и среди людей других наций настоящих революционеров, к вступлению татарского пролетариата на путь политической борьбы. «В широких общих выступлениях, когда весь класс поднимался на борьбу, татарские рабочие ни в чем не отличались от своих русских товарищей. В массовках, которые тайно проводились где-нибудь на лесных полянах, в забастовках, на митингах и демонстрациях, когда разгорались стычки с полицией и войсками, они шли рядом, рука об руку с русскими рабочими, вместе боролись, вместе сражались» [1].

Г. Ибрагимов, показывая многообразие жизненных явлений, развитие революционного движения, единство интересов рабочих разных национальностей, самой главной своей задачей считает создание полнокровных образов героев революции, в которых, как в фокусе, и сойдутся изображаемые явления, выразится основная идея произведения.

Образы революционеров романа «Наши дни» воспринимаются читателем как реальные, живые люди, раскрывающие себя в многогранных и живых взаимоотношениях с другими, в размышлениях и чувствах. Динамичность образов, глубокое проникновение автора в психологию каждого из героев помогают понять их индивидуальное своеобразие. С особенной любовью Г. Ибрагимовым обрисован Коля Кадомсов — один из наиболее ярких образов большевиков, данных в этой книге. Интересно, как автор представляет его читателю. Он использует такой художественный прием для подчеркивания в герое тех или иных качеств, как суждение о нем других лиц. Разумеется, нельзя считать объективным суждение о герое любого персонажа, но образы «Наших дней» рисуются писателем в социальном плане настолько определенными, что в суждениях каждого из них ясно видна их целенаправленность. И суждения врагов о герое, как, например, герасимовское: «Таких бы давно на виселицу надо вздернуть! А мы им на трибуну выходить дозволяем»... [2], еще в большей степени подчеркивают типичную сущность героя.

Есть герои, во внешней характеристике которых трудно выделить сколько-нибудь целостный комплекс портретных деталей. Так Коля, простой русский парень, внешне ничем не отличается от остальных. Яркость этого образа достигается подчеркиванием главного свойства в характере, которое выступает как организующий центр его, придает характеру определенность, цементирующую остальные особенности в их живом и органическом единстве. Таким организующим центром этого характера явля-

---

[1] Г. Ибрагимов. «Наши дни». Роман. Перевод с татарского Р. Фаизовой. Татарское книжное издательство, Казань, 1962, стр. 76.

[2] Г. Ибрагимов. «Наши дни», стр. 13.

ется подчеркнутая автором целеустремленность героя, его самоотверженность, отдача всего себя делу революции, чем и обуславливается любовь к нему народа: «Татарские рабочие знали Колю как самого пламенного оратора партии в их городе и любили, почитали не меньше, чем своих — таких, как Герей Султан и Зариф Булат» [1]. Действительно, не примени Г. Ибрагимов такой художественный прием в характеристике своего героя, как мнение о нем врага и высказывание друзей, единомышленников, мы вряд ли обратили бы внимание на этого невзрачного сероглазого паренька в красной косоворотке.

Писатель называет его «пламенным оратором» и доказывает это, приведя целиком большую речь Коли. Да, Коля убедительно умеет ответить на словесные выступления врагов, умеет показать рабочим опасность союза с такими «доброжелателями», противопоставить сладким речам буржуазии железное слово пролетариата, слово партии. Вот почему для татарских рабочих он так же близок, как «свои» — Зариф и Герей. Для них нет уже национальных различий, для них существует в данный момент лишь единство идей, единство пролетариата. Вот почему им так близок человек другой нации.

Широта истинно русского характера Коли, свободного от шовинизма, выражается в его поступках. Он не может остаться в стороне, когда царский жандарм Герасимов, верный своим шовинистическим принципам, велит прекратить выступления на татарском языке. Коля выступает в защиту своих друзей татар. Кадомсов с большевистских позиций, просто и убежденно разъясняет рабочим, собравшимся на митинг, половинчатую сущность царского манифеста 17 октября 1905 года. Он умело раскрывает реакционную политику царизма по отношению к народам национальных окраин. Весь порыв его души выливается в действие. «А Коля взобрался на плечи двух рабочих и, тряхнув светлорусыми волосами, гневным голосом подавил нарастающий шум:

— Что это значит, товарищи?.. Что же это за манифест?!.. Почему татарам затыкают рты?! Говорят, нам разрешили собраться здесь, чтобы разъяснить манифест. Как же его довести до татар, которые не знают русского, если не говорить на их языке?!» [2].

Он понимает, что запрещение собрания — прекрасный материал для агитации, и пытается использовать промахи врагов против них самих же. Речь эта свидетельствует и о незаурядной смелости Коли. Перед лицом жандармов он не боится внести предложение о выводе их с собрания. Именно эти черты и при-

---

[1] Г. Ибрагимов. «Наши дни», стр. 13.
[2] Там же, стр. 16.

тягивают к нему татарскую молодежь, благодарную за заботу о себе.

Автор устами Ризвана Вахитова раскрывает еще одну черту характера Кадомсова — его товарищеское, дружеское отношение к юным революционерам, представителям иных наций. Он, как член комитета партийной организации, старается заинтересовать Ризвана марксистской литературой, листовками, вовлечь в активную борьбу. Он заботится и о внутреннем благородстве своего подопечного. Коля считает, что пристрастие Ризвана к вину помешает ему в дальнейшем. Он дружески беседует с ним, а когда не видит результатов, просит помочь в этом своих старших товарищей, например, Разина, «товарища из центра». Ведь в будущем из таких, как Ризван, вырастут стойкие руководители, борцы. Поэтому понятна та забота, которую проявляют о нем товарищи и которая помогает ему освободиться от груза прошлого. Такая поддержка со стороны русских способствовала развитию революционного самосознания у татар, помогала быстрее найти большевикам дорогу к сердцам татарских рабочих, давала им уверенность, что в нужный момент их поддержат татарские товарищи. Большевики из татар тоже проводили политику дружбы народов, они призывали татар бороться вместе с русскими рабочими против царизма, разъясняли отсталым рабочим вредность разъединения. Так, Зариф Булатов говорит перед столкновением с войсками: «... Не разделяй людей на русских и татар. Всем вместе, рука об руку, надо идти на врага!» [1] В ходе революционной борьбы даже самые старые, закоренелые в предрассудках недоверия к русскому человеку рабочие начинают понимать, что им по пути с русскими рабочими. А бои еще предстояли трудные. Вот как закончилось собрание, на котором выступал Коля:

«На трибуну взбежал Коля, стал призывать народ не расходиться. В него вцепились жандармы, а он все что-то выкрикивал, пока его не стянули вниз» [2].

Автор не показывает своего героя в дальнейших событиях, не дает возможности читателю проследить за развитием характера, обнаружить скрытые потенции этого образа. Характер героя в произведении должен оставаться верным себе, идет ли речь о цельной, сильной личности или о лице мелком, незначительном. В образе Коли мы замечаем некоторый неоправданный скачок в развитии его характера, впрочем, возможно, вызванный тем, что это только первая часть задуманной трилогии Г. Ибрагимова.

Лишь в конце романа говорится о том, что «Колю арестовали в те же дни, когда схватили Булата и Герея, и сослали в один из самых дальних углов Якутии» [3]. Позднее друзья пере-

[1] Г. Ибрагимов. «Наши дни», стр. 80.
[2] Там же, стр. 17—18.
[3] Там же, стр. 289.

правили его в Швейцарию через Японию. Партия ценит Кадомсова, устраивает его побег, считает, что он нужен в революционной борьбе, необходим на воле.

Важно подчеркнуть, что этот образ помогает раскрытию важной и нужной проблемы, которую автор рассматривает наряду с другими в романе: проблемы дружбы народов. Автор хотел показать, как в результате совместной борьбы против самодержавия возникает единство в рядах пролетариата, как революционеры различных наций борются за общие цели. И благородной задачей Г. Ибрагимова было создание образа русского революционера. Образ складывается реалистически, помогает раскрытию этой проблемы. Но нельзя сказать, что она исчерпывается лишь одним этим образом. Свое законченное выражение она скорее всего находит в образе Нины, жены Коли. Типические черты революционной молодежи, естественно, воплощены и в характере Нины, но они освещаются и раскрываются с новых сторон, становятся содержательнее, богаче, значительнее, оттеняются новыми. Это исключительно чистая, честная русская женщина, всем сердцем отдавшаяся революции, находит смысл жизни и личное удовлетворение в той борьбе, которую ведет. Нина в партийной работе ничем не отличается от мужчин, русских и татар, которые ее окружают. Она так же смело и решительно выполняет все поручения партии. При обрисовке своей героини автор уделил ей больше внимания, чем Коле. В Нине, обыкновенной русской женщине, он больше узнавал черты того идеала, который хотел бы видеть в борцах. Она прошла типичный путь революционерки, работала в кружках, подвергалась арестам. Вероятно, она из того же ряда женщин, что и Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, Е. Д. Стасова, включившихся в борьбу за освобождение рабочего люда, отказавшихся от своего класса, от благоустроенной жизни во имя будущего трудящихся. Свободным движением доброго сердца определяется ее жизненное поведение. Она — на редкость цельный, законченный характер. Ее нельзя назвать «синим чулком», она не лишена эмоциональности, присущей женщине, не лишена и решительности: «Она считала себя однолюбкой. «Я всю жизнь буду любить только одного! — говорила она себе. — Я живу для партии, для революции, но жизнь, не согретая верной любовью, обессиливает крылья. Партия, революционная борьба, Коля — все это неотторжимые части моего существа...» [1] Поэтому, когда любимого ею человека сослали, она, не раздумывая ни минуты, связала с ним свою судьбу. Как просто, но как верно понимает она слияние личного и общественного долга, как нерасторжима для нее революционная работа и личная жизнь! Она жертвует собой, но не воспринимает это как жертву, а считает, что раз она женщина — ее великое назначение в жизни — обод-

[1] Г. Ибрагимов. «Наши дни», стр. 289.

рять слабых. Нина смотрит на мир светлым, радостным взглядом. Своим присутствием она вдохновляет друзей. Так, Булат, сам того не замечая, после возвращения Нины из ссылки начинает яснее видеть выход из временного спада революции — в лице Нины он нашел верного помощника: вместе с ней он начнет налаживать давно намеченную им самим связь с Центральным Комитетом партии, сплачивать товарищей, и Нина тоже предлагает для этого конкретные шаги: «— Ну, а как же мы теперь, в этих условиях, составим комитет?..— И добавила:— Надо во что бы то ни стало получить разъяснение от центрального комитета. Как будем налаживать связь с ним?...» [1].

Поэтическим сравнением их с путниками, выбирающимися из темного леса, автор показал надежды революционной молодежи на светлое будущее, показал, что среди них есть силы, способные вновь оживить революционное движение, в них — надежда, будущее этой борьбы: «Булат старался передать Нине все, что было ему известно. Словно путники, которые пробиваются к тропе, которая выведет их из темного леса, они как бы ощупью искали свою дорогу в сгущавшемся вокруг них тумане» [2].

Г. Ибрагимов возлагает на этот образ большие задачи. Нина появляется тогда, когда ожидается новый революционный подъем в стране, и на нее ложится огромная задача — способствовать этому подъему, вести работу среди молодежи и рабочих, там, где ей прикажет партия. С ее появлением случайно или неслучайно начнутся события более важные, которые, по-видимому, писатель хотел изобразить в следующей части своей неосуществленной трилогии.

Создание Г. Ибрагимовым образа Нины имело большое значение еще и потому, что в «татарской литературе начала XX века большое место занимал «женский вопрос». Положение женщин у восточных народов, в том числе и у татарского, было особенно тяжелым и позорным. Лирический образ русской женщины заставлял татарских писателей задумываться о том, какие большие таланты, какие богатые духовные силы гибнут и в татарской женщине» [3].

Образом Нины Г. Ибрагимов устанавливает тесную связь между демократическими идеалами русской и татарской литератур. Мы видим, что лучшие традиции русской литературы творчески использованы писателем для воспроизведения цельного образа женщины-революционерки. Г. Ибрагимовым создана целая галерея прекрасных образов татарских женщин, но лучшие черты революционной молодежи ему удалось воплотить

---

[1] Г. Ибрагимов. «Наши дни», стр. 295.

[2] Там же.

[3] Ю. Нигматуллина. «И. С. Тургенев и татарская литература начала XX века (Тургенев и Ф. Амирхан)». Издательство Казанского университета, 1961, стр. 14.

именно в образе Нины. Да, русская девушка такого характера была типична для того времени, а татарской девушке приходилось много внимания уделять еще освобождению от влияния патриархальных условий жизни.

При изображении лучших представителей русского народа у автора нет скучного повторения одних и тех же наблюдений. У него русский человек, будь то мужчина или женщина, лицо не абстрактное, а в каждом конкретном случае совершенно определенное, наделенное своей неповторимой внешностью, своим оригинальным характером. И Нина, и Коля различны по своим характерам, но вместе с тем несут в себе и общее начало, которое присуще именно русским людям: решительность, мужество, терпеливость, открытый и смелый взгляд на жизнь, дружеское отношение к людям других национальностей.

В татарской литературе первых лет строительства Советской власти идея дружбы народов иногда решалась лишь введением персонажей — представителей различных национальностей. К тому же эти образы частенько оказывались схематичными. По мере развития татарской советской литературы и с ростом мастерства писателей тема интернационализма становилась все глубже. Дружба людей различных наций и общность их взглядов в борьбе за завоевание Советской власти нашли реалистическое воплощение, вслед за романом Г. Ибрагимова и в дилогии Ш. Усманова, а также в его повести «Рассвет». К. Наджми удачно продолжает эту благотворную традицию. В романе «Весенние ветры» отражена дружба татар и русских, скрепленная веками, закалившаяся в борьбе за освобождение родины от гнета царизма, еще более окрепнувшая в годы революции. Тема дружбы народов была продолжена и другими татарскими писателями. Так, И. Гази в романе «Незабываемые годы» отражает нерушимую дружбу всех народов нашей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Г. Шамсеев. Из истории борьбы рационализаторов и изобретателей нефтяной промышленности Татарии за технический прогресс (1959—1963 гг.) 3
Р. К. Уразманова. Формирование рабочего коллектива нефтяников юго-востока Татарии 23
К. А. Назипова. Из истории рабочего контроля в промышленности Татарии (1917—1919 гг.). 31
Р. Г. Мухамедова. Некоторые результаты этнографического изучения мишарей 45
П. Н. Старостин. Балымерский «Шелом» — городище. . . 59
Ф. Х. Валеев. Зооморфные мотивы и их развитие в орнаменте казанских татар 69
А. А. Загидуллин. К вопросу о семейных разделах в татарской деревне во второй половине XIX в. 81
Г. А. Сепеев. Архивный документ первой половины XVIII века о восточных марийцах. 83
В. Г. Воздвиженский. Лирика М. Джалиля тридцатых годов. 93
Г. С. Мухамедова. О рассказах военных лет А. Абсалямова . 101
Ф. В. Ахметова. Народно-поэтические традиции в романе Ф. Хусни «Тропа пешехода». 109
М. Ш. Маннурова. Дружба, рожденная в борьбе. . . . 119

Техн. редактор *М. З. Шарафутдинова*

Сдано в набор 23/VI-1965 г. Подписано к печати 16/II-1966 г. ПФ 06026. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печатн. листов 8. Заказ А-293. Тираж 500 экз. Цена 52 коп.

Типография „Татполиграф" Управления по печати при Совете Министров ТАССР
Казань, ул. Мирославского, дом № 9.

52 коп.